

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Селезнёв Ю. В.** Русский князь в ставке ордынского хана 3
- Рабинович Я. Н.** Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин 11
- Гузевич Д. Ю.** Мемориальная доска XVII века 18
- Сидорова Н. И.** Журнал «Сионский Вестник» – отражение идей А. Ф. Лабзина 22
- Луконин Д. Е.** Несостоявшийся альянс: деятели «новой русской школы» на службе у Александра III 25
- Суворов В. В.** Политические убеждения Э. Э. Ухтомского 31
- Варфоломеев Ю. В.** Г. Е. Распутин и «распутиниада» в судьбе России начала XX века (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) 34
- Киясов С. Е.** Последние масоны Российской империи 40
- Лосева Е. С.** Выражение тоталитарной государственной стратегии в российских архитектурно-символических практиках периода 1930–1950-х годов 46
- Шлыкова О. В.** Место и роль колхозов в сельскохозяйственном производстве в 1950–2000-х годах (краткий историографический анализ) 49

Всеобщая история и международные отношения

- Лебедева А. А.** Средневековое развитие городов Моравии в отечественной историографии и перспективы его изучения 52
- Королева О. В.** Образ и место восточного города на страницах записок английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII века 56
- Кочуков С. А.** К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов 64
- Панин Е. В.** Из истории создания и деятельности Университета для китайских трудящихся в Москве (1925–1930 годы) 72
- Ким И. К.** Идеино-политические основы сотрудничества и противоборства политических сил периода режима санации в Польше 79
- Буранок С. О.** Сражение за Мидуэй в оценках американской прессы 4–6 июня 1942 года 84
- Бонцевич Н. Н.** Американские СМИ о Советской России в 1947 году 88

Региональная история и краеведение

- Куталевский Н. М.** Социальный состав гласных волостных земских собраний Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний, избранных в августе–октябре 1917 года 97
- Курмакаева Д. Ю.** Из истории становления общественного транспорта Саратова 101
- Гуменюк А. А.** История социальной работы в России (с привлечением материала по Саратовскому краю) 106
- Чолахян В. А.** Индустриальная модернизация Саратовского края в годы второй пятилетки (1933–1937 годы) 114

Сведения об авторах

122

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Данилов Виктор Николаевич
- Заместители главного редактора**
Чернова Лариса Николаевна
Герман Аркадий Адольфович
- Ответственный секретарь**
Рабинович Яков Николаевич
- Члены редакционной коллегии:**
Галямичев Александр Николаевич
Голуб Юрий Григорьевич
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Черевичко Татьяна Викторовна
Чолахян Вацаган Альбертович
Шенин Сергей Юрьевич
- Зарегистрировано**
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 16.12.11.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 97.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2011

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Seleznev Ju.V. Russian prince at the court of the golden horde's khan: in the general headquarters of east governor	3
Rabinovich Y.N. Personalities of The Time of Troubles: Semen Gavrilovich Korobin	11
Gouzévitch D. Memorial Board of the 17th century	18
Sidorova N.I. Magazine «Zion Bulletin» – reflection of A. F. Labzin ideas	22
Lukonin D.E. A Failed Alliance: The functioners of «The New Russian School» on the Service of the Alexander III	25
Suvorov V.V. Political views of E. Ukhtomskiy	31
Varfolomeev Yu.V. GE Rasputin and «Rasputiniada» in Russia's destiny Early. XX century (According to the Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government)	34
Kiyasov S.E. The Last Masons of the Russian Empire	40
Loseva E.S. Expression Totalitarian State Strategy in Local Architecturalsymbolic Practice Period 1930–1950 Years	46
Shlykova O.V. Place and Role of Collective Farms in Agricultural Production Years 1950–2000 (A Brief Historiographical Analysis)	49

World History and International Relations

Lebedeva A. A. The native historiography of medieval Moravian cities development: the history and the prospects of studying	52
Koroleva O. V. The Portrayal and Place of Eastern City in the Papers of English Travelers, Late 16 – Early 17 Centuries	56
Kochukov S. A. To a question of formation of the case of war correspondents in Russian-Turkish war 1877–1878	64
Panin E. V. From the history of creation and activity of the University of the Chinese workers in Moscow (1925–1930)	72
Kim I. K. Kim The ideological and political basis of cooperation and confrontation political forces during the sanacja regime in Poland	79
Buranok S. O. The Battle of Midway in the estimates of the U.S. press June 4–6, 1942	84
Boncevich N. N. The American Press about the Soviet Russia in 1947	88

Regional History and Local Studies

Kutalevskiy N. M. Social composition of the members of the Volost Zemskiy Assemblies of As-trakhan, Orenburg and Stavropol provinces elected in August-October of 1917	97
Kurmakaeva D. Y. «From the history of the development of public transport Saratov»	101
Gumenyuk A. A. The history of social work in Russia (with materials of Saratov's region)	106
Cholakhyan V. A. Industrial upgrading of the Saratov region during the Second Five-Year Plan (1933–1937)	114

Information about the Authors	123
--------------------------------------	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47+57) «12/14»

РУССКИЙ КНЯЗЬ В СТАВКЕ ОРДЫНСКОГО ХАНА

Ю. В. Селезнёв

Воронежский государственный университет
E-mail: orda1359@mail.ru

В статье предлагается теоретическая реконструкция пребывания русских князей при дворе ордынского хана в XIII–XV вв. Работа основана на анализе свидетельств в русских летописях, записок арабских, китайских и западноевропейских путешественников.

Ключевые слова: Русь, Орда, русско-ордынские отношения, Джучиев улус, Сарай.

Russian Prince at the Court of the Golden Horde's Khan

Ju. V. Seleznev

In this article theoretical reconstruction of staying Russian princes at a court of the khan of Golden Horde in XIII–XV centuries is offered. This work is based on the analysis of Russian chronicles accounts, notes of the Arabian, Chinese and West European travellers.

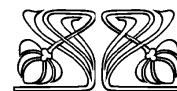
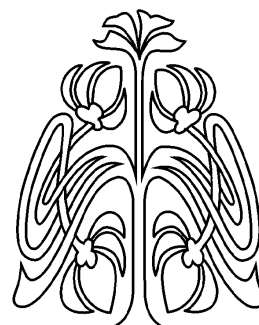
Key words: Russia, Golden Horde, Russo-tatar relations, Ulus Djuchi, Sarai.

В результате монголо-татарского завоевания в 1230–1240-х гг. русские княжества оказались непосредственно вовлечены в сферу политического влияния Джучиева Улуса. Особенности данного взаимодействия рассмотрены в работах Н. М. Карамзина, А. Н. Насонова, В. Г. Вернадского, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якобувского, Ч. Гальперина, Д. Голдфранка и Д. Островски, А. А. Горского, И. Н. Данилевского, А. И. Филошкина. Специально посвятила своё исследование пребыванию русских людей, в том числе и князей, в Орде М. Д. Полубояринова¹.

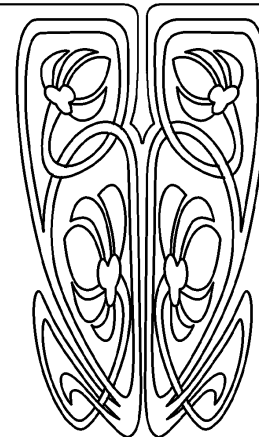
В целом исследователи, отмечая включенность русских князей в политическую систему Орды, неизбежность их пребывания долгое время в ставке хана, вовлеченность в функционирование элиты Джучиева улуса, значительность влияния данных процессов на менталитет правителей и, соответственно, на последствия для развития Руси, различных способов усвоения политической культуры подробно не рассматривали. Не рассмотрены подробно и особенности пребывания русского князя в ставке восточного правителя. Между тем именно во время своего присутствия при дворе ордынского хана русские князья усваивали джучидскую политическую культуру.

В первую очередь необходимо отметить, что путникам, въехавшим на территорию ордынского государства, выделялись сопровождающие лица, которые должны были провожать их до места назначения, советовать представителям другого племени, как себя вести в стране, и обеспечивать их безопасность. Так, Рубрук упоминает о сопровождавшем его проводнике². О провожатых говорит и Плано Карпини, а в ставке Куремсы к нему приставили «трех Татар, которые были десятниками»³. Ибн Батута совершал свое путешествие в сопровождении довольно знатных лиц – наместника Крыма эмира Туглук-Тимура и его брата Исы⁴.

Вероятно, русские князья, которые ездили преимущественно водным путем, таких сопровождающих лиц получали только в ставке хана (в столице или в кочевье). Во всяком случае в «Житие Михаила Тверского» особо отмечается, что Михаилу Ярославичу по прибытии в ставку хана «Царь же дасть ему пристава, не дадуще его никому же обидети»⁵.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Достигшим столицы ордынского государства русским князьям предстояло выяснить, здесь ли хан. Если хана в Сарае не было, необходимо было добираться до места его кочевания.

Яркой иллюстрацией этого является описание поездки князя Бориса Константиновича Нижегородского к хану Токтамышу в 1389 году. Прибыв в столицу Орды, князь узнал, что «... в то время царь Токтамыш пошел на воину ратию на Темиръ Аксака»⁶. Хан Токтамыш не стал решать вопросов в условиях боевого похода: князю пришлось провести тридцать дней в дороге, и только затем Токтамыш позволил ему вернуться в Сарай и дожидаться его там.

В ожидании аудиенции в ставке хана русским князьям и их спутникам предстояло решать ряд бытовых проблем.

В первую очередь необходимо было расположиться для проживания. Арабский путешественник Ибн Батута, посетивший Орду в 1334–1336 гг., отметил, что в Сарае существовали кварталы по национальному признаку, в том числе и русский: «Каждый народ живет в своём участке отдельно; там и базары их»⁷. Заботу о пропитании необходимо было взять на себя, как свидетельствовал тот же Ибн Батута: «Эти Тюрки не знают ни обычая отвода помещения приезжему, ни отпуска ему продовольствия, а только посылают ему овец и лошадей для заклания и меха с кумысом. Вот их способ оказывания почета»⁸. Причем эти слова имеют отношение к почетным гостям, каковым был Ибн Батута, и официальным послам. Русские же князья, будучи подданными хана, могли не получать даже этого минимума.

Наличие своего национального квартала позволяло вести привычный образ жизни и соблюдать обряды в соответствии с вероисповеданием. К примеру, привычка стирать и мыть одежду вызывала протесты татар и могла привести к смертной казни: «... не есть снега и не мыть платья в орде, а если уже случится мыть его, то делать это тайком...»⁹.

Русские источники обозначают место расположения в ставке хана русских князей как «стан» или «вежа». Например, при описании казни Александра Михайловича Тверского летописец указывает: «А **двор** блаженнаго разграбиша Русь же и татарове, а имение русское повезоша к себѣ в **станы**, а **вежю** расторгоша подробну...»¹⁰. Таким образом, в стане или веже князю отводилось особое место – его двор.

Вероятно, стандартное время пребывания при дворе хана составляло около 25 дней. В случае отсутствия каких-либо осложнений (русские источники особо отмечают задержку ханом князей) после аудиенции у хана и получения соответствующих ярлыков князья или послы отправлялись домой. Об указанном количестве времени свидетельствует Галицко-Волынская летопись, в которой повествуется о поездке князя Даниила Романовича Галицкого к Батыю: «Бывшу же князю

у них дней 20 и 5, отпущень бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимъ»¹¹.

Арабский автор XIV столетия Ал-Муфадаль, рассказывая о пребывании при дворе ордынского хана Берке, указывает, что «пробыли они у него 26 дней»¹².

Косвенно указанное время на аудиенцию у хана подтверждают свидетельства о поездке московского князя Василия I в 1412 году. Выехав 1 августа из столицы княжества в ставку хана, он должен был прибыть туда через два месяца, примерно 1 октября. А 26 октября он был отпущен ханом и приехал в Москву до 24 декабря 1412 года¹³. Таким образом, время пребывания князя в ставке хана Джелаль-ад-Дина составило как раз 25–26 дней.

За это время князья должны были посетить хана, когда тот соизволит их вызвать.

Аудиенция была сопряжена с рядом обрядов. В частности, приходящие к хану должны были пройти между двумя очистительными огнями. Отказ от соблюдения данного обряда мог повлечь за собой печальные последствия. Так, князь Михаил Всеволодович Черниговский, не пройдя обряда, был казнён¹⁴.

Однако этого языческого обряда можно было избежать. Во всяком случае составитель Галицко-Волынской летописи отмечает, что князю Даниилу Романовичу Галицкому удалоськлониться от него: «Приходяща цари, и князи, и велможе солнцу и луне и земли, дьяволу и умершимъ въ адъ отцемъ ихъ и дедомъ и матеремъ водяше около куста поклоняться имъ ... приде к Батыеву на Волгу. Хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю человеку Сънъгурови, рекше ему: “Брат твой Ярославь кланялься кусту и тебе кланяться”. И рече ему: “Дьволь глаголетъ из усть ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое”. Во ть час позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ и злого их бешения и кудешества»¹⁵.

Далее летописец отмечает, что Даниил «... поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его (Батыя. – Ю. С.)»¹⁶. Порядок же вхождения в юрту хана известен нам из описаний в арабских хрониках и записках западноевропейских путешественников.

Арабский автор Ал-Муфадаль, описывая прием египетских послов ханом Берке, отметил следующее: «Рано утром царь Берке, находившийся в близком от них помещении, пригласил послов к себе. Их уже уведомили, что им следует делать при входе к нему, т. е. ... никому не входить к нему в шатер с мечом, с ножом или с оружием; не прикасаться ногами к порогу шатра; когда кто снимет с себя свое оружие, то слагать его на правую сторону, вынуть лук из сайдака, опустив тетиву, не оставлять в колчане стрел»¹⁷.

Папский легат Плано Карпини описывает свой приём у Коренцы (Куремсы): «... мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце...

Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили все это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя...»¹⁸. Китайский сановник Сюй Тин, посетивший монгольские степи в 1235–1236 гг., также отмечал, что кочевники казнят тех «кто [коснется] обовью порога»¹⁹. Также он отмечал, что монголы «в знак приветствия ... припадают на левое колено в качестве поклона»²⁰.

Таким образом, прежде чем войти в шатер или юрту хана, необходимо было трижды преклонить перед входом колено, снять ремни с холодным оружием, отпустить тетиву у лука и вынуть стрелы из колчана. Оружие необходимо было сложить с правой от себя стороны. Особо отмечена необходимость остерегаться наступить на порог входной двери шатра или юрты – за это можно было поплатиться жизнью.

Внутреннее убранство ханского шатра описывает арабский автор Ал-Муфадаль. Египетские послы, войдя к ордынскому хану, «...застали царя Берке в большом шатре, вмещавшем в себе 500 всадников, покрытом белым войлоком, внутри обитом шелковыми материями и китайками (?) и украшенном жемчужинами и драгоценными камнями»²¹.

Далее описывается впечатление от аудиенции. Арабский автор отмечает, что сам хан «сидел на престоле, свесив обе ноги на скамейку, на которой лежала подушка, так как хан страдал ломотою в ногах. Сбоку у него сидела старшая жена его»²². Подобную же картину в отношении Батыея описывает Плано Карпини: «...А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен...». Рубрук, посетивший двор Батыея десятилетием позже Карпини, застал ту же картину: «...Сам же он (Батый. – Ю. С.) сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа...»²³.

Далее, по словам арабского автора Ал-Муфадаля, послам следовало представить послание, которое хан Берке «...приказал визирю прочесть... Потом он велел перейти с левой стороны (на правую) и уставить их по бокам шатра, позади находившихся при нем эмиров, приказал подать им кумыса и после того вареного меда, а потом предложил им мясо и рыбу, и они поели...»²⁴.

Несколько иначе принимали Плано Карпини: «...Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа...»²⁵.

Здесь необходимо отметить, что, по свидетельству китайского путешественника Сюй Тина, кочевники, и в частности монголы, «помещают в середину самых почитаемых людей, следующих по почитаемости – справа от них, а левая сторона – для ниже их сидящих»²⁶.

Более детально свой прием у Батыея описал Рубрук. Во-первых, он указал, что его предупредили, «...чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко...». Во-вторых, посланник французского короля указал, что «...нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы...». Когда же ему было позволено изложить суть своего послания, «...Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого...». Выслушав посланника, Батый «...приказал мне встать и спросил об имени вашем (французского короля. – Ю. С.), моем, моего товарища и толмача и приказал все записать...». Побеседовав с Рубруком, Батый распорядился, чтобы он и его сопровождающие сели «и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме...»²⁷. Решение по сути дела было отложено на более позднее время, а послы были отпущены.

Надо полагать, что подобную картину видели в ставке хана и русские князья. Вероятно, им необходимо было соблюдать при посещении хана точно такую же последовательность действий. Основанием для подобного суждения является пример князя Даниила Галицкого, который, по словам летописца, войдя к Батыею, «поклонился по обычаю ихъ» и «...сидеть на колену и холопомъ называется...»²⁸. По всей видимости, чтобы представить суть своего посещения, Даниилу предстояло выйти на середину шатра и преклонить колени перед ханом. Не исключено, что, не будучи послами, но являясь владетельными правителями, русские князья не должны были преклонять колен перед входом в шатер. Во всяком случае, никаких прямых указаний на необходимость этого в источниках не сохранилось.

Далее летописец передает суть беседы князя с ханом Батыеем: «Рекше ему: “Данило, чему еси давно не пришел? А ныне оже еси пришел – а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузь?”. Оному же рекшу: “До-селе есмь не пилъ. Ныне же ты велишь – пью”. Он же рче: “Ты уже нашъ же тотаринъ. Пий наше питье”. Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвля слова своя...»²⁹. Таким образом, Даниил и, вероятно, все русские князья на приеме должны были испить кумыса, что, как отмечал Рубрук, было оказанием чести, а отказ от разделения питья с ханом мог нанести серьезное оскорбление. Затем Даниил заявил Батыею: «“Иду поклониться великой княгини Баракъчинови”. Рече: “Иди”».

Шедь поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: «Не обыкли питии молока, Пий вино»³⁰. Надо полагать, что старшая жена Батыя Боракчин находилась в том же шатре слева от хана. По отношению же к посещавшему правителя она оказывалась на правой стороне. Таким образом, Даниил перешел с левой стороны на правую, почтил вниманием жену Батыя и был поощрен ковшом вина из рук хана.

Особо необходимо подчеркнуть, что русские князья, испившие кумыс, считали себя серьезно согрешившими. По свидетельству Рубрука, «... находящиеся среди них (монголо-татар. – Ю. С.) христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его (кумыс. – Ю. С.) и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры»³¹. Таким образом, после посещения хана русские князья оказывались в состоянии наложенной епитимьи и, по всей вероятности, проводили время в молитвах³².

По свидетельствам из арабских и западноевропейских источников, во время аудиенции у хана в шатре находились знатные нойоны или эмиры. Ал-Муфадаль отметил, что «... в шатре сидело 50 эмиров на скамейках»³³. Плано Карпини, описав расположение Батыя и его жены, указал, что «... другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево»³⁴. Рубрук, описывая присутствующих на приеме, не отмечает какого-либо особого порядка: «... Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи»³⁵.

Как отмечалось выше, решение по сути вопроса не принималось ханом сразу, при первом посещении. В течение месяца князьям предстояло ещё, как минимум, один раз посетить хана. В сложных и спорных вопросах количество приёмов могло увеличиваться.

Обычный день русского князя в ставке хана, если не был заполнен посещением хана и знатных лиц, состоял из молитв и передвижения по столице или ставке хана с целью сбора информации. Вероятно, князья передвигались верхом на лошади. Во всяком случае, единственное упоминание о времяпровождении князей в ставке хана относится к князю Александру Михайловичу Тверскому, который «Кончавше заутрню, онъ же вседь на конь, и нача издिति, вестъ переимаа»³⁶. В данном случае необходимо отметить, что китайский путешественник Сюй Тин особо подчеркивал, что ему «за время поездок в степь и обратно ни разу не пришлось увидеть кого-нибудь, кто бы путешествовал пешком»³⁷.

Для оказания почта хану и правящей элите Джучиева улуса, а также для обеспечения положительного решения вопроса князья должны были посетить жен хана и его эмиров, в первую очередь из ближайшего окружения хана. Так, в 1371 г.

«...прїида въ Орду, князь великїи Дмитреи Московьскїи многы дары и велики посулы подавалъ **Мамаю и царицамъ и княземъ**, чтобы княженїа не отъняли»³⁸. В 1431 г. решение судьбы великого княжества в споре между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем оказалось в зависимости от позиции ордынских эмиров. По словам летописца, «Боарин же бе тогда с великим князем Иванъ Дмитриевич (Всеволожский. – Ю. С.), тои здума великому князю начат бити челом великим княземъ Ординьским, Алдару и Миньбулату, и прочим князем Татарьским за своего государя великого князя Василья... яко же стрелою уязви сердца их, и таков си они князи Ординьстїи начаша царю бити челом за великого князя»³⁹.

По данным «Жития Михаила Тверского», князь в 1318 г., прибыв в ставку хана, сначала «одари вси князи и царицю» и лишь затем («последи же») «и самого царя»⁴⁰.

Посещение жены хана описал Ибн Батута. На следующий день после посещения хана Узбека он отправился к Тайдуле, его старшей жене. По словам арабского путешественника, «... Она сидела среди десятка старых женщин, как бы её прислужниц; перед ней находилось около 50 маленьких девушек, называемых дочками, перед которыми стояли золотые и серебряные блюда, наполненные вишнями, и они чистили их. Перед хатунью стояло золотое блюдо, наполненное ими же (вишнями), и она также чистила их». Ибн Батута поклонился Тайдуле, и она приказала поднести гостю кумыс. Путешественник подчеркивает, что напиток «принесли в красивых, легких деревянных чашах. Она собственноручно взяла чашу и подала мне ее. Это у них крайняя любезность. Прежде этого я никогда не пивал кумысу, но мне нельзя было иначе поступить, как взять его». Арабский путешественник и хатунь провели вполне светскую беседу («она расспрашивала меня относительно многих обстоятельств нашего путешествия и мы отвечали ей»), после чего Ибн Батута покинул шатер Тайдулы⁴¹.

Приведенное описание дает нам определенное представление об обстоятельствах смерти князя Ярослава Всеволодовича в Каракоруме осенью 1246 года. По данным Плано Карпини, находившегося в это время при дворе хана Гуюка, князь Ярослав «был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почта, дала ему есть и пить из собственной руки, и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там ополчили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁴².

Если Ярослав Всеволодович действительно был отравлен и его смерть не явилась трагической случайностью и совпадением с посещением Туракины, это случилось потому, что князь не мог отказаться от чести принять из рук столь знатной особы преподнесенного ему питья. В

противном случае это явилось бы оскорблением и могло повлечь за собой серьёзные последствия, вплоть до казни. Таким образом, если принимать версию Плано Карпини о смерти Ярослава с целью «свободнее и окончательнее завладеть его землею», выбора у князя не было: приняв чашу с питьем из рук хатуни, он был отравлен; отказавшись от неё и нанеся тем самым оскорбление, он был бы казнен.

Вообще пребывание русского князя при дворе хана была сопряжено с опасностью быть осуждённым и казнённым. Процедура судопроизводства и приведения приговора в исполнение скрупулёзно описана в «Житие Михаила Тверского». Ряд деталей нам дают описания казни других князей – Михаила Черниговского (1245), Романа Рязанского (1270), Александра Тверского (1339) (всего за период ордынского владычества было казнено 11 князей).

Навестив эмиров, жен хана и самого Узбека, Михаил вынужден был ожидать дальнейших событий полтора месяца. По истечении данного срока Узбек распорядился произвести судебное разбирательство: «Сотворита има суд съ княземъ Юриемъ»⁴³.

Судя по контексту повествования, ордынские эмиры не торопились с осуществлением судопроизводства. Тем не менее в один из дней «собраша вси князи ординьсти за дворъ его, сѣдше въ единой веже». Таким образом, судебное разбирательство совершалось рядом со станом князя Михаила.

Обвинения предъявлялись в письменном виде: «покладааху многы грамоты съ многимъ замышлениемъ»⁴⁴. Основное обвинение состояло в утаивании дохода: «Многы дани поимал еси на городех наших, а царю не дал еси»⁴⁵. Особое возмущение автора «Жития...» вызвало совмещение статуса судьи и свидетеля Кавгадыем: «...се бо бяше нечестивый Кавгадый самъ судия и, судя же, тоже лживъ послухъ бываше»⁴⁶. Причем Кавгадый, судя по тексту памятника, всячески выгораживал себя в событиях предшествующего времени. Данное заседание судей не завершилось каким-либо решением.

Только через неделю Михаил предстал перед судьями на следующем заседании. Однако в этот раз его связали и объявили приговор: признать виновным в утайке дани («царевы дани не далъ еси»), сопротивлении ордынцам («противу посла биься еси») и в отравлении сестры Узбека – жены московского князя Юрия Кончаки – Агафьи («а княгиню Юрьеву повелелъ еси уморити») ⁴⁷.

Михаил был взят под стражу, и «приставиша от седми князей семь сторожей, инехъ немало»⁴⁸, а утром следующего дня «возложиша колоду велику от тяжка древа на выю»⁴⁹. Именно так, с колодой на шее, было приказано отправить князя Михаила вслед за ханом Узбеком, который выехал на охоту.

Через 24 дня по приказу Кавгадыя князя Михаила вывели на торг и «повелѣ святаго поставити на колѣну пред собою»⁵⁰.

А спустя 26 дней, 22 ноября, князь был предан смерти. Автор «Жития...» описывает саму казнь следующим образом: палачи ворвались в помещение где находился князь в колодке, который встретил их стоя («Убийцы же, яко диви Зверие, немилостивии кровопийцы, разгнавшѣ всю дружину блаженнаго, вскочивше в вежу, обрѣтоша его стояща»). Удерживая за деревянную колодку, его начали бить, – удары были такой силы, что отлетая, князь проломил стену помещения («И тако похвативше его за древо, еже на выи его, удариша силно и вьломиша на стену, и проломися стена»). Князь поднимался, но после того, как палачи его снова повалили, они начали бить Михаила ногами («Он же паки вскочивъ, и тако мнози имше его, повергоша на землю, бияхуть его нещадно ногами»). Затем его закололи ножом, а сердце вырезали («И се единъ от беззаконных, именем Романецъ, и извлече ножъ, удари в ребра святаго, в десную страну и, обращая семо и овамо, отреза честное и непорочное сердце его»). «И тако предасть святую свою блаженную душу в руце Господеву великий христолюбивый князь Михайло Ярославичъ месяца ноября в 22 день, в среду, въ 7 дни...»⁵¹ – завершает своё описание казни автор «Жития...». Место стоянки князя было разграблено и разгромлено.

Казнь Михаила Черниговского в 1246 г. была осуществлена иначе: приехавшие верхом палачи схватили его и, удерживая за руки, начали бить кулаками в грудь («Тогда убийци приехаша, скочиша с конь и, яша Михаила и растягоша за руце, почаша бити руками по сердцю»); затем его повергли наземь и били ногами, пока не остановилось сердце («По семь повергоша его ниць на землю и бияхуть и пятами. Сему же надолзе бышу»). И только потом ему отрезали голову («Некто... именемъ Доманъ, сий, отреза главу святому мученику Михаилу и отверже ю проч...») ⁵². Вместе с князем принял мученическую смерть его верный боярин и слуга Федор: «Тогда начаша Феодора мучити, яко же и преже Михаила, после же честную его главу урезаша»⁵³.

В материалах католической миссии, в частности в записках Ц. де Бридиа, также сохранилось описание казни князя Михаила Всеволодовича Черниговского: «...недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на непоколебимости своей веры в Христа, было приказано бить его пятаком в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичество, то ему перерезали горло ножом. А воину, который поощрял, отсекали голову...»⁵⁴.

Таким образом, разные независимые друг друга источники описывают нам примерно одина-

ковую картину казни Михаила Черниговского, что свидетельствует в пользу достоверности данных описаний.

Под 1270 г. в русских летописях помещено описание казни князя Романа Рязанского: вероятно, князя повалили на землю, вложили в рот деревянный брусок и начали отрезать пальцы ног и рук, а затем, вероятно же, сами руки и ноги («заткоша ему уста убрусомъ, начаша его резати розно»). Судя по контексту («и яко розоимаша, остас(я) трупъ единъ»), князь скончался от болевого шока; после этого ему отрезали голову и палачи, насадив ее на копье, продемонстрировали окружающим место казни зевакам («они же голову его одраша, на копие възоткнуша») ⁵⁵.

Скорее всего, подобным же образом были казнены князь Александр Михайлович Тверской и его сын Федор: «... месяца октября 29 (1339 г. – Ю. С.) ... убьена быста и розоимаша ихъ по составомъ» ⁵⁶. Правда, летописец в данном случае меняет последовательность – сначала отец и сын были убиты и только затем расчленены.

Как мы видим, сама казнь была публичной, кровавой и жестокой. Вероятно, это должно было служить для устрашения непокорных князей, в первую очередь русских. Вполне закономерно, что видевшие казнь своих родных и близких князья оказывались под страхом мученической смерти и старались не прогневить хана своим поведением.

Кроме казней, русские князья становились свидетелями и других событий в ставке хана.

К примеру, летописные записи о богатых событиях 1360-х гг. – времени «великой зямтнии» в Орде – сохранили массу свидетельств о пребывании князей в ставке хана и об их впечатлениях от происходившего в степи.

Главное, что отмечали летописцы, – это смена главы государства. Политический аспект был жизненно важен для русских князей, потому уже под 1359 г. летописи фиксируют процесс смены ханов, записанных, по всей видимости, по рассказам князей и сопровождающих их лиц. В конце лета 1359 г. был убит хан Бердибек и престол занял Кульпа. А 13 ноября того же года умер великий владимирский князь Иван Иванович Красный и, в соответствии со сложившимся порядком, «... Тое же зимы князи Роусьскыи поидоша въ Ордоу...» для возобновления инвеституры и получения ярлыка на вакантное теперь Владимирское княжество. Однако ко времени достижения русскими князьями столицы Орды там уже занял престол Науруз «и къ нему попридоша вси князи Роусьскыи» ⁵⁷. Первой ко двору прибыла московская делегация, сопровождавшая малолетнего князя Дмитрия Ивановича, «и видэ царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ», Науруз предложил ярлык на Владимирское княжество Андрею Константиновичу Нижегородскому. Но тот отказался и «состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею» ⁵⁸.

Показательны события 1361 г., когда в степь отправилось солидное количество князей в связи с приходом к власти Хызра (Кидырь/Хидырь). Особо летописец отмечает, что Дмитрий Иванович Московский и его свита «милостію Божією выиде изъ Орды до зямтнии». После этого в памятнике засвидетельствованы очередная смена хана – «убіенъ бысть царь Кыдырь отъ своего си брата отъ Мурута и седе на царстве Мурут» – и фактический распад Орды на отдельные улусы и орды: Крымом завладели Мамай и его марионеточный хан Абдулах («А Мамай князь Ординскыи и осилель съ другую сторону Волги, царь бе у него именован[ъ] Авдуля»), самозванец Кильдибек завладел Нижним Поволжьем («а трети царь въ тоже время въ Орде въста въ нихъ и творящес[ъ] сынъ царя Чанибека именован[ъ] Килдибек и тотъ тако же дивы многи творяше въ нихъ»), в столице Джучиева улуса установилась своя власть («А иные князи Ординскыи затворишасъ въ Сарай, царя у себе именуящи 4-го»), Волжскую Булгарию захватил эмир Булак-Темир («А Болакътемиръ Българы взялъ и ту пребываше, отънялъ бо Волжскыи путь»), Мордовский улус обособился под главенством эмира Тагая («А инои князь Ординскыи, Тагаи бе имя ему, и отъ Бездежа и Наручады ту страну отнялъ себе и ту живящее пребывавшее») ⁵⁹. Летописец завершает свой обзор общими замечаниями: «... гладу же въ нихъ велику належашу и зямятне мнозе и нестроению надлъзе пребывающу и не prestaющее другъ на друга въстающе и крамолююще и воюющее межи собою, ратящиеся и убивающес[я]» ⁶⁰.

Можно с уверенностью говорить, что все эти детали политического кризиса в Орде появились в летописных памятниках в результате обработки личных наблюдений русских князей и сопровождавших их лиц. Основанием для подобного вывода является предварительное замечание автора: «Того же лэта (1361 г. – Ю. С.) поидоша въ Орду князь великій Дмитрей Костянтинович[ъ] Суждальскыи, князь Андреи братъ его, князь Костянтинь Ростовскыи, бысть при нихъ зямтния велика въ Орде (курсив мой. – Ю. С.)» ⁶¹. Вероятно, именно впечатления нижегородско-суздальских и ростовского князей легли в основу данного отрывка.

Несколько иную версию мы читаем в том же Рогожском летописце. Но начинается она со свидетельства о том, что «... Тое же осени (1361 г. – Ю. С.) князь Василей (Василий Михайлович Тверской, Кашинский. – Ю. С.) пріиде изъ Орды съ Бездежа увернувся, а сребро тамо поклалъ». Далее приводятся подробности смерти Хызра, причем более детально: «А царя Хедыр и сына его убили, и бысть въ Орде зямтня велика, а на царствэ посадили Хедырева сына болшаго и пребылъ на царстве 2 недели и они его убили, а потомъ Ардемелика посадили на царстве, и тотъ царствовалъ месяц и оне его убили. И бысть въ Орде зямтня велика и сеча старыи князи Сарая

и когуи, инехъ множество побиша...». А вот последующие события приводятся более бегло и поверхностно, правда, с добавлением некоторых деталей: «...И на седе на царство Мурутъ и яшася зань князи Ординьские. А Темирьхозя перебежа за Волгу и тамо убиень бысть, а Мамаи перебежа за Волгу, а Орда и царици вси съ нимъ. А Секизь бии Запаніе все пограбиль и, обрывся рвомъ, ту седе»⁶². Вероятно, источником данного сообщения был другой информатор, в поле зрения которого попали в большей степени события в столице Орды. В то же время и первое сообщение, и второе повествуют в основном о смене власти в Сарае, то есть оба информатора наблюдали происходящее непосредственно в столице Джучиева улуса, а о том, что происходило за её пределами, узнавали со слов очевидцев. Надо полагать, что сведения исходили если не от самих пребывавших в степи князей, то во всяком случае из их свиты и ближайшего окружения. Причем второе сообщение, явно «тверского» происхождения, вероятно, связано с информаторами тверского княжеского двора, а возможно, и с человеком, специально отправленным в столицу Орды, вернувшимся с дороги Василием Кашинским. Задачей таких посланников и был сбор сведений о происходящих в государстве событиях и об изменениях в политической ситуации. Ведь не случайно в следующем году, когда страсти более-менее улеглись, князь Кашинский с сыновьями отправился в ставку хана.

Несколько иные детали пребывания князей представлены в описании поездки в ставку хана Улуг-Мухаммеда Василия Васильевича Московского и Юрия Дмитриевича Галицкого.

В первую очередь летописец отмечает, что князья были размещены у московского даруги Минь-Булата. Причем особо подчеркивается: «Князю же великому честь бе велика от него, а князю Юрью бесчестие, истома велика». Однако ордынский эмир Ширин Тегиня «добрь бяше до князя Юрья» – под угрозой применения оружия от забрал Юрия и вместе с ним отправился на зимовку в Крым. Василий Васильевич зимовал в ставке хана в кочевье Минь-Булата. Во многом этот факт сыграл решающую роль, потому что хан выдал ярлык юному Василию: будучи при дворе ордынского правителя, сопровождающим лицам московского князя, и в частности Ивану Дмитриевичу Всевожскому, удалось склонить на свою сторону влиятельных ордынских эмиров и хана⁶³.

Однако хан Улуг-Мухаммед решил, прежде чем выдать ярлык, устроить судебное разбирательство: «Царь же повелевъ своим княземъ судити князеи Русских, и много пря бысть межи их».

Суд выиграла московская делегация, поскольку Юрий апеллировал к завещанию своего отца Дмитрия Ивановича (Донского) («искаше стола своего, князь Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея»), а боярин Всевожский особый упор делал на волю хана и подчинение этой воле Мо-

сквы: «... Нашь государь великы князь Василеи ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком...»

Особо летописец отмечает обряд поведения коня: после выдачи ярлыка хан «...повеле князю Юрью и конь повести под ним». Летописец особо подчеркивает, что Василий отказался от этой чести для него самого и унижения для его дяди («Князь же великы не восхоте того, дядю своего обесчестити»).

Другим немаловажным результатом визита русских князей стало то, что несогласный с решением ордынского правителя эмир Ширин Тегиня хотел покинуть Улуг-Мухаммеда и перейти на сторону его противника Кичи-Мухаммеда («...а Ширинъ Тегиня ста о том же противу царя и хоте отступити от него, поне же бо в то время пошель бяше на Махмета Кичъ Ахмет царь...»)⁶⁴.

Примечательно, что позиция ордынских эмиров в отношении того или иного русского князя могла повлиять на политическую обстановку в Орде, в том числе и на мнение хана. Этот факт свидетельствует о значительном вовлечении русских князей в политическую культуру Орды: позиция князя могла, таким образом, повлиять в определенных условиях на обстановку при дворе ордынского хана, во всяком случае в первой половине XV столетия.

Таким образом, русские князья должны были провести в ставке хана не менее 25/26 дней. За это время им надо было навестить хана, его жен и знатнейших эмиров, что давало возможность не только склонить их на свою сторону, но и продемонстрировать почтение и уважение к хану и государству.

Примечания

- ¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. СПб., 1842. Т. 4. Стб. 22. Т. 5. Стб. 216; Насонов А. Н. Монголы и Русь // Арабески истории. М., 1994. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. С. 160; Вернадский В. Г. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 352; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220; Halperin Ch. J. Muscovite Political Institutions in the 14th Century // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Spring 2000. Vol. 1, Number 2. P. 237–257; Goldfrank D. Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe // Ibid. P. 259–266; Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: антология. Spring, 2001. С. 143–171; Ostrowski D. Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Spring 2000. Vol. 1, Number 2. P. 288, 289, 290, 291–292, 294; Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальности русского средневековья. М., 2001. С. 137; Данилевский И. Н. Русские земли

- глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций. М., 2001. С. 207 ; *Филлюшкин А. И.* Золотый круглый стол «От орды к России» // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 231 ; *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 8–18.
- 2 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 119–120.
 - 3 Там же. С. 34, 69.
 - 4 Подробнее см.: Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи) : в 3 т. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. С. 127.
 - 5 Житие Михаила Ярославича Тверского / подгот. текста В. И. Охотниковой, С. А. Семячко, пер. и коммент. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР) : в 16 т. 2000. Т. 6. С. 86.
 - 6 Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. XV, вып. 1. Стб. 156–157.
 - 7 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 143.
 - 8 Там же. С. 133.
 - 9 Там же. С. 92–93.
 - 10 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 86.
 - 11 Галицко-Волынская летопись / подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачева // БЛДР. 2000. Т. 5. С. 256.
 - 12 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
 - 13 ПСРЛ. Т. XI. С. 220.
 - 14 Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // БЛДР. 2000. Т. 5. С. 158.
 - 15 Галицко-Волынская летопись. С. 254, 256.
 - 16 Там же. С. 256.
 - 17 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
 - 18 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 69.
 - 19 Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 55.
 - 20 Там же. С. 40.
 - 21 Там же. Т. 1. С. 92–93.
 - 22 Там же.
 - 23 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71, 119, 120.
 - 24 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
 - 25 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71.
 - 26 Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 40.
 - 27 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 119–120.
 - 28 Галицко-Волынская летопись. С. 256.
 - 29 Там же.
 - 30 Там же.
 - 31 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 105.
 - 32 Под «примирением» Рубрук, вероятно, имел в виду причащение, следующее за покаянием. В результате на раскаявшегося могла быть наложена епитимья – духовно-исправительная мера, налагаемая исповедником на исповедующегося. Поскольку целью епитимьи является искоренение грехов, то в епитимии назначаются подвиги добродетелей, прямо противоположных греху, за который назначаются, например сребролюбивому назначается милостыня. Ослабевшим же в вере и уповании, к которым, по всей видимости, после испития кумыса относились русские князья, должна была быть назначена усиленная молитва. Подробнее см.: *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. М., 2008. С. 146–147, 315.
 - 33 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
 - 34 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71.
 - 35 Там же. С. 119–120.
 - 36 ПСРЛ. Т. XV. Стб. 418–420.
 - 37 Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 61.
 - 38 ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 95–97.
 - 39 Там же. Т. XXV. С. 249–250.
 - 40 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 76.
 - 41 Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 134–135.
 - 42 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 77.
 - 43 Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 78.
 - 44 Там же.
 - 45 Там же.
 - 46 Там же.
 - 47 Там же.
 - 48 Там же. С. 80.
 - 49 Там же.
 - 50 Там же.
 - 51 Там же. С. 86.
 - 52 Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 160, 162.
 - 53 Там же.
 - 54 Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 116–117 ; См. также: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 29.
 - 55 ПСРЛ. Т. XV. Стб. 403–404 ; Т. XXV. С. 150.
 - 56 Там же. Т. XXV. С. 172.
 - 57 Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 68.
 - 58 Там же.
 - 59 Там же. Стб. 70.
 - 60 Там же. Стб. 71 ; Т. X. С. 230.
 - 61 Там же. Стб. 70.
 - 62 Там же. Стб. 71.
 - 63 Там же. Т. XXV. С. 249–250.
 - 64 Там же.

УДК 94 (47).045+94 (47).046+94 (485+438)+929 Коробьин

ЛИЧНОСТИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: СЕМЕН ГАВРИЛОВИЧ КОРОБЬИН

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex. ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории борьбы России с Польшей и Швецией в Смутное время. Впервые представлена подробная биография воеводы и дипломата Семена Гавриловича Коробьина, который участвовал в восстании Болотникова, а затем перешел на сторону Василия Шуйского, сражался против Лжедмитрия II, освобождал Москву от поляков в 1611–1612 годах.

Ключевые слова: Смутное время, Семен Коробьин, Рязань, Вологда, Владимир, Уфа, воевода, дипломат, Польша, Швеция.

Personalities of The Time of Troubles: Semeon Gavrilovich Korobyin

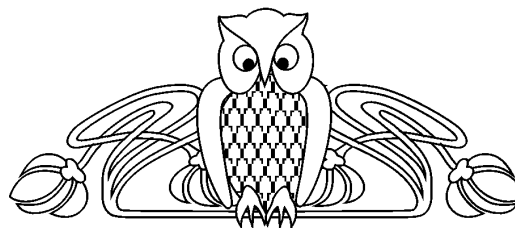
Y. N. Rabinovich

In article unknown pages of history of struggle between Russia, Poland and Sweden in the Time of Troubles are considered. For the first time voivode and diplomat Semeon Gavrilovich Korobyin's detailed biography is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Vasily Shuisky, battled against Lzhedmitriy II, released Moscow from Poles in 1611–1612.

Key words: Time of Troubles, Semeon Korobyin, Ryazan, Vologda, Vladimir, Ufa, voivode, diplomat, Poland, Sweden.

В данной статье речь пойдет об одном из сыновей рязанского помещика Гаврилы Васильевича Коробьина, Семене Гавриловиче. В Смутное время известны четыре сына Г. В. Коробьина. Отрывочные сведения об одном из них, Василии Гавриловиче, который дослужился до окольного и судьи Поместного приказа, приведены во многих энциклопедиях¹. Информация о других братьях, Борисе, Семене и Иване Гавриловичах, которые также отличились на поле брани и в посольских делах, в исследованиях о Смутном времени отсутствует. Если о Борисе Коробьине сведений сохранилось мало, а Иван Коробьин в 1611–1618 гг. вместе с патриархом Филаретом находился в польском плену, то Семен Гаврилович принимал активное участие во многих важных событиях Смуты, начиная с похода Лжедмитрия I и восстания Ивана Болотникова и заканчивая обороной Москвы от войск польского короля Сигизмунда осенью 1618 г. Источники, значительная часть которых опубликована ещё до 1917 г., позволяют частично восстановить биографию этого героя Смутного времени.

Свой род Коробьины вели от выехавшего из Орды к рязанскому князю Федору Ольговичу в начале XV в. некоего татарина Кичибя (в крещении – Василия). От одного из его сыновей, Ивана

Коробьи, вели свое происхождение Коробьины, от другого, Селивана, – Селивановы и одна из ветвей Коробьиных. Об одном из Коробьиных, советнике рязанского князя, который предал своего сюзерена и помог Василию III «поймать» его, писал С. Герберштейн². Коробьины, как и другие рязанские бояре и окольные (Измайловы, Сунбуловы), поздно перейдя на службу Москве, сохранили свои земли в Рязани, однако в число влиятельных московских боярских родов в XVI в. так и не вошли (не смогли пробиться в московскую Боярскую думу), «хотя в рязанском крае пользовались большой силой и значением»³. В XVI в. они служили вторыми воеводами в Пронске, Туле, Рязане, младшими воеводами в Рязани, командовали отдельными отрядами, служили «головами» в полках.

Отец нашего героя Гаврила Васильевич упомянут в Разрядах в качестве «осадного головы» на Рязани вместо заболевшего Василия Колтовского (1594)⁴. В 1598 г. он служил головой у тульской Веркошской засеки в качестве помощника воеводы Федора Друцкого⁵. После Смуты в ходе одного местнического дела про Гаврилу Коробьина говорили, что он человек неродословный, «бывал в засечных головах и в станишных»⁶. В 1610 г. (1601/1602 г.) во время строительства города Царева-Борисова в этот новый форпост России на юге были отправлены из Валук хлебные запасы (в самый разгар голода в стране): «На судах были головы Гаврилы Каробин, Прокофей да Захар Ляпуновы...»⁷. Обращает внимание, что Коробьин записан впереди Ляпуновых. На следующий год мы видим его воеводой на Рязани «у Вожских засеки у Красносельские у Волчьих ворот» в качестве помощника воеводы князя Кондратия Щербатого (1603 г.)⁸. Вожская засека – укрепленная сторожевая линия Московского государства – проходила по обоим берегам реки Вожа от реки Ока через село Рыбное до Глебова Городища. Известное и в настоящее время село Рыбное (18 км от Рязани) было вотчиной Коробьиных. Ещё в 1523 г. великий князь Василий III дал несудимую грамоту Семёну Ивановичу Коробьину на его вотчину – села Срезнево, Карево, Рыбное с деревнями⁹.

Гаврилу Коробьин имел небольшой помещный оклад. В Боярском списке 1602/1603 г. он записан с окладом в 450 чети. В это же время его сыновья имели оклады: Семен – 300 чети, Василий – 250 чети¹⁰. Семен записан впереди брата,

его оклад выше, что может служить косвенным свидетельством того, что Семен был старшим братом.

Скорее всего, боевое крещение Семен Гаврилович получил в период похода Лжедмитрия I на Москву (1604–1605 гг.). Хорошо известно, что в мае 1605 г. рязанцы во главе с П. П. Ляпуновым одними из первых изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову под Кромами и присягнули Лжедмитрию I. Во время восстания Болотникова братья Коробьины, как и многие другие рязанские помещики, летом 1606 г. поддержали Прокопия Ляпунова и выступили против нового царя Василия Шуйского. Рязанские помещики не участвовали в московском восстании 17 мая 1606 г. и в избрании Василия Шуйского – они находились в оппозиции к новому царю. Однако уже в ноябре 1606 г. во время осады Москвы отрядами Ивана Болотникова братья Коробьины вместе с Ляпуновым, Сунбуловым и Пашковым перешли на сторону царя Василия: «... из воровских полков переехали Коробьины и иные Рязанцы»¹¹.

По-видимому, царь Василий вскоре после этих событий наградил рязанцев, перешедших к нему на службу, новыми земельными пожалованиями. Во всяком случае – в 1607 г. в Боярском списке 1606–1607 гг. поместный оклад «дворян по выбору из Рязани» Семена и Василия Коробьиных составлял уже по 550 чети (Семен вновь записан впереди брата)¹². В это же время братья Коробьины осиротели. Их отец и мать были убиты по приказу «царевича Петра» (Илейки Муромца). Возможно, в казни принимал участие «Федор Офромеев сын Сухотин». По словам тульского дворянина Хрущёва, «из Путивля вор Федор, приехав на Рязани, Гаврила Коробьина с женой повесил»¹³.

Во время осады Москвы тушинцами (1608–1610 гг.) братья Коробьины верой и правдой служили царю Василию. Правда, гордые рязанцы, как и их предводитель Прокопий Ляпунов, ставший думным дворянином, местничали с другими воеводами. Известно местническое дело Ивана Коробьина с князем Мосальским в сентябре 1609 года¹⁴.

Если Иван Коробьин находился в столице во время осады Москвы тушинцами, то его брат Семен Гаврилович в августе 1608 г. был направлен в Новгород. С. Г. Коробьин сопровождал воеводу князя М. В. Скопина-Шуйского, которого царь Василий, не надеясь на собственные силы, отправил на север для заключения союзного договора со шведами и дальнейшего похода с целью освобождения Москвы от тушинцев. Скопину-Шуйскому удалось подавить мятеж в Новгороде, хотя пришлось пожертвовать воеводой М. И. Татищевым, которого новгородцы казнили, подозревая в измене (Михаил Игнатьевич Татищев как один из убийц приближенного Лжедмитрия I Петра Басманова вряд ли стал бы служить новому самозванцу). В конце 1608 г. в Новгороде была

проведена опись, а вскоре и продажа опального имущества М. И. Татищева. Из этого имущества Семен Коробьин взял себе тафью за 11 алтын, «шита по отласу по червчату золотом и серебром волоченным, Крымская ветчана». Также он взял 25 куниц за 4 рубля и «седло юшное с пуками» за 7 алтын. Кроме того, без денег взято «5 аршин тафты, 2 кожицы тарковых все ветчаны и седло с войлоки»¹⁵.

Вскоре после этих событий и разгрома тушинского воеводы Кернозицкого под Новгородом союзное русско-шведское войско М. В. Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди двинулось в сторону Москвы. Семен Коробьин возглавлял один из передовых отрядов. В августе 1609 г. разведывательный отряд С. Г. Коробьина подошел к Переяславу-Залесскому с целью поднять восстание против тушинцев в этом районе. Однако, столкнувшись с крупным вражеским отрядом полковника Яна Сапеги, С. Г. Коробьин поджег город и «едва отъеде от них в Калязин монастырь» для соединения с основными силами Скопина-Шуйского¹⁶. Действия С. Г. Коробьина против тушинцев были высоко оценены самим царем Василием, который в одной из грамот писал в октябре 1609 г.: «Служил ты в Новгороде с князем М. В. Скопиным и в походах к Москве...»¹⁷.

В начале 1610 г. войска Скопина-Шуйского разгромили тушинцев, Лжедмитрий II бежал в Калугу, Москва была освобождена от вражеской блокады. В боярском списке 1610–1611 гг. братья Семен и Василий Коробьины уже значатся «дворянами Московскими», что для провинциальных рязанских помещиков было высокой честью¹⁸.

За московское осадное сидение при царе Василии Шуйском братья Коробьины были пожалованы вотчинами. Семен Коробьин получил вотчину в Каменском стане Рязанского уезда. Известно, что Семен с братом Иваном сообща владели селом Рыбное Рязанского уезда. В этом селе находилась церковь Николы Чудотворца, строения церковнослужителей. В обеих частях села было 15 крестьянских да бобыльских дворов, в которых проживало 63 человека лиц мужского пола¹⁹.

Летом 1610 г. обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи со смертью талантливого военачальника М. В. Скопина-Шуйского, разгромом русской армии польским гетманом Жолкевским под Клушино, свержением Василия Шуйского и присягой москвичей польскому королевичу Владиславу. В свержении царя Василия активную роль играли братья Ляпуновы. Коробьины, по-видимому, не остались в стороне от этих событий, а Иван Гаврилович вошел в состав посольства Филарета – Голицына. Польский король Сигизмунд отказался выполнять условия договора, который заключили москвичи с гетманом Жолкевским. Король продолжал штурмовать Смоленск, отказался направить в Москву своего сына Владислава и крестить его в православную

веру, требовал, чтобы москвичи присягнули ему, польскому королю, как своему государю.

Во главе освободительного движения против поляков встал Прокопий Ляпунов. Семен Коробьин с братьями Василием и Борисом также принимал активное участие в Подмосковном ополчении. Семен Гаврилович был назначен вторым воеводой в Вологду – один из крупнейших городов на севере страны, – где первым воеводой был князь Иван Иванович Одоевский-Меньшой (племянник воеводы Великого Новгорода князя И. Н. Одоевского-Большого). Эти воеводы Вологды отправили «голов с ратными людьми» на Романов к Барай-мурзе Алеевичу Кутумову. В итоге многие северные города поддержали освободительное движение и направили ратных людей к Москве.

В это тяжелое для страны время шведский военачальник Якоб Делагарди в ночь на 16 июля 1611 г. захватил Новгород. В августе–сентябре 1611 г. власть нового шведско-новгородского правительства Я. Делагарди и князя И. Н. Одоевского-Большого признали Старая Русса, Порхов, Ладога и Тихвинский монастырь. Шведы уже начали воевать «Белозерские места». Об этом осенью 1611 г. с тревогой в Великий Устюг сообщали воеводы Вологды Иван Одоевский и Семен Коробьин, прося помощи для защиты от шведов. Воеводы писали, что в Великом Новгороде, в Тихвине, в Белозерском уезде «свицкому королю крест целовали и Немецкие люди, собрався, идут к ним на Вологду». Получив такое тревожное письмо, воеводы Устюга сообщили об этом пермичам, а сами стали готовить ратных людей из посада и уезда для отправки к Вологде²⁰. Большую помощь воеводам Вологды И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину в деле организации обороны края от шведов оказал вологодский архиепископ Сильвестр – бывший епископ «Корельский и Орешский».

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде начинает формироваться новое ополчение, возглавляемое Козьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Одна из первых известных и сохранившихся грамот Дмитрия Пожарского от 5 декабря 1611 г. была направлена в Вологду воеводам И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину. В этой грамоте князь Д. М. Пожарский писал, что из-под Москвы многие служилые люди разъехались «для временной сладости, грабежей и похищения», а в Нижнем Новгороде собираются ратные люди идти к Москве. Пожарский призывал вологодских людей присоединиться к нижегородцам, вместе идти освобождать Москву от поляков, обещал защитить от воровских казаков, просил сообщать обо всех новостях и об отправке воинов из северных городов к ополченцам, а также просил прислать в Нижний Новгород «зелья и свинцу». Князь Д. М. Пожарский также писал воеводам Вологды князю И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину, что любой, кто признает Псковского вора Лжедмитрия III, является врагом освободительного дви-

жения, врагом ополченцев: «Маринку и сына её и того вора, который стоит под Псковом в Государии на Московское государство не хотим, также, что и Литовского короля»²¹.

Весной 1612 г. С. Г. Коробьина заменил в Вологде более знатный воевода – окольный князь Григорий Борисович Долгорукий-Роща (герой обороны Троицы от тушинцев). В момент разгрома Вологды черкасами и гибели воеводы Г. Б. Долгорукого (сентябрь 1612 г.) С. Г. Коробьин находился уже под Москвой. Вместе с братьями Семен Коробьин участвовал в разгроме гетмана Ходкевича и освобождении Москвы в составе Подмосковного ополчения князя Трубецкого и Нижегородского ополчения князя Пожарского. От Трубецкого и Пожарского Семен Коробьин с братьями получили в награду за службу земли некоторых рязанских помещиков (которые, по-видимому, не участвовали в ополчении). В дальнейшем эти помещики за участие в боях против Заруцкого на Рязанщине получили обратно у Коробьиных по указу царя Михаила Романова часть своих земель, а с утраченных поместий им разрешили собрать вырощенный урожай²².

В боях под Москвой Семен Коробьин с братьями захватил в плен знатного литовского пана Харлинского и Коробьины надеялись в дальнейшем обменять его на своего брата Ивана, томящегося в польской тюрьме вместе с другими членами посольства Филарета. В источниках говорится, что «при боях» уже велись переговоры поляков с братьями Коробьинскими о частном обмене Ивана Коробьина на пана Харлинского, польские родственники которого ещё в 1612 г. привезли Ивана Коробьина для обмена в Вязьму, где ему пришлось долго ждать решения Москвы «недель по 10 и по 15». Поляки позже вспоминали: «К нам писали о размене, что было им отпустить Харлинского с товарищи, а нам было прислать дворян; и мы дворян Ивана Коробьина с товарищи для размены посылали, а они наших панов Харлинского с товарищи к размене не прислали». Частный обмен так и не состоялся. Бояре приняли решение обменивать сразу всех участников посольства. Также неудачей закончились переговоры об обмене Филарета, Голицына, Шеина и других русских пленников на захваченных в Кремле полковников Струся и Будилу и их людей, которые вел в 1613 г. московский посол Денис Оладин²³. Участникам посольства Филарета, в том числе и Ивану Коробьину, пришлось ждать в Польше ещё свыше пяти лет (обмен пленников произошел лишь летом 1619 г.).

После освобождения Москвы Семен Гаврилович Коробьин некоторое время находился в Рязани. Скорее всего, он участвовал в боях против атамана Заруцкого на Рязанщине зимой-весной 1613 г., а в марте 1614 г. был назначен воеводой во Владимир. До него некоторое время во Владимире был воеводой Никита Васильевич Лопухин, который в дальнейшем стал там вторым

воеводой. Именно Никита Лопухин как воевода Владимира осуществлял зимой 1613–1614 гг. дозор Владимирского уезда. Царская грамота от 1 марта 1614 г. адресована только воеводе Никите Лопухину, а новая царская грамота от 24 марта 1614 г. адресована уже двум воеводам – С. Г. Коробьину и Н. В. Лопухину. Интересно отметить, что ещё в 1612–1613 гг. воеводами во Владимире были братья Измайловы, Артемий и Тимофей Васильевичи, с которыми позже у Коробьиных будут постоянно происходить местнические споры. В конце 1614 г. Семена Коробьина сменил во Владимире Никита Михайлович Пушкин. Двор воеводы Семена Коробьина внутри города «был крепок». По просьбе нового воеводы Н. М. Пушкина, который писал боярам летом 1615 г., что этот двор «ныне порозжен», туда определили для временного проживания персидского посла Булатбека со свитой²⁴.

В дальнейшем Семен Гаврилович участвовал в различных посольских делах, вел переговоры со шведами и поляками, воевал под Дорогобужем.

Весной 1615 г. недалеко от места будущих переговоров в Дедерино на реке Яуна (Явань), между Осташковом и Старой Руссой, происходили переговоры об обмене пленными. Об этих переговорах дореволюционные исследователи, включая Н. П. Лыжина и С. М. Соловьева, ничего не сообщали. Лишь Н. Н. Бантыш-Каменский, труд которого был опубликован через 90 лет после его кончины, писал ещё в начале XIX в., что 30 апреля 1615 г. состоялся съезд на реке Яуне: «... съехались на половине дороги меж деревни Мошина и Песков для оной размены с российской стороны судьи Семен Коробьин, Петр Обернибесов и дьяк Иван Шевырев; с шведской же: капитан Семен Апельман, Иван Брякилев и Ганц Бракелев». Эти переговоры проходили с 4 по 22 мая, закончились обменом пленными «и судьи разъехались». С русской стороны было выдано 46 пленных шведов, а шведская сторона отдала 119 русских, мужчин и женщин²⁵.

Решение об отправке Семена Коробьина для обмена пленными было принято в Москве 18 февраля 1615 г., а статейный список написан 23 марта того же года²⁶. В РГАДА сохранилось дело о посольстве С. Г. Коробьина²⁷, документы из которого впервые использовал Г. А. Замятин в своей диссертации, защищенной в Воронеже в 1921 г. и опубликованной лишь в 2008 г. Летом 1614 г. под Новгородом были захвачены в плен шведами и черкасами Никита Остафьевич Пушкин, Фока Рагманович Дуров и Иван Чепчугов – участники Земского собора 1613 г. Эти имена хорошо знакомы всем исследователям, кто занимался вопросами избрания Михаила Романова. Никита Пушкин написал челобитную Семену Коробьину, просил, чтобы его также освободили из шведского плена. Однако шведы отказались обменивать Н. Пушкина, объясняя это тем, что Якоб Деллагарди выкупил его у черкас по просьбе

Ивана Брякилева, заплатив при этом 100 рублей. Теперь, на съезде 18 мая, шведы запросили за Никиту Пушкина и Фоку Дурова огромные деньги. В итоге Семен Коробьин заплатил за Пушкина 235 рублей «деньгами и соболями», а за Дурова – 150 рублей²⁸.

Сведений об этом посольстве и об участии в нем С. Г. Коробьина, приведенных Г. А. Замятиным, ни один из отечественных исследователей не использовал. Лишь в 2008 г. А. А. Селин подробно остановился на данном сюжете²⁹. Люди Семена Коробьина в районе переговоров воевали с воровскими казаками, правда, без особого успеха. С. Г. Коробьин вел отдельные переговоры с воеводой Старой Руссы при шведах князем Андреем Константиновичем Шаховским об обмене захваченного шведами Александра Голенищева на слугу шведского ротмистра Лоренца Вагнера, захваченного московскими казаками атамана Балаша.

Эти переговоры об обмене пленными осуществились относительно быстро, уже в конце мая 1615 года. Возможно, определенную роль в успешном завершении обмена пленными сыграл английский посол Джон Меррик, который в начале мая прибыл из Москвы в Осташков, а в июне был уже в Новгороде. Шведский главнокомандующий в Новгороде Эверт Горн писал королю Густаву Адольфу, что он «распорядился о размене пленных, который умышленно задерживается и затрудняется русскими»³⁰. Задержка была вызвана тем, что в наказе С. Г. Коробьину предписывалось совершать обмен «всех на всех», а «врознь полоняниками размениваться не велено». Шведы предлагали совершать обмен врознь, человека на человека или на двух, сначала «худыми» людьми, затем «добрыми», а «свалом» шведские уполномоченные не хотели меняться. В итоге все же был осуществлен обмен по шведскому сценарию³¹. С известием о состоявшемся обмене Семен Коробьин отправил в Москву своего родственника, Дмитрия Коробьина. При этом Семен Гаврилович жаловался на воеводу Осташкова Бориса Кокорева, который не выделил подвод для гонца в Москву. Одновременно С. Г. Коробьин извещал московских бояр о сложившейся в Новгороде ситуации. Эти сведения были получены от старорусского подьячего Григория Сулешова, новгородских дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева³².

Летом 1615 г. Семен Коробьин прибыл в Москву. Он уже не участвовал в дальнейших переговорах со шведами в Дедерино, которые вел князь Данила Иванович Мезецкий, и к нему «на стан» в сентябре-октябре 1616 г. не могли приходиться выкупленный Джоном Мерриком Иван Моклоков и бежавший из Новгорода Юрий Копнин.

В сентябре 1615 г. по решению Боярской думы для ведения переговоров с поляками о заключении мира под Смоленск было отправлено посольство боярина князя Ивана Воротынского.

В состав этого представительного посольства также входили боярин князь Алексей Сицкий и окольный Артемий Измайлов. Большинство исследователей, включая С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского, ограничивается перечислением этих лиц с добавлением слов «с товарищи». В актовых материалах состав посольства записан именно таким образом. Это связано с местническим делом двух рязанцев, Измайлова (3-й посол) и Коробьина (4-й посол). Коробьины всегда считали себя выше Измайловых, хотя Артемий Измайлов к тому времени уже стал окольным³³.

В Дворцовых разрядах кратко упоминается об этом местническом деле. Царь велел «взять случаи» у обоих послов, Коробьина и Измайлова, но разбираться уже не было времени, поэтому была принята такая формулировка – «с товарищи»³⁴.

В Новом летописце записаны другие участники посольства – «дворяне Семен Коробьин да Ефим Телепнев, да с ними стольники и дворяне Московские». Впервые данный расширенный состав посольства указал Н. С. Арцыбашев. Н. Н. Бантыш-Каменский среди участников посольства назвал Коробьина без имени. В. В. Похлебкин ошибочно указал вместо Семена Коробьина его брата Василия, назвав его думным дворянином, хотя братья к тому времени были дворянами московскими. Василий Коробьин в конце 1615 г. оставался воеводой в Путивле и не мог участвовать в этом посольстве³⁵.

Эти переговоры проходили возле Духова монастыря под Смоленском и завершились в конце января 1616 г. безрезультатно: литовский канцлер Лев Сапега и Александр Гонсевский предъявляли чрезмерные территориальные и другие требования, стояли на присяге москвичей Владиславу, не желали признавать царем Михаила Романова, не упоминали его титула в грамотах и отказались заключать перемирие. Исследователи винят в неудаче посольства Ивана Воротынского и других русских послов, пишут об их неумении вести посольские дела, об ошибках в ходе переговоров. Многие ссылаются при этом на Новый летописец. Однако существуют другие источники, составленные непосредственно после завершения данного посольства. В Приходно-расходных книгах золотых в Разряде записаны награды всем участникам данного посольства: Воротынскому был послан золотой в 4 золотых угорских, а Семену Коробьину, Ефиму Телепневу и дьяку Ивану Болотникову – «по золотому человеку, а золотой по полтора золотых угорских»³⁷.

Данный источник позволяет уточнить состав войска, сопровождавшего русских послов (28 стольников, 16 стряпчих, 23 дворянина московских, 10 жильцов, 3 сотенных головы, 312 дворян и детей боярских, 1 стрелецкий голова, 5 сотников стрелецких и 500 стрельцов). В. Похлебкин писал, что с русскими послами были обычная свита и охрана из 50 человек.

Сразу после срыва переговоров под Смоленском Семен Коробьин получил назначение воеводой в пограничный город Дорогобуж на смену прежнему воеводе Н. Д. Вельяминову. В этом городе он прослужил с февраля по август 1616 года³⁸. Поляки уже начали наступление, предпринимали попытки окружить русское войско под Смоленском, осуществляли рейды к Дорогобужу. Однако до весны 1617 г. успех сопутствовал русским воеводам. О боях в районе Дорогобужа в конце 1616 г. и в 1617 г. сохранились сведения в Книге сеунчей. В это время Семен Коробьин уже находился в Москве. Он передал дела новым воеводам – боярину Юрию Яншевичу Сулешову и стольнику князю Семену Васильевичу Прозоровскому. Позорная сдача Дорогобужа воеводой Иванесом Ододуровым королевичу Владиславу осенью 1617 г. происходила без участия Семена Коробьина.

С конца 1616 г. в течение полутора лет оба брата находились в Москве: Семен приехал в столицу из Дорогобужа, а Василий из Путивля, где он служил воеводой в 1614–1616 гг. В боярском списке 1616 г. среди «дворян Московских» записаны «Семен да Василей Гавриловы дети Коробьина», но поместный их оклад не указан³⁹. Семен Коробьин вновь записан впереди брата. Пока не найдено источников, раскрывающих деятельность братьев в это время вплоть до лета 1618 года. По-видимому, они выполняли различные поручения правительства, участвовали в качестве московских дворян в дворцовых церемониях.

Самое тяжелое время для страны настало летом-осенью 1618 года. Королевич Владислав, захватив Дорогобуж, Вязьму и осадив Можайск, двинулся на Москву с запада. С юга через Зарайск и Оку к столице шли запорожцы гетмана Сагайдачного. В этих тяжелых боях под Москвой и в районе Зарайска отличились братья Коробьины. Василий Коробьин оборонял Зарайск от черкас гетмана Сагайдачного, а Семен Коробьин находился в Москве и возглавлял оборону одного из участков за Москвой-рекой в остроге в Серпуховских воротах. Специальное заседание Земского собора в начале сентября было посвящено вопросам обороны столицы. За каждым участком стен и башнями Кремля, Китай-города, Белого города и Земляного города были закреплены определенные люди. В Осадном списке Семен Коробьин записан среди дворян, которые «расписаны были в осаде по городу по воротам и башням и по стене, а в острожках за Яузою и за Москвой рекою». Помощниками Семена Гавриловича Коробьина были Илья Беклемишев и дьяк Иван Алексеев. В зону ответственности отряда Семена Коробьина входил «участок от Серпуховских ворот острог налево до Москвы реки»⁴⁰.

Оба брата Коробьины получали жалование из Устюжской чети. Вскоре после окончания Смуты они имели довольно большой поместный оклад, установленный с учетом прибавок за службу. В

127 г. (1618/1619 г.) Василию Коробьину был установлен оклад в 135 рублей, а Семену Коробьину – в 120 рублей⁴¹. Здесь впервые видно, что оклад у Семена ниже, чем у Василия и Семен записан после брата. За эту московскую осадную службу по государеву указу братья Коробьины, как и многие другие участники этих событий, получили часть поместий в вотчину.

По условиям Деулинского перемирия Россия и Польша в марте 1619 г. должны были возвратить всех захваченных пленных. В начале июня 1619 г. этот обмен пленными был осуществлен. Царь Михаил смог обнять своего отца, а Василий Коробьин встретил своего брата Ивана. Семен Коробьин в то время, когда происходил обмен пленными, был направлен воеводой в город Белев, где он сменил князя Михаила Солнцева-Засекина и Михаила Тиханова. Однако эта «Белевская служба» для С. Коробьина продолжалась недолго. Уже в конце 1619 г. мы видим в Белеве нового воеводу – Василия Кирекрейского⁴².

После завершения Смуты братья Коробьины принимали активное участие в различных посольствах (в Иран, Турцию, Данию), служили воеводами в городах.

В 1621 г. Семен Коробьин был назначен в Московский судный приказ помощником к боярину Григорию Петровичу Ромодановскому (вместо князя Федора Мерина Волконского). Однако на этой приказной должности он был недолго. Уже в конце 1622 г. Семен Коробьин получил новое назначение – воеводой в Уфу, где он сменил Григория Васильевича Измайлова. О местнических спорах Измайлова и Коробьина при смене воевод в Уфе сведений не найдено. Семен Коробьин оставался воеводой в Уфе весь 1623 г. и в начале 1624 г., пока его не сменил новый воевода, Семен Волынский⁴³.

В то время когда Семен Коробьин находился в далекой Уфе, его брат Василий Гаврилович возглавлял посольство в Иран к шаху Аббасу. Братья Коробьины встречаются все вместе в мае 1625 г. на дворцовых церемониях в Москве. 9 мая 1625 г. «на праздник Николы Чудотворца у Николы на Угрешах» был стол у государя. Среди присутствовавших на этом праздничном обеде записаны и дворяне «Семен и Василий Гавриловы Коробьины». На церемонии присутствовал также персидский посол «грузинец Русам-бек», который незадолго до этого, в марте того же года, вручал патриарху Филарету Ризу Христову. В «кривой стол», где сидел персидский посол, пить носили «дворяне ... Иван Гаврилов сын Коробин, Андрей Федоров Наумов»⁴⁴.

В 1625 г., «как Василий Коробьин пришел из Кизылбаш, били челом Семен Коробин с братьею» на Василия Измайлова, отца Артемия Измайлова. Разбиралось прошлое дело – посольство под Смоленск осенью 1615 г., в котором участвовал Семен Коробьин. Царь поручил рассмотреть это дело боярину Василию Петровичу Морозову, но

Артемий Измайлов сказал, что Василий Морозов Коробьиным «свой и друг», поэтому дело у Василия Морозова было взято (и так не завершено). 25 октября 1625 г. состоялся новый суд. Теперь царь поручил судить это дело боярину Дмитрию Михайловичу Пожарскому и разрядному дьяку Михаилу Данилову, однако суд так и не был завершен⁴⁵.

В 1625–1626 гг. Семен Коробьин вместе с братьями Василием и Иваном часто упоминается в Разрядах, участвует в придворных церемониях. 25 декабря 1625 г. на Рождество Христово Семен Коробьин упомянут в Разрядах, когда у государя был стол в золотой подписной палате и ел у него отец его, патриарх Филарет. Среди 17 дворян, которые были у стола, четырнадцатым в списке записан Семен Коробьин⁴⁶. Все же записи о Семене Гавриловиче за эти годы встречаются значительно реже, чем о его брате Василии.

О службе Семена Коробьина на протяжении семи лет (1627–1633 гг.) сведений сохранилось мало. За эти годы его брат Василий успел побывать полковым воеводой на Дедилове, возглавлял посольство в Данию, стал окольничим и судьей Поместного приказа – словом, обогнал Семена по служебной лестнице. Летом 1633 г. мы видим обоих братьев в Москве. В июле 1633 г. в связи с угрозой нападения крымских татар на Москву В. Г. Коробьину было поручено возглавлять оборону одного из участков в районе столицы: «За Яузою по Москву реку острог делал и ров копал окольничей Василий Гаврилович Коробьин». Семену Гавриловичу была поручена оборона другого участка столицы: 24 июля по указу государя он оборонял участок «за Стретенскими воротами от приходу крымских татар»⁴⁷.

Последний раз Семен Коробьин упомянут в Разрядах в 1634–1635 годах. Он был назначен вторым воеводой в Казань – помощником к боярину и воеводе Ивану Петровичу Шереметеву. Скорее всего, С. Г. Коробьин умер в Казани в 1635 или в начале 1636 года. Обычно в таких крупных городах, как Казань, смена воевод и дьяков проводилась всех вместе, одновременно, если только одно из этих лиц не совершило какого-либо преступления (что было довольно редко, ибо расследование и наказание осуществлялось обычно в отношении всех воевод и дьяков города). Исследователя должно насторожить сообщение Дворцовых разрядов, что вторым воеводой в Казани записан Мирон Вельяминов вместо Семена Коробьина. Все остальные начальные лица города остались прежними⁴⁸.

К этому времени его родное село Рыбное было полностью разорено и сожжено крымскими татарами во время их последнего набега на рязанскую землю (лето 1634 г.), однако вскоре было оно восстановлено. После смерти Семена Гавриловича этим селом владела его вдова Мавра Ивановна с двумя дочерьми. Возможно, одна из дочерей вышла замуж за князя Григория Дани-

ловича Долгорукого, единственный сын которого Прохор владел в 1677 г. половиной села Рыбное. Второй половиной села владел боярин П. В. Шереметев. В настоящее время село Рыбное и ряд населенных пунктов Рыбновского района известны всему миру (Константиново – родина С. Есенина, Сельцы – место формирования польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, Городище – место битвы на Воже, а также мировые центры – НИИ коневодства и пчеловодства).

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии Семена Гавриловича Коробьина, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, заинтересует не только краеведов и позволит полнее представить образ этого деятеля Смуты, а также внести некоторые штрихи в картину борьбы, которая разворачивалась в то время в России.

Примечания

- 1 См.: Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1. А-М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 600 (с ошибочными сведениями о посольстве В. Коробьина в Константинополь в 1634 г.) ; Русский биографический словарь А. А. Половцова: Кнаппе–Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 270 ; Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 8: Кабановы–Косой. М., 1999. С. 433 (с ошибочными сведениями о посольстве В. Коробьина в Крым в 1621–1625 гг.) ; Бушев П. П. Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература : сб. статей. М., 1976. С. 124.
- 2 См.: Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 101 ; См. также: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 269.
- 3 Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 396. См. также: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 434.
- 4 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 484.
- 5 См.: Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 29.
- 6 Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850. Т. 1. Стб. 987, 991.
- 7 Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 124.
- 8 Там же. С. 165. См. также: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 349.
- 9 См.: Жалованная несудимая грамота великого князя Московского Василия Ивановича Семену Ивановичу Коробьину на села Рыбное и Карино Переяславля Рязанского уезда и село Срезнево Перевицкого уезда. 1523, июня 23 // Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. М., 1898. № 118. С. 100.
- 10 См.: Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 268.
- 11 Белокуров С. А. Разрядные записки за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2(221). С. 10.
- 12 См.: Боярский список 1606/1607 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608) : сб. документов. М., 2003. С. 145.
- 13 Извет тульского дворянина Хрущева на род Сухотинных // Народное движение в России. С. 351.
- 14 См.: Белокуров С. А. Разрядные записки. С. 105 ; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 135.
- 15 Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник Императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1850. Кн. 8.
- 16 Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. М., 2008. С. 501 ; Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 91.
- 17 Похвальная грамота царя Василия Ивановича Семену Гавриловичу Коробьину за многую его службу и радение. 1609, октябрь // Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. М., 1898. № 284. С. 303.
- 18 См.: Боярский список 119-го году сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3(230). С. 93.
- 19 См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 437–438.
- 20 Белокуров С. А. Указ. соч. С. 107 ; Отписка Устюжан к Пермичам о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613), № 200. С. 247–248.
- 21 Отписка нижегородцев к вологжанам // ААЭ. Т. 2, № 201. С. 248–251.
- 22 См: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. (Челобитные Гвоздевых, Обловых, Яковлевых). № 106. С. 65; № 497. С. 153; № 702. С. 196.
- 23 См.: Посылка в Польшу гонца Д. Г. Оладына. 1613, февраль–июль // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей (1609–1615) // Сб. РИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 371, 406–407, 418. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М., 1995. Кн. V. Т. 9. С. 31–33.
- 24 Две челобитные властей Чудова монастыря о дозоре и о взимании налогов с их вотчин Владимирского уезда по новому дозору. 1614, март // Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том первый. Акты 1587–1627 гг. / собрал С. Б. Веселовский. М., 1913. С. 13–16 ; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 26 ; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 144 ; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 291 ; Барсуков А. Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 45, 502 ; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией.

- Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – *Веселовский Н. И. Труды...*). СПб., 1892. Т. 21. С. 383, 384, 389.
- ²⁵ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 147.
- ²⁶ См.: *Опись архива Посольского приказа 1626 года* / под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977. С. 299.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Дело об отправлении на съезд для размена пленных Семена Гавриловича Коробьина, Петра Агеевича Обернибесова, Ивана Афанасьевича Шевырева (апрель-май 1615 г.).
- ²⁸ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // *Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории* / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 124.
- ²⁹ См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- ³⁰ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. V. Новгород, 1911. № 20. С. 60.
- ³¹ См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 468.
- ³² См.: *Селин А. А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Великий Новгород, 2009. С. 55–56.
- ³³ См.: *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 142.
- ³⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 208, 505. Среди охраны посольства был с дворянской «сотнею голова от Семена Коробьина и от Ефима Телепнева» Андрей Рахманинов.
- ³⁵ См.: *Новый летописец*. С. 138; *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М. 1843. Т. 3. Кн. 6. С. 22; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть третья (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 115; *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн. 1. Европа и Америка / справочник. М., 1995. С. 431.
- ³⁶ См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 42–58.
- ³⁷ *Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде* // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 787.
- ³⁸ См.: *Книги разрядные*. Т. 1. Стб., 175.
- ³⁹ Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ... и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // АМГ. Т. 1, № 108. С. 145.
- ⁴⁰ Собор, держанный в присутствии Государя Царя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами: каким образом противустать Королевицу Владиславу 1618, сентября 9 // СГГД. Ч. 3. № 40. С. 176; *Осадный список 1618 г. М.*; Варшава, 2009. С. 40.
- ⁴¹ См.: *Расходная книга Устюжской чети 127 г.* // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 685.
- ⁴² См.: *Дворцовые разряды*. Т. 1. Стб. 422; *Книги разрядные*. Т. 1. Стб. 656, 719.
- ⁴³ Там же. Стб. 484; Стб. 872, 926, 1034.
- ⁴⁴ *Дворцовые разряды*. Т. 1. Стб. 687–688, 694.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 730, 834.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 760.
- ⁴⁷ Там же. Т. 2. Стб. 335–338.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 478, 517.

УДК 94(47).05+929 Лефорт

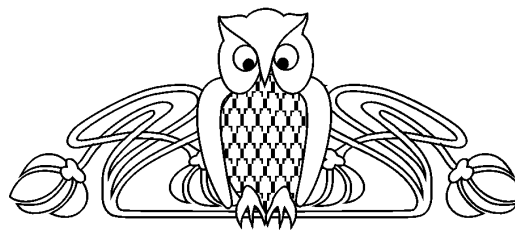
МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА XVII ВЕКА

Д. Ю. Гузевич

Школа высших социальных исследований в Париже
E-mail: gouzevit@ehess. fr

Статья об истории Голландской Реформатской церкви в Немецкой слободе под Москвой, где в марте 1699 г. шло прощание с Лефортом. Эта церковь была перестроена в камне на деньги бургомистра Амстердама Николаса Витсена, в честь дарителя на ней была повешена мемориальная чугунная доска. Церковь сгорела в 1812 г., а сама община перебралась в центр Москвы. Автору удалось выяснить, что доска сохранилась и была перенесена в новое молитвенное здание. Организованный им поиск позволил обнаружить эту доску, которая ныне скрыта от взоров посетителей, но есть все возможности ее раскрыть. Это если не первая, то одна из наиболее ранних мемориальных (но не надгробных) досок в Московии, посвященных не только человеку, но и событию.

Ключевые слова: Франсуа Лефорт, Пётр I, Николас Витсен, мемориальная доска, Немецкая слобода, некрополь.

Memorial Board of the 17th Century

D. Y. Gouzévitch

This article deals with the history of Dutch Reformation church in the German suburb near Moscow, where in March 1699, farewell with Lefort took place. This church was rebuilt in stone, with the money of the burgomaster of Amsterdam, Nicholas Witsen. In the honor of the donor, a memorial cast-iron board was hung on the church. The church burnt in 1812, and the community itself moved to the center of Moscow. The author could discover that the board was preserved and it was transferred into the new praying building. His search made it possible to find this board, which is now hidden of the looks of visitors, but there are all possibilities to open it. This board is one of the earliest

memorial (but not sepulchral) boards in Moskovy, dedicated not only to person, but also to event.

Key words: François Lefort, Peter I, Nicolas Witsen, Mémorial Board, German Suburb, Necropol.

Проблемы, связанные с захоронением друга и учителя Петра I Франсуа Лефорта, до сих пор не решены и продолжают будоражить фантазию любителей истории. Наша попытка собрать и систематизировать всю известную информацию привела к нескольким неожиданным результатам, одному из которых и посвящена настоящая заметка.

Для начала общие сведения о Лефорте. Он родился в Женеве 2/12 января 1656 г.¹ Прибыл в Московию (в Архангельск) в сентябре 1675 г. В России его звали Францем Яковлевичем. Генерал и адмирал русской службы. Скончался в Немецкой слободе под Москвой 2/12 марта 1699 г. в 2 часа утра от старых ран, полученных при возвращении еще из первого Азовского похода осенью 1695 года².

Пётр I при его кончине не присутствовал, но уже утром 8/18 марта примчался в Москву из Воронежа с удивительной для той эпохи скоростью и сам организовывал очень пышные похороны³. «Это были чуть ли не первые в истории России церемониальные похороны, когда главная роль отводилась не столько церковному обряду, сколько военным и гражданским почестям»⁴. Они состоялись 11/21 марта 1699 года⁵.

Знаменитая и многократно описанная погребальная процессия прошла от дворца Лефорта в Немецкой слободе (нынешний адрес – 2-я Бауманская ул. (до 1933 г. – Коровий Брод), д. 3) до Голландской Реформатской (Реформаторской) церкви в той же слободе в Голландском переулке (ныне часть Денисовского). Там пастор Штумпф (Stumphius) произнес прощальную речь. А из церкви с теми же церемониальными почестями гроб был доставлен на Старое кладбище, где пастор произнес вторую, короткую речь. И под пушечный и ружейный салют гроб был опущен в заранее подготовленный склеп⁶. Кладбище это находилось юго-западе от Немецкой слободы, начинаясь от стен старой лютеранской кирхи Св. Михаила на Вознесенской улице (ныне ул. Радио) и продолжаясь за нее.

Но нас сейчас интересует церковь, в которой шло прощание с Лефортом. Первая реформатская церковь была построена по разрешению от 1653 г., данному немецкому пастору Якову Кравинкину (ум. 1677). Кирха была сосновой, обогревалась двумя изразцовыми печами конусообразной формы. Но со временем она ветшала. На строительство новой у общины денег не было, и их решили собрать в Голландии, куда весной 1694 г. специально ездил пастор Шондервурт⁷.

Деньги на строительство дал амстердамский бургомистр Николай Витсен (Витзен; Witsen).

Хотя персонаж этот широко известен, но он настолько важен для истории России, что

уделим ему несколько слов. Впервые он побывал в Московии в 1664–1665 гг. с посольством Якоба Бореяля, оставил дневник и зарисовки, ныне опубликованные. Полюбил эту страну и навсегда остался ей верен. Торговал с Московией, собирал этнографические материалы (среди его агентов и постоянных корреспондентов – отец и сын Винуусы). В 1692 г. опубликовал наиболее основательный на тот момент европейский труд о России – «Noord-en-Oost Tartarye» (расширенное переиздание – в 1704 г.). Именно через него был заказан фрегат «Св. Пророчество» (1693–1694), прибывший в Архангельск под неизвестным флагом – вроде бы голландским, но с иным расположением цветов – белый-синий-красный. Таким образом Витсен оказался причастен к рождению русского флага. Через него же заказывалась и была летом 1695 г. прислана в Архангельск «образцовая» галера, по которой строились все галеры первой Азовской флотилии. Витсен принимал в Амстердаме Великое посольство и, будучи одним из директоров Ост-Индской компании, добился закладки фрегата специально для того, чтобы на его строительстве мог работать и обучаться Пётр I. Он остался в Амстердаме главой пророссийского лобби. И чрезвычайно велика именно его заслуга в том, что во время Северной войны Голландия не выступила на стороне Швеции. Так уж случилось, что умирал Витсен в августе 1717 г. в присутствии Петра I, ставшего его личным другом. Таким образом, мало кто из европейских деятелей был так связан с Россией, как Витсен, и столько сделал для нее, сколько он.

Однако вернемся к Голландской церкви в Немецкой слободе. Новое кирпичное здание со сводами, длиной 8 саж., шириной 5,5 саж. (17,3 x 11,9 м) и имевшее сидений на 200 человек, было закончено в том же 1694 году. Строилось оно, похоже, без предварительного разрешения правительства в явном расчете на защиту своего прихожанина Лефорта. После завершения строительства каменного здания находившееся рядом старое деревянное было разобрано. Церковь пытались назвать Петровскою, на что Пётр I вроде бы соизволения не дал⁸.

Описаний ее сохранилось немного. Иезуит о. Франциск Эмилиан в письме из Москвы от 23 июня 1699 г. (н. ст.) указывал лишь, что у кальвинистов «один каменный храм и два проповедника»⁹. Снегирев цитирует справку, подготовленную по заказу Священного синода в 1748 г., о кирхах, находящихся в Москве: «Голландская обедня, или кирка за Покровскими воротами Земляного города в Немецкой слободе на белой земле, в межах по одну сторону обер-егеря Осипа Мевриля, а по другую – проезжий переулочек; мера двору 40 саж., попережнему 20 саж.»¹⁰.

Историей этой церкви в 1880-е гг. занимался Д. Цветаев. Именно у него находим следующий рассказ: в память того что деньги на перестройку дал Витсен, в новой церкви над дверью паперти

была повешена чугунная доска с гербом жертвователя, содержащим латинский текст: «Primum ad Senatum. Holl. a. D. D. Ordin. Deputatus. post. D. D. Ord. General. Demegatus» – «Сначала депутат господ сословий к Голландскому сенату, затем посланник господ Генеральных Штатов». Внизу стоял год – 1694¹¹.

Этот рассказ так и остался бы в ранге вполне достоверного, но забытого исторического анекдота, если бы не приписка автора: «Доску с гербом и цифру 1694 можно видеть в настоящей Реформатской кирке, на передней стене за алтарным столом»¹². Его книга была издана в 1886 г., а значит, имелось много шансов, что доска существует и поныне. Но для этого надо было проследить судьбу Голландской церкви.

Предоставим слово С. Романюку: «В 1812 году церковь сгорела, участок и ее обгоревшее здание были проданы генерал-майору М. Я. Ламакину. На Немецкой улице оба участка (Литты и Ламакина) в 1830-х годах приобретает купец В. И. Щапов, прикупает к ним еще землю по переулку и заводит здесь текстильную фабрику. В 1897 году архитектор Г. А. Кайзер возводит по Денисовскому переулку большой краснокирпичный фабричный корпус, а для самого владельца на углу с Немецкой улицей Ф. О. Шехтель строит особняк (№ 58). На стене этого особняка – мемориальная доска с надписью: “Здесь 31(18) октября 1905 г. был злодейски убит агентом царской охранки член Московской организации большевиков Николай Эрнестович Бауман”. После революции фабрика Щаповых стала называться “бумаготкацкой фабрикой имени героя труда Осипа Звонкова”, а сейчас это фабрика “Красная швея”¹³. Нужно заметить, что на момент нашего обследования в сентябре 2010 г. все дома с внутренними флигелями, принадлежавшие Щаповым, имели один и тот же номер 25/58 по Денисовскому пер. / Бауманской (бывш. Немецкой) ул., но было 12 строений, номера которых указывались в скобках после номера дома. В краснокирпичном окрашенном здании, на фасаде которого номера обнаружить не удалось, находилась Центральная университетская научная библиотека имени Н. А. Некрасова (за ней, если идти от Бауманской ул., находится уже следующий по нумерации дом № 23 по Денисовскому пер.). По-видимому, Голландская церковь стояла именно на этом месте (а не на углу переулка и Немецкой улицы, как иногда утверждается в литературе¹⁴).

В отличие от двух других протестантских (лютеранских) церквей Немецкой слободы Голландская реформатская церковь в путеводителях по Москве 30–40-х гг. XIX в. не упоминается вовсе¹⁵. Возможно, она сильнее других пострадала во время пожара, разобрана была раньше их и память о ней исчезла быстрее.

Сама община перебралась ближе к центру города. В 1834 г. Московская евангелическо-

реформатская (кальвинистская) церковь купила у подпоручика Воейкова дом и все придомовые службы по адресу: Малый Трехсвятительский переулок, дом 3. Здесь же был оборудован молельный зал (по встречающимся в Интернете сведениям, община пользовалась этим залом уже в 1820-е гг.). В 1865 г. архитектором Г. фон Ниссеном дом был перестроен – появился второй этаж, был изменен фасад, со двора сделана большая пристройка с молельным залом на 800 мест. Итак, вот искомая Реформатская церковь, о которой пишет Цветаев. Значит, именно сюда и была перенесена мемориальная чугунная доска. Где она находилась до перестройки, мы сказать не можем, хотя думаем, что в том же здании. В 1898 г. в церкви был установлен 38-регистровый орган фирмы «Ernst Rover». 23 апреля 1917 г. в этом же помещении состоялось открытие молитвенного дома евангельских христиан-баптистов. Реформатская церковь к тому времени объединяла всего 20 верующих, но их богослужения продолжались вплоть до 1920 года. В советскую эпоху эта церковь оставалась единственным в Москве местом для протестантских богослужений, а переулок назывался Малым Вузовским (в 1924–1993 гг.). В 1928 г. она приютила в своих стенах лютеранскую общину Святого Михаила (вплоть до ее ликвидации в 1933 г.). Одно время храм делили община евангелистов седьмого дня и московская община христиан-баптистов. В 1993 г. последняя получила на дом полные права и здесь разместилась Центральная баптистская церковь¹⁶.

По нашей просьбе московский историк Р. Э. Рахматуллин и руководитель Института Петра Великого А. В. Кобак в декабре 2010 г. обследовали это здание. Однако при визуальном осмотре стало очевидно, что искомая доска на его стенах не висит. И если бы не любезная помощь пастора церкви Михаила Викторовича Фадиной, эти поиски закончились бы ничем.

Ниже приводим рассказ А. Кобака, которому удалось разрешить загадку: «Доска существует, но увидеть ее невозможно. Она прикреплена в центральной части алтаря, ниже окна, на котором написано “Бог есть любовь”. Ясно, что у реформатов алтарная ниша была чуть выше пола (солея), и доску приделали в самом почетном месте – на стене за алтарем. Там она и висит до сих пор. Однако в советскую эпоху там выстроили подобие сцены-кафедры. И чугунная доска оказалась под ее полом. Баптисты совершенно не понимали, что это за предмет, и что там написано. Были очень рады получить все объяснения, и сейчас встал вопрос о том, чтобы ее “раскрыть” либо перевесить, дав соответствующие пояснения для посетителей».

Ну что ж, значит обнаружен еще один из памятников Петровской эпохи – мемориальная доска в честь Николая Витсена, друга Петра I, – и свидетель прощания с Франсуа Лефорттом. По

всей видимости, это если не первая, то одна из наиболее ранних мемориальных (но не надгробных!) досок в Московии, посвященных не только человеку, но и событию.

Мы очень надеемся, что доска будет открыта для обозрения, а ее описание войдет во второй том свода памятников Петровской эпохи, который должен появиться в печати в конце 2011 года¹⁷. Как информацию для посетителей церкви мы подготовили краткую историческую справку, которая Институтом Петра Великого была переслана пастору М. В. Фадину, а он в свою очередь прислал в институт фотографии этой доски, хотя и вынужденно сделанные в очень неудобных ракурсах.

Примечания

- ¹ Дата обычно указывается как 2 января 1656 г., в т. ч. и в швейцарских генеалогиях Лефорта (напр., *Galiffe J. A. Notices généalogiques sur les familles genevoises depuis les premiers temps jusqu'à nos jours.* Genève, 1976. Т. 1. С. 75). Однако в Женеве до 31 декабря 1700 г. действовал юлианский календарь. Этим объясняются и даты жизни, указанные в книге: *Le Fort H. Notice généalogique et historique sur la Famille Le Fort de Genève.* Genève, 1920. С. 24: «(G.° 2 janvier 1656, † Moscou 2 mars 1699)». То есть и те и другие даны по ст. ст. Таким образом, сейчас мы должны записать: «2/12 января 1656 г.». Поэтому регулярно встречающееся в Интернете утверждение, что Лефорт родился в 1655, 1655/56, или 23 декабря 1655 г. (2 января 1656 г.) говорит лишь о незнании исторической хронологии авторами, переписывающими ошибку друг у друга. Количество этих сайтов исчисляется сотнями. Им вторит и *Большой энциклопедический словарь*, вышедший в 2000 г. и ныне тоже размноженный в Интернете. См., напр.: Лефорт Франц Яковлевич (1655–1699) // Морская энциклопедия. URL : <http://volna-parus.ru/lefort.html> ; Лефорт Франц Яковлевич (1655/56–1699) // Русская история. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/9606/%D0%9B%D0%95%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%A2> ; Лефорт Франц Яковлевич // Большой энциклопедический словарь (2000). URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/178702> ; Биография Лефорта Франца Яковлевича // Великие люди: Жизнеописание и биографии. URL : <http://www.biografy.ru/> ; Пётр Великий: Анекдоты, в основном, о нём и о его времени. Вып. 16. URL : http://www.abhoc.com/arc_an/2010_02/533/ и мн. др.
- ² *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Болезнь и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время в лицах – 2004.* СПб., 2004. С. 63–106; Лефорт Ф.: сб. материалов и документов. М., 2006. С. 10, 19.
- ³ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006.* СПб., 2008. С. 49.
- ⁴ *Рыженков М. Р. Франц Лефорт – друг и наставник Петра Великого // Военно-исторический журнал.* 2007. № 3. С. 62.
- ⁵ [*Поссельт М.*] Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: Его жизнь и время // Военный сборник. 1871. Т. 78, кн. 3. Отд. 1. С. 21 ; *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение Империи. М., 1997. С. 133 ; Лефорт Ф. : сб. материалов и документов. С. 489.
- ⁶ *Корб И. Г.* Дневник путешествия... С. 133–135 ; *Голиков И. И.* Историческое изображение жизни и всех дел славного женева Франца Яковлевича (Франциска Иакова) Лефорта <...>, и Служебника Его, <...> генерала аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М., 1800. С. 174 ; [*Поссельт М.*] Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт... С. 26 ; *Bassville, de.* Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort, Citoyen de Genève, Général et Grand Amiral de Russie, Vice-Roi du Nowogorod et principal Ministre de Pierre-Le-Grand Empereur de Moscovie. Genève, 1784. С. 141–142 ; *Posselt M.* Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. Frankfurt am Main, 1866, Bd. 2. S. 528 ; *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1791. Т. 5. С. 303 ; *Виноградов И. И.* Житие Франца Яковлевича Лефорта, Российского Генерала // Житие Франца Яковлевича Лефорта, Российского Генерала и Описание жизни нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799. С. 133–135 ; Лефорт Ф.: сб. материалов и документов... С. 490.
- ⁷ *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 258–263.
- ⁸ Там же. С. 114, 256–263.
- ⁹ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 23.
- ¹⁰ 86 х 23 м. *Снегирев И.* О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве // Православное обозрение. 1862. Т. 9. С. 46 ; *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 263.
- ¹¹ *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 259.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Романюк С.* Немецкая слобода // Наука и жизнь. 1997. № 10. С. 97–98 ; *Он же.* Москва за Садовым кольцом. М., 2007. С. 328.
- ¹⁴ *Рябинин Ю. В.* Жизнь московских кладбищ: История и современность. М., 2006. URL : http://www.mos-ritual.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=744&Itemid=101.
- ¹⁵ Москва, или Исторический путеводитель, по знаменитой столице Государства Российского <...>. М., 1831. Ч. 3 ; Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице Государства Российского <...>. М., 1833. Ч. 2 ; *Рудольф М.* Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей: Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице <...>. М., 1848. Ч. 1.
- ¹⁶ *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 259 ; История: Малый Трехсвятительский переулоч, дом 3: Центральная баптистская церковь. URL : <http://>

mosday.ru/forum/viewtopic.php?p=14452&sid=a9cb29d584e0d41c96c54ea1e7f07901 ; Объекты культурного наследия: Памятники. URL : <http://reestr.answerpro.ru/monument/?page=19&order=5&desc=1>.

¹⁷ Первый том вышел в конце 2010 г.: Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. Ч. 1.

УДК 070 (470–89) [18]

ЖУРНАЛ «СИОНСКИЙ ВЕСТНИК» – ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ А. Ф. ЛАБЗИНА

Н. И. Сидорова

Саратовский государственный университет
E-mail: jorasidorov@mail.ru

В центре внимания автора статьи – журнал «Сионский Вестник», издававшийся в 1806–1817 гг. учеником Новиковского кружка, основателем масонской ложи и вице-президентом Императорской академии художеств А. Ф. Лабзиным. Комплексный анализ статей журнала позволяет представить его религиозно-философскую концепцию и раскрыть некоторые особенности мировосприятия человека Александровского времени.

Ключевые слова: идеология, культура, человек, общество, мировоззрение, мистика.

Magazine «Zion Bulletin» – Reflection of A. F. Labzin ideas

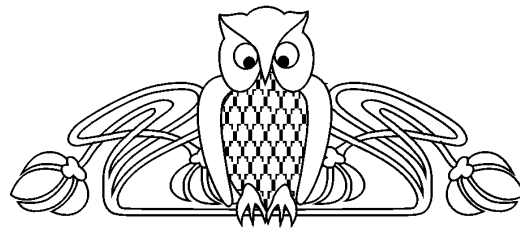
N. I. Sidorova

In the center of attention of the article author is the magazine “Zion Bulletin” that was issued in 1806–1817 by disciple of Novicov’s coterie, the founder of freemason’s lodge and the vice-president of the Imperial Academy of Arts A. F. Labzin. Multivariate analysis of the magazine articles allows to produce its religious-philosophical concept and to discover some peculiarities of world outlook of an Alexandrovsky time person.

Key words: ideology, culture, Men, society, philosophy, mysticism.

Напряженная общественно-политическая обстановка, сложившаяся в России на рубеже XVIII–XIX вв., многие внешние факторы, в том числе и события Великой французской революции, перевернувшие сознание современников и заставившие взглянуть на многие важные вещи по-другому, определили основополагающие идеи, принципы духовно-нравственного поиска целого поколения. Повышенный интерес к европейской культуре получает новый импульс, обусловивший создание масонских орденов, систем, увлечение разнообразными сочинениями знаменитых представителей западноевропейской философской мысли, появление Библейского общества. Среди населения начинают распространяться как известные трактаты Я. Беме, Л. К. Сен-Мартена, Ж.-М. Гюйон, К. Эккартсгаузена, И. Г. Юнга-Штиллинга, И. Таулера, так и мистические произведения оригинального характера, наиболее популярным из которых был «Сионский Вестник».

Что же представлял собой «Сионский Вестник» и какие идеи проповедовал А. Ф. Лабзин?

Ежемесячное периодическое издание «Сионский Вестник» включало в себя произведения разных авторов, которые подобраны и тематически объединены так, что создают впечатление цельного, хорошо продуманного и глубоко прочувствованного повествования. Журнал можно условно разделить на несколько частей, практически каждая из которых сопровождается комментариями самого издателя: первая содержит теоретические рассуждения А. Ф. Лабзина; вторая – это выдержки из сочинений, философских размышлений представителей западноевропейской и русской общественной мысли Ф. Фенелона, И. Г. Юнга-Штиллинга, Ф. Кемпийского, И. К. Лафатера, Ф. Бэкона, Г. С. Сковороды; третья – эпосы, рассказы, пожелания простых читателей, а также ответы издателя на их вопросы; четвертая – известия о наиболее важных и интересных событиях, произошедших как в России, так и в Европе, сообщения о выходе новых рекомендуемых публикаций и о том, где их можно приобрести. Издатель имел право не возвращать, исправлять и по своему усмотрению помещать присланные для публикации материалы¹.

Князю А. Н. Голицыну А. Ф. Лабзин говорил, что он одним из немногих уловил общественную потребность в религиозном просвещении и стал издавать различные книги духовного содержания, журнал «Сионский Вестник». «Сие удостоверение, – продолжал он, – составляло и поныне составляет главное мое счастье в жизни. Чувствуя от сего великое благо, я вознамерился поделиться и с ближними моими, в том уповании, что ежели случится мне кому-либо и из милейших братьев моих подать чашу воды студены: то я счастлив!»². Постановление о прохождении подобной литературы через гражданскую цензуру одновременно с поддержкой императора Александра I и А. Н. Голицына служило дополнительным, но немаловажным стимулом для продолжения такой активной деятельности. Избирая нравственно-этические проблемы главной темой журнала, А. Лабзин сетует на то, что на Западе, в отличие от России, распространение подобной литературы через специализированные учреждения, подобные немецкому христианскому магазину Пфеннингера,

происходило с большим размахом и не считалось чем-то необыкновенным³. Предлагая помощь всем людям, не владеющим иностранными языками, А. Лабзин признается в том, что при осмыслении столь сложных предметов сам ощущал потребность в дополнительных знаниях, оригинальных идеях, а ответы на многие вопросы нередко находил только после прочтения трактатов некоторых известных зарубежных авторов⁴. Он проявлял склонность к немецкой мистике и среди своих авторитетов называл Я. Бема, И. Г. Юнга-Штиллинга, Л. К. Сен-Мартена⁵. Отдавая дань уважения знаменитым философам, издатель, тем не менее, критикует их за непоследовательность, разные, нередко прямо противоположные высказывания, отход от истинных понятий, ценностей христианского вероучения и поэтому решает руководствоваться в первую очередь их главным источником – Священным Писанием⁶.

Продолжая объяснять цели, преследуемые в «Сионском Вестнике», А. Лабзин уверяет всех интересующихся подобного рода литературой, что совсем не собирается наставлять или учить кого-либо. Он только просит отнестись к «Сионскому Вестнику» снисходительно, а не раздражаться из-за несогласия с тем или иным изложенным положением. Издатель надеялся, что статьи избранных авторов, а также сочинения обычных людей смогут удовлетворить вкус и увлечь, не оставив места скуке, самых привередливых читателей⁷. Вообще А. Лабзин был убежден, что выбор злободневных, любопытных и оригинальных тем способен обеспечить гарантированный успех у публики. Отстаивая четкую самостоятельную авторскую позицию, он, скорее, выступал за субъективность подобного рода сочинений и, чтобы не быть голословным, приводил в пример Юлия Цезаря и Тита Ливия. Каждый из них при описании исторических событий пользовался определенным стилем и высказывал собственную точку зрения по тому или иному вопросу. Но повествовательный тон одного и возвышенный слог, философские размышления другого придавали сочинениям неповторимую уникальность⁸.

В одном из номеров «Сионского Вестника» издатель пишет, что имел «главной целью нашего Журнала доказать святость и превосходство Христианского учения пред всяким другим, и показать, сколь оно споспешествует самому просвещению...»⁹. Среди трех монотеистических религий он выделяет христианство как наиболее истинное, превосходное учение, поскольку именно оно, по его мнению, прославляет Господа угодным ему образом, а в Евангелии прописаны правила, следуя которым можно стать чище и совершеннее. «Не предубеждение и не случай рождения делают меня христианином, – говорит он. – Хотя я принял звание сие из следования, когда еще душа моя в младенчестве совсем была недействующая; то потом уже и с размышлением я утвердил мою присягу: и теперь я так чувствую святость моей

обязанности, что в какой бы религии я ни родился, услыша впервые об учении Христианском, я бы сего же дня принял оное с восхищением»¹⁰. Тем не менее издатель замечает, что мусульманство и иудаизм также необходимы, полезны, поскольку, наряду с самыми нелепыми сектами, содержат долю правды. Так, первые признают Христа, но, считая его ниже пророка, называют Божьим посланником, свидетельствуя о Нем даже «самыми своими отрицаниями». Если христианство занимает первое место, то иудаизм, служивший источником знаний для античных и средневековых философов, – второе, поскольку еврейский народ, в отличие от большинства других, всегда вещал об одном истинном Боге, принимал Иисуса, который родился и претерпевал страдания на их родине, за Мессию. Но, несмотря на то что, «сообразя сие с историею всех веков, должно будет признаться, что сохранение Иудейского народа есть очевидное чудо и носит на себе печать особливаго промысла о нем Божия»¹¹, евреи проповедовали лишь некоторые несистематизированные законы. Они могли дойти до некоторой степени просвещения, а за отрицание других, более важных заповедей, воспринятых христианами, они до сих пор несут заслуженное наказание, ярким примером которого является современный вид обетованной земли с разрушенным и разграбленным храмом Соломона. Полагая, что «нынешнее состояние Палестины, которой прежде плодосие еще на Римских монетах изъясняется, есть печать истины христианства»¹², Лабзин, видимо, хочет заставить людей задуматься над тем, какой образ жизни следует вести, чтобы избежать подобных ошибок и в последствии – Божьей кары.

Вообще, оправдывая христианское вероучение, А. Лабзин выходит за его узкие догматические рамки и утверждает, что одна единственно подлинная религия появилась с начала мироздания, проходит через все времена и прекратит свое существование только после Страшного суда. Духовную историю человечества А. Лабзин делит на «эпоху закона естественного», «эпоху закона писанного» и «эпоху самого Евангелия», или христианскую, соответственно представленные законами природы, мифологией, западными и восточными религиозно-философскими системами. Очевидно, это всеобщее вероучение видоизменялось и являлось человечеству в разных формах, но всегда сохраняло и совершенствовало свои основополагающие принципы, получившие наиболее полное выражение в Священном Писании: «... таким образом Библия содержит в себе вечное Евангелие во всех трех формах»¹³.

Хотя для первого периода «книга Адамова была – Натура; толкователь оной – Бог; способ научения – предание...»¹⁴, но и в настоящее время «самая убедительнейшая Религия, служащая как бы введением во все прочия, есть Природа», поскольку даже «... зрелище неба есть только протверживание, или записка, астрономической со-

вершеннейшей страны, изгладившейся из нашей памяти с тех пор, как самое зрелище сокрылось от очей наших»¹⁵. Надо отметить, что подобное стремление придать явлениям окружающей среды сакральный смысл приближает издателя к проповедникам мистической теософии – Я. Бему, Э. Сведенборгу, Л. К. Сен-Мартену и Ж. Ф. Дютуа-Мембрини. Последний утверждал, что «натура подтверждает все то, что из божественных истин откровение предлагает вере христианина; все таинства религии, без исключения, можно видеть и читать внимательными очами в физике, в деяниях природы и во всем порядке вселенной»¹⁶.

С забвением истинного значения законов физического мира наступил второй период, когда мифологический Аполлон, который принял человеческий облик и пас стадо царя Адмета, на протяжении всей своей земной жизни совершал подвиги во имя любви к человеку и «вдыхал в Поэтов язык богов, или слово божественное...»¹⁷. Потом предания Всевышнего переходят к античным философам, мудрые высказывания которых об общественно-государственном устройстве, социально-политических отношениях, морально-нравственных установках оказались широко востребованными не только современниками, но и многими поколениями потомков: «... к понятию, данному нами о древней философии, присовокупим еще, что она в новейшие времена сохранилась наиболее в духовных Орденах, и древние философы во многом походят на монахов»¹⁸.

Сравнивая воззрения Цицерона с представлениями Бенетама, издатель задает риторический вопрос: «Можно ли и сравнивать понятия Цицероновы о должностях, о справедливости, о честности, с понятиями например всеми прославляемого Бенетама, у которого все права основаны на купеческих расчетах и барышах, и который составил бухгалтерию для Совести?»¹⁹. Кроме того, он поражается тому, «... сколько Древние вообще были ближе к понятиям и истинам Христианским, нежели мы, имеющие писанное Евангелие и называющиеся Христианами!»²⁰. Овидий повествовал о шести днях творения, Пифагор с помощью знаменитой теоремы объяснил таинство примирения падшего человека с Богом, а Сократ ничего не предпринимал без совета и против воли ангела-хранителя. Приступая к открытиям с глубокой верой, Платон рассуждал о праведности, дошел до познания Святой Троицы, изобразив ее символом всеобщей истины – буквой «X», а в одном из сочинений говорил о будущем идеальном государстве, когда будет «едино стадо и один пастырь», всех людей будет связывать любовь, а благо каждого будет считаться общим достоянием. При сопоставлении его представлений с идеями Канта А. Лабзин доходит до таких суждений: «... и по сравнению сего метафизика с Платоном, прежний мудрец покажется воспитанником Христианства, а нынешний как бы жил еще в язычестве»²¹. Вообще

отношение А. Лабзина к античному наследию характеризует им же подмеченное высказывание одного мыслителя: «Евсевий приводит Нумения, философа Пифагорейскаго, говорящим о Платоне: “Платон ничто иное, как Моисей, одетый по Аттически”»²². Поэтому в их трактатах самый благочестивый христианин может смело искать божественное откровение и признавать их идеи за «святейшие», поскольку «... самые Церковные Отцы, знакомые с премудростию Божию, не боялись находить оную в писаниях Древних, так как Климент Александрийский находил в творениях Пифагоровых даже начертание церкви Божией», понимая, что «... истинные Философы, и в самой древности, и в самом язычестве, согласны были с истинами Христианской религии!»²³. Однако природа окружающих вещей, требования времени не позволяли четко и ясно излагать свои мысли, а тот кто игнорировал главное – не оберегал истину от непосвященных и, невзирая ни на что, занимался активной проповеднической деятельностью – мог погибнуть так же, как Сократ.

Так же как и Ж. Ф. Дютуа-Мембрини, который говорил, что, «собрав места из древних философов и стихотворцев о религии, мы увидим почти полную систему всех божественных таинств, представляемых нашей вере откровением»²⁴, А. Лабзин отдавал дань уважения ученым мужам, но, естественно, не ставил их в один ряд с христианами. Так, хотя древние философы преуспели в познании многих сложных предметов, они с трудом постигали их подлинный смысл, в то время как христиане после пришествия Спасителя получили возможность разгадывать самые глубокие тайны. Но издатель не давал однозначного ответа на вопрос, имели ли люди других вероисповеданий право претендовать на открытые Иисусом истины, а если да, то почему и на каком основании. С одной стороны, Спаситель принес очистительную жертву за грехи всех без исключения людей и поэтому понятия обо всех важных предметах формировались на основании не только чувств, ощущений, разума, но Божественных откровений через особых вдохновенных существ, гениев, духов, полубогов, доступных всем, независимо от национальной и религиозной принадлежности. С другой стороны, А. Лабзин затрудняется сказать, каким образом Господь выведет на путь спасения тех, кто не слушал и не читал Евангелия, поскольку в Библии мало упоминаний по этому поводу. Но уже в следующей статье он укоряет современников, не придававших античному наследию и художественным образам особенного значения и не понимавших, что «мифология и Священное Писание сходятся: Мифология действительно есть не баснословие, но богословие. Философия и физика Древних»²⁵. В итоге А. Лабзин заключает: «... и так книга бытия есть книга Философии, и истинная Философия приобретается чрез откровение божественное, чрез слово

Божие, говорящее внешне и внутренно, в книгах и в вещах, и в самом человеке; и следовательно определение то справедливо, что Философия есть видение вещей божественных и человеческих»²⁶. Получается, что природа, языческие тризны, жреческие священнодействия являются источниками божественных истин, потом облеченных в слова Библии, а мифы, мудрые изречения древнегреческих и древнеримских мыслителей не просто пустые, ничего не значащие вымыслы и софизмы, но символы, иносказательно выражающие предстоящее великое событие – пришествие и искупительную миссию Иисуса.

Можно сказать, что А. Лабзин усвоил главные положения теории мистиков о надцерковном христианстве, но в своих логических построениях пошел дальше и стал проповедовать универсальную религию всемирного и внеисторического характера, которая имела единое Евангелие, дополнявшееся по мере увеличения знаний другими заветами. Однако, оставаясь апологетом христианства и не приемля иных догматов, он наделял все разнообразие конфессиональных особенностей элементами этого подлинного вероучения. Словно устав масонского ордена, А. Лабзин составляет иерархию людей определенной категории – хранителей божественных истин, – объединяя их в некую невидимую организацию, знания, законы и цели которой передавались преемственно и, являясь тайной для посторонних, полностью открывались лишь избранным членам, посвященным в высшие степени этого своеобразного «ордена».

УДК 94(47).082+008(09)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АЛЬЯНС: ДЕЯТЕЛИ «НОВОЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ» НА СЛУЖБЕ У АЛЕКСАНДРА III

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет
E-mail: lukonin@info.sgu.ru

Автор представленной статьи обращает внимание на непростые отношения между императором Александром III и деятелями «новой русской школы». Рассматриваются художественные пристрастия императора-националиста, его политика в области искусства. Демонстрируется сходство подходов в понятиях «национального, русского», объясняются причины несостоявшегося альянса кучкистов и государственной власти.

Ключевые слова: Александр III, русское искусство, русская художественная интеллигенция, национализм, «новая русская школа».

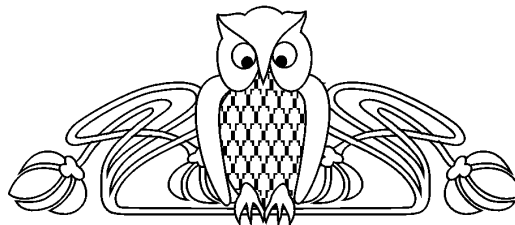
A Failed Alliance: the Functioners of «The New Russian School» on the Service of Alexander III

D. E. Lukonin

The author of this article points out a complicated relations between the Imperor Alexander III and the functioners of «The New Russian

Примечания

- 1 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 9–10.
- 2 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 10.
- 3 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 7–8.
- 4 Там же. С. 4–11.
- 5 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 11.
- 6 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 8–9.
- 7 Там же. С. 9–11.
- 8 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 9–15.
- 9 Сионский Вестник. 1806. Июль. С. 33.
- 10 Там же. 1806. Июль. С. 58.
- 11 Там же. 1806. Февраль. С. 176.
- 12 Там же. 1818. Апрель. С. 106.
- 13 Там же. 1806. Февраль. С. 130.
- 14 Там же. 1806. Январь. С. 15.
- 15 Там же. 1817. Сентябрь. С. 305, 312.
- 16 Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 134–135.
- 17 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 43.
- 18 Там же. С. 30.
- 19 Там же. С. 22–23.
- 20 Там же. С. 22.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 16.
- 23 Там же. 1806. Июль. С. 26, 33–34.
- 24 Галахов А. Д. Указ. соч. С. 98.
- 25 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 44.
- 26 Там же. 1806. Июль. С. 25–26.

School». There are examined Alexander's nationalist preferences in painting and music and his policy toward the fine arts in Russia. The article demonstrate some similarities in concepts of «Russian» and «National» between the Imperor and the members of «Russian Five» and explain the reasons of their failed alliance.

Key words: Alexander III, Russian art, Russian art intellectuals, nationalism, «The New Russian School».

Не получив в конце 70-х гг. XIX в. прочного положения на российской музыкально-общественной арене и испытывая недостаток признания со стороны правящих кругов, сторонники «национального направления» в искусстве с большим интересом присматривались к изменениям в общественной и государственной жизни, наступившим с воцарением Александра III. Националистическая ориентация последнего была хорошо известна. Еще будучи наследником

престола, Александр «был склонен усматривать источник русских проблем в немцах, где бы они ни служили – в России или в Германии»¹. Противопоставляя «поганых немцев» и «истинно русских», он полагал, что «русскость» – понятие, не сводимое просто к происхождению или языку, – оно выражается прежде всего во внутреннем, прирожденном патриотизме, в идеале верного служения Родине, в этике самопожертвования. Напротив, действиями «немцев» управляют лишь узкоэгоистические интересы, голый практицизм («наемничество»), ориентация на западные авторитеты². Националистических взглядов придерживались также многие люди, входившие в близкое окружение Александра III³.

Кроме того, Александр III был известен своей меценатской деятельностью, которая значительно преумножилась после его вступления на престол. Будучи главой Императорского исторического общества, он великодушно субсидировал издание его трудов и энергично поддержал строительство Исторического музея в Москве. Ежегодно из собственных средств им передавалась в фонд Академии художеств сумма в 20 тыс. руб. для поддержки вновь открывавшихся художественных музеев. При его финансовой помощи издавался иллюстрированный художественный журнал «Вестник изящных искусств», благоприятно настроенный ко всему «российскому» и «национальному». Несмотря на то что официально журнал принадлежал Академии художеств, на его страницах могли также появляться работы авторов, находившихся в оппозиции к Академии, например В. В. Стасова.

Сам Александр III, поддерживая художников-академистов, с особой благосклонностью относился к художникам-передвижникам. Работы передвижников были богато представлены в коронационном альбоме – художественном документе эпохи, символе нового царствования⁴. Став императором, Александр III посещал передвижные выставки и достаточно часто совершал покупки. Так, в 1886 г. императорская чета в сопровождении президента Императорской академии художеств вел. кн. Владимира Александровича удостоила вниманием XIV выставку передвижников. Гидом высоких персон, водившим их по залам Академии наук, в которых размещалась выставка, был один из лидеров передвижников, член-учредитель «Товарищества» Г. Г. Мясоедов. Императорская чета приобрела 5 картин на сумму более 10 тыс. руб., и, по словам Александра III, приобрела бы больше, если бы многие картины уже не были проданы. После этого в Уставе «Товарищества» появилась специальная фраза о том, что картины могут быть куплены частными лицами, «если их не пожелает приобрести Государь император»⁵.

Александр III был любителем исторической живописи (без современных политических аллюзий), жанровых работ (так называемых бытовых картин), марин и пейзажей. К концу 80-х гг. XIX в. приобретения, делаемые им на выставках

передвижников, превосходили по количеству даже покупки виднейшего купца-мецената П. М. Третьякова. Императорское внимание было немаловажным для передвижников. Его сделки чаще всего были значительно выше по цене, чем предложения других покупателей, – это позволяло художникам полностью сосредоточиться на своих творческих замыслах, забывая о материальной зависимости. В 1891 г., например, Александр III купил картину И. Е. Репина «Письмо запорожцев турецкому султану» за 34 тыс. руб. – крупнейшую сумму, когда-либо заплаченную за картину русского живописца⁶. Наконец, немаловажным завоеванием в правление Александра III была реформа Академии художеств 1893 г., прекратившая противостояние «передвижников» и «академистов», длившееся более двух десятилетий. Многие крупнейшие художники «Товарищества» вошли в Академию после реформы в качестве преподавателей⁷.

Таким образом, вполне можно согласиться с выводом Джона Нормана о том, что Александр III и его брат Владимир Александрович «значительно лучше своего отца поняли ту роль, которую играли искусства в прославлении национализма и престижа династии, и поэтому стремились использовать патронаж в этих целях»⁸. С другой стороны, многие ведущие живописцы «разделяли во времена царствования Александра III панславистские чувства и русский культурный национализм, ведь, помимо всего прочего, они искали материального процветания и общественного признания, а это могло привлечь к ним симпатию высоких патронов»⁹.

Не осталась без внимания нового императора и русская музыка. В 1882 г. была отменена монополия Императорских театров – это решение привело к коренному изменению российской театральной и музыкальной жизни. Появились частные театры, среди которых были такие успешные организации, как мамонтовская Частная опера (1885 г.), на сцене которой взшла звезда Ф. И. Шаляпина, а позднее Московский художественный театр К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (1898 г.), обессмертивший русское театральное искусство. Таким образом, – возможно, невольно, – Александр III способствовал целой революции в художественной жизни России.

Другим, не менее значимым шагом было перенесение государственной поддержки в области оперы с итальянской труппы (что быстро привело к ее падению) на русскую. Еще в процессе коронационных торжеств в отличие от своего отца, который пожелал прослушать модную тогда оперу итальянского композитора Г. Доницетти «Любовный напиток», Александр III взшел на престол под звуки оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», которая служила, по единодушному признанию, эталоном «русской школы». Р. Уортман обратил внимание на этот факт, считая его

важным публичным символом нового «сценария власти»¹⁰. Позднее выдвижение на первый план русской труппы, дававшей спектакли в Мариинском театре, и превращение этого театра в ведущую имперскую сценическую площадку, часто имевшую церемониальное значение, казалось, трансформировало в сознании художественной общественности идентичность целой эпохи, изменив ее с европеизированной на национализированную.

Справедливости ради, однако, необходимо отметить, что оперный репертуар Мариинского театра в основном составляли не русские оперы (которых, кстати говоря, было к тому времени написано не так много), а иностранные, исполняемые на русском языке. Александр III (как позднее и его сын Николай) сам утверждал репертуар Императорской оперы и балета и был почти постоянным посетителем генеральных репетиций перед премьерами. По его личному распоряжению в Мариинском театре были поставлены «Африканка» Дж. Мейербера, «Мефистофель» А. Бойто, «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, «Сельская честь» П. Масканы и др.¹¹ «Новая русская школа» видела в этом непосредственность со стороны императорской власти. В докладной записке, подготовленной в 1895 г. М. А. Балакиревым для Николая II, так оценивалось развитие русской оперы в период предыдущего царствования: «Императорская русская опера при своем исключительном положении... могла бы всецело служить русскому искусству... К сожалению, на деле происходит совсем иное. Вместо образцовых произведений Запада... публику угощают пошлостью вроде оперы Леонкавалло "Паяцы", а из русских опер, за исключением опер Глинки, исполняются исключительно оперы бездарного Направника и кое-какие из опер Чайковского и Рубинштейна»¹². Действительно, в правление Александра III на сцене Императорских театров, по словам В. Е. Чешихина, помимо Глинки, «полновластно царил» любимый композитор русского самодержца П. И. Чайковский, музыка которого «очень нравилась Государю»¹³.

Кроме внимания к оперному театру можно перечислить еще несколько любопытных фактов патронажа царя, связанных с музыкальным искусством. Еще в 1865 г. после смерти Великого князя цесаревича Николая Александр принял оставшуюся от него должность «Высочайшего покровителя» Бесплатной музыкальной школы, не особенно, впрочем, проявив себя в этом качестве. Вскоре после восшествия на престол была высочайше разрешена всенародная подписка на памятник М. И. Глинке в Смоленске, освященный 20 мая 1885 г.¹⁴ В 1889 г. благодаря личному вниманию государя была придана особая блестящая торжественность празднованию 50-летия музыкальной деятельности А. Г. Рубинштейна. Вскоре затем было высочайше пожаловано В. С. Серовой 3 тыс. руб. на издание музыкаль-

но-критических статей А. Н. Серова. В 1892 г. по случаю празднования 50-летнего юбилея оперы «Руслан и Людмила» последовал высочайший указ о переименовании в память этого события одной из лучших улиц Петербурга в улицу Глинки. В 1888 г. П. И. Чайковскому государем была пожалована пожизненная пенсия в 3 тыс. руб. ежегодно, – через пять лет, в 1893 г., Александром III были приняты на свой счет похороны композитора. По инициативе М. А. Балакирева в 1894 г. в Желязовой Воле был возведен памятник великому привислинскому поляку (русскому в смысле подданства) композитору Шопену и т. д. «Это была, – по словам В. Е. Чешихина, – просвещенно-меценатская деятельность монарха, внутренняя и внешняя политика которого несла столь ярко выраженный элемент русского национализма...»¹⁵.

Неудивительно, что сторонники «новой русской школы» возлагали на Александра III особые надежды. Следует отметить, что этим надеждам было суждено в некотором роде оправдаться, но только отчасти и притом в области, не имеющей решающего значения. В первую очередь это связано с возобновлением музыкально-общественной деятельности М. А. Балакирева. В 70-е гг. XIX в. удалившийся от дел лидер «Могучей кучки» близко сдружился с Т. И. Филипповым, товарищем государственного контролера, а впоследствии государственным контролером и сенатором. Филиппов в свою очередь имел хорошие отношения с К. П. Победоносцевым. «Балакирев – Филиппов – граф С. Д. Шереметев, – связь этих людей была на почве религиозности, православия и остатков славянофильства», – вспоминал Н. А. Римский-Корсаков¹⁶. С воцарением Александра III Балакирев вполне мог полагать, что он обрел некую нить воздействия, быть может, мнимую, на самые высокие круги государственного управления. Скорее всего именно с этим была связана активизация его деятельности.

Во-первых, уже осенью 1881 г. Балакирев «отнял», по выражению В. В. Стасова, управление Бесплатной музыкальной школой у Н. А. Римского-Корсакова¹⁷. Стасов с восторгом приветствовал «возвращение» Балакирева, надеясь в его лице снова обрести лидера «новой русской школы» харизматического толка. В октябре 1881 г. он так писал ему: «Милий опять на боевого своего коня садится, опять берет меч и бич в руку, будить одних, разить других! Великолепно!! На такую роль Римлянин¹⁸ *вовсе* (выделено В. В. Стасовым. – Д. Л.) не был способен, даром что чудесный человек и чудесный музыкант. Надо на то больше "самовара" внутри, которого у него нет, каков он ни есть милейший. Чтоб быть "главой" и "запевалой" в чем-нибудь, что надо прежде всего? Огонь, силу, почин. Ни того, ни другого, ни третьего у него нет»¹⁹.

Наконец, в 1883 г. по рекомендации Т. И. Филиппова и протекции К. П. Победоносцева

М. И. Балакирев был назначен на пост управляющего Придворной певческой капеллой. На этом посту и развернулась вся его дальнейшая общественная деятельность вплоть до 1894 г., когда, верный своим представлениям о «служении монарху», он вышел на пенсию и вновь удалился от дел. История Придворной певческой капеллы восходит еще к хору государевых певчих дьяков, впервые упоминаемому в конце XV века. К началу XIX в. это была организация, включавшая в себя мужской хор (в том числе и хор мальчиков), инструментальный и регентский классы. Капелла была государственным ведомством (притом единственным казенным музыкально-учебным ведомством в России), входила в состав Министерства двора, главной ее обязанностью было участие в придворных церемониях, в основном связанных с богослужебным пением. По указу императора Николая I все церковные песнопения в России должны были исполняться только после их утверждения и печатного издания в Придворной певческой капелле. Таким образом, в капелле была развернута большая работа по собирательству и обработке церковной музыки, кроме того, директор капеллы выполнял также и надзирающие функции в данной области²⁰.

При Александре III капелла была реформирована. Директором ее стал граф С. Д. Шереметев (должность к тому времени чисто номинальная), который утвердил М. А. Балакирева управляющим, а он, в свою очередь, хлопотал о том, чтобы на должность его помощника был принят Н. А. Римский-Корсаков²¹. Эта кандидатура также была одобрена. Так ведущие композиторы «новой русской школы» получили в свое распоряжение старейшую музыкальную организацию. Государственная служба давала им солидное положение в официальной иерархии (оба композитора участвовали, к примеру, в коронационных торжествах; Римский-Корсаков вспоминал: «... облаченные в мундиры придворного ведомства, мы присутствовали на коронации в Успенском соборе, стоя на клиросах: Балакирев на правом, я на левом»²²), хорошее жалование, повышала их влияние. Однако придворный и церемониальный характер данной музыкальной площадки делал почти невозможным и пропаганду и распространение музыки «новой русской школы»²³.

Это кажется почти парадоксом, но Александр III не любил музыку «новой русской школы». С. М. Волков полагал даже, что его отношение к творчеству «Могучей кучки» можно было охарактеризовать как «враждебное», – «для русского националиста позиция, казалась бы, непоследовательная»²⁴. Александр собственноручно вычеркнул из представленного ему на утверждение репертуара Мариинского театра оперу М. П. Мусоргского «Борис Годунов», заменив его «Эскалармондой» Ж. Массне²⁵. Прочие предпочтения его в искусстве оперы уже были представлены выше. Что же касается русских ком-

позиторов вообще, то известно, что Александр III предпочитал музыку П. И. Чайковского, которую деятели «новой русской школы» вовсе не считали «национальной».

Гигантская индустрия коронационных торжеств с полной очевидностью продемонстрировала пристрастия нового императора. П. И. Чайковским были написаны коронационный марш и коронационная кантата «Москва» на стихи Ап. Майкова. Последняя должна была продемонстрировать образец русского «национального стиля» (что считалось нехарактерным для Чайковского), подчеркнув связь нового царствования с древней Москвой²⁶. Помимо того, во время еще одного коронационного мероприятия – освящении храма Христа Спасителя в Москве (построенного в память о победе над Наполеоном) – исполнялась торжественная увертюра П. И. Чайковского «1812 год». И даже хор «Славься» М. И. Глинки и «Боже, царя храни» кн. А. Ф. Львова, имевшие характер государственных гимнов, исполнялись на коронационных торжествах в обработке П. И. Чайковского²⁷. По сравнению с таким «засильем» его музыки более чем скромной и практически сводящейся к нулю выглядит работа Н. А. Римского-Корсакова для того же мероприятия. «Торжественно сошло и освящение храма рождества Спасителя (так в тексте. – Д. Л.), – вспоминал он, – причем в самый важный момент богослужения – раздвигания завесы – исполнялось песнопение моего изделия в несколько тактов восьми или чуть ли не десятиголосного контрапункта, которое для данного случая заставил меня сочинить Балакирев. После исполнения в Москве этого песнопения я так и не видал никогда его партитуры и совершенно забыл его»²⁸.

И, наконец, следует отметить, что возвращение к широкой публичной деятельности в Петербурге А. Г. Рубинштейна, по-видимому, окончательно похоронило последние надежды «новой русской школы» на Александра III и его правление. В 80-е гг. XIX в. А. Г. Рубинштейн последовательно возобновил вначале дирижирование концертами, затем занял оставленный им ранее пост директора Санкт-Петербургской консерватории (1887), а еще позднее стал председателем Дирекции Санкт-Петербургского отделения ИРМО (1889). Александр III пожаловал А. Г. Рубинштейну чин действительного статского советника, который в российской Табели о рангах соответствовал генеральскому званию, наградил его орденом Станислава I степени «со звездой», а в 1889 г. с большой помпой прошло празднование 50-летнего юбилея его музыкальной деятельности²⁹. «Диктатурой Рубинштейна» называли этот период сторонники «русской школы» в переписке между собой.

Что же заставляло Александра III практически игнорировать³⁰ «новую русскую школу», стремящуюся к реализации «национального» принципа в музыке? Существует несколько объяснений этого факта. В течение 60–70-х гг. «новая

русская музыкальная школа» постоянно подчеркивала свое «новаторство», «прогрессивность», даже «революционность», таким образом позиционируя себя в борьбе с «консерваторами» и «ретроградными». Эта позиция могла сыграть роковую роль в оценке данного направления императором. «В глазах Александра лояльность и была подлинным патриотизмом, – писал Соломон Волков, – а эстетический радикализм попахивал “подрывной деятельностью”». Неслучайно выходявший в Петербурге на французском языке журнал «Journal de St.-Petersbourg» называл членов «Могучей кучки» «les pétroleurs de la république des beaux-arts»³¹.

Другое объяснение заключается в том, что в области символики власти, для развития которой Александром III особенно активно использовалось искусство, преимущественное внимание было сосредоточено на образе «древней Москвы» в противовес европеизированному Петербургу. Александр, по словам Р. Уортмана, «выражал волю к преодолению европеизации общества и веру в то, что Россия может вернуть себе величие Московии. ... Национальный миф придавал новый смысл монаршему правлению в империи. Московская Русь предоставила модель этнически и конфессионально единого народа, которым правит православный царь»³². В Москве же в области музыки царил «культ П. И. Чайковского», который все время был тесно связан в своей профессиональной деятельности с Москвой и Московской консерваторией. Даже неодобительно настроенный к Чайковскому В. В. Стасов вынужден был признать, что Москва питает «особенную благосклонность к операм Верстовского и ко всем без разбора сочинениям Чайковского: обоих авторов Москва считает “своими” и очень гордится ими, но, можно сказать, уже окончательно без всякого разбора в степенях: самые высокие, самые сильные и талантливые, самые поэтические создания Чайковского... пользуются одинаковыми симпатиями со слабыми, бесцветными и ординарными произведениями его... Для Москвы у Чайковского все хорошо»³³.

Думается, что поставленный вопрос не может быть окончательно разрешен в рамках короткого сообщения и вполне достоин специального исследования. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов и самого простого объяснения: быть может, музыка «новой русской школы» просто не нравилась Александру III. Как бы то ни было, важно, что и в начале 80-х гг. XIX в. «новая русская школа» по-прежнему не получила широкого общественного признания и не стала ведущей музыкальной силой в художественной жизни России, за что активно боролась на протяжении двух предыдущих десятилетий. А это означало, что ее деятели должны были и действительно продолжали поиск тех путей, которые могли бы привести «национальное» направление к воплощению самых амбициозных замыслов. Не будучи избалованы официальным признанием, испытывая разочарование по поводу, как им казалось, не-

соразмерного их вкладу внимания, деятели «новой русской школы» вполне естественно перенесли свои главные чаяния и упования на поднимавшееся частное предпринимательство, склонное к высокой меценатской активности. Именно вокруг частной инициативы и с ее непосредственной помощью «новой русской школе» удалось сплотить разрозненные силы и вновь выступить в качестве единой и крепкой художественной группы.

Примечания

- 1 Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 256.
- 2 Там же. С. 259–260.
- 3 Так, например, Н. П. Игнатъев, сменивший в 1881 г. М. Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел, был уверен, что источником российских проблем была «могущественная польско-жидовская группа», которая контролирует «банки, биржу, адвокатуру, большую часть печати и другие общественные дела». «Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только “интеллигентный” класс...», – писал он. – Уортман Р. С. Сценарии власти. С. 287. Другой видный общественный деятель эпохи Александра III и Николая II князь В. П. Мещерский полагал, что угроза престолу (и России в целом) порождена проблемами российской политики в области образования, которое позволяет слишком широкому кругу лиц улучшать свой социальный статус. (См.: Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в.: Князь В. П. Мещерский. СПб., 2004. С. 109–115). С этими представлениями связано его выступление в конце 80-х гг. XIX в. против консерваторий и лично А. Г. Рубинштейна, содействующих якобы «распложению жидов в столице». «Кто против наших идеалов, кто не за них, – тот за жида, – писал князь Мещерский. – Вдумайтесь хорошенько, наш беспочвенный либерал не есть ли брат-близнец столь ненавистного вам еврея? Чем больше я живу, тем больше я в этом убеждаюсь...». – Князь В. П. Мещерский. Гражданин консерватор / вст. ст., сост., коммент. И. Е. Дронова. М., 2004. С. 66. В. П. Мещерский был другом детства и юности Александра III, имел влияние на него в годы правления, издавал, пользуясь государственной субсидией, ультраконсервативную газету «Гражданин».
- 4 См.: Уортман Р. С. Указ. соч. С. 296.
- 5 Norman J. O. Alexander III as a Patron of Russian Art // New Perspectives on Russian and Soviet Artistic Culture. Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies / ed. by J. O. Norman. N. Y., 1994. P. 31.
- 6 Ibid. P. 33.
- 7 См.: Рогинская Ф. С. Товарищество передвижных художественных выставок. М., 1989. С. 178–184.
- 8 Norman J. O. Op. cit. P. 29–30.
- 9 Ibid. P. 35.
- 10 Уортман Р. С. Указ. соч. С. 310.

- 11 См.: Волков С. М. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2004. С. 128.
- 12 Балакирев М. А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 232.
- 13 Чешихин В. Е. История русской оперы (с 1674 по 1903 гг.) СПб., 1905. С. 410. Автор отмечал в качестве «характерного» также то обстоятельство, «что в оперной деятельности талантливейшего из современников Чайковского, Римского-Корсакова, замечается перерыв от 1882 г., когда была поставлена впервые «Снегурочка», до 1892 г., когда шла впервые «Млада»».
- 14 Торжественным концертом из сочинений М. И. Глинки при открытии этого памятника дирижировал М. А. Балакирев.
- 15 Чешихин В. Е. Указ. соч. С. 411.
- 16 Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни // Римский-Корсаков Н. А. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 151.
- 17 Сам Римский-Корсаков так описывал этот процесс: «Постоянное вмешательство Балакирева и давление в делах Бесплатной музыкальной школы стало к тому времени (т. е. после «убиения государя Александра Николаевича», как пишет Н. А. Римский-Корсаков выше. – Д. Л.) для меня несносным. Мне казалось, – и это было верно, – что ему самому хочется встать во главе ее. Ко всему этому я был крайне занят..., и я решил отказаться от директорства..., мотивируя отказ, конечно, лишь недостатком времени. Балакирев в первую минуту немного ошетинился на меня, сказав, что таким образом я как бы *заставляю* (выделено Римским-Корсаковым. – Д. Л.) его взяться за школу», но потом «согласился и с той поры вновь на несколько лет стал в ряды действующей музыкальной армии». – Там же. С. 144.
- 18 Прозвище Н. А. Римского-Корсакова, данное ему В. В. Стасовым.
- 19 М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. М., 1970. С. 29. Надежды В. В. Стасова на то, что М. А. Балакиреву вновь удастся сплотить вокруг себя музыкантов «новой русской школы», как будет видно в дальнейшем, оказались напрасными.
- 20 См.: Очерки русской культуры XIX в. Т. 6. М., 2002. С. 272–274.
- 21 Готовясь к принятию должности Балакирев писал Стасову: «...Скажу Вам по секрету, мы будем иметь с Корсинькой солидное положение при капелле, если только отставка Бахметева (прежнего директора Капеллы) состоится». – М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. С. 38.
- 22 Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. С. 152.
- 23 На первых порах Римский-Корсаков весьма активно работал над духовными песнопениями, связанными с деятельностью Капеллы. Речь, к примеру, шла о новой гармонизации напевов синодального обихода. В. В. Стасов находил, что подобное увлечение является утратой для «новой русской школы». «Милый и Римский-Корсаков ничего теперь не делают, кроме дел своей проклятой капеллы», – писал он С. Н. Кругликову. (Письма В. В. Стасова С. Н. Кругликову // Советская музыка. 1949. № 8. С. 57). Прохладный прием встретили начинания новых преподавателей капеллы и у Александра III. «У меня есть немало неприятностей, кроме церковных древних роспевов в новом переложении», – якобы заявил он, чем очень охладил Капеллу в ее затее. – См.: Рахманова М. Духовная музыка Н. А. Римского-Корсакова // Музыкальная академия. 1994. № 2. С. 56.
- 24 Волков С. М. Указ. соч. С. 128.
- 25 Там же.
- 26 См.: Уортман Р. С. Указ. соч. С. 309–311. С. М. Волков подчеркивал, что деятельность П. И. Чайковского, связанная с коронационными торжествами, подчеркивала его «суперлюбовь» по отношению к новому режиму власти, что и было скреплено высочайшим подарком в адрес композитора – перстнем с большим бриллиантом стоимостью в 1,5 тыс. руб. – в знак признательности за проделанную работу. – Волков С. М. Указ. соч. С. 131.
- 27 Poznansky A. Tchaikovsky: The Quest for the Inner Man. N. Y., 1991. P. 420.
- 28 Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. С. 152.
- 29 Баренбойм Л. А. А. Г. Рубинштейн: жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность : в 2 т. Т. 2: 1867–1894. Л., 1962. С. 237–238 с ил. Справедливости ради следует отметить, что отношение Александра III к А. Г. Рубинштейну было двойственным. Как отметил в своем дневнике советник министра иностранных дел В. Н. Ламздорф, государь говорил Н. К. Гирсу по поводу празднования юбилея Рубинштейна: «Я надеюсь, что Вы не поедете» и смеялся над этой церемонией. Не пощадил Его Величество и тех членов императорской семьи, которые, по его мнению, приняли в чествовании слишком большое участие». – Ламздорф В. Н. Дневник 1886–1890. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 244. По тому же свидетельству, суждения Александра III о Рубинштейне носили националистический характер и были весьма близки риторике князя Мещерского. – Там же. Однако подобные слова произносились в узком кругу и не были предназначены для широкой огласки.
- 30 Назначение М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова в Придворную певческую капеллу не может послужить этому серьезным опровержением. Ведь помимо учебной работы их обязанности сводились только к поддержанию и редактированию существовавшего канонического набора церемониальных песнопений, а в рамках подобной деятельности было практически невозможно развернуть широкую работу в области собственно авторской композиции. Говоря другими словами, Александра III вполне могла устраивать работа «кучкистов»-чиновников в придворном музыкальном ведомстве, поскольку они соблюдали все предписанные правила. И это никак не влияло на его признание «кучкистов» как композиторов.
- 31 Поджигателями республики изящных искусств. См.: Волков С. М. Указ. соч. С. 131.
- 32 Уортман Р. С. Указ. соч. С. 325.
- 33 Стасов В. В. Тормозы нового русского искусства (двадцать пять лет нашей художественной критики) // Стасов В. В. Избр. соч. : в 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 686.

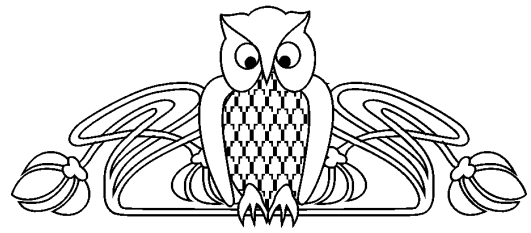

УДК 94(47).083 + 929 Ухтомский

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ Э. Э. УХТОМСКОГО

В. В. Суворов

Саратовский государственный технический университет
E-mail: valeriy_s@inbox.ru

Проблема политического устройства России занимала одно из важнейших мест во взглядах князя Э. Э. Ухтомского. Он придерживался консервативных взглядов, однако неоднократно выступал с критикой различных сторон жизни российского общества, что, с одной стороны, вызывало недовольство более консервативных кругов, а с другой – несколько сближало с либеральными деятелями. Однако сближение это было только внешним и основным мотивом в действиях Ухтомского была не ориентация на европейские либеральные ценности, а обращение к лучшему, по мнению князя, традициям российской государственности.

Ключевые слова: Э. Ухтомский, Николай II, консерватизм, самодержавие, революция 1905–1907 гг., национальный вопрос.

Political Views of E. Ukhtomsky

V. V. Suvorov

The problem of the political structure of Russia took one of the most important places in the views of prince E. Ukhtomskiy. He held the conservative views, but often criticized the various aspects of the Russian society. On the one hand, this caused discontent among the more conservative groups, but on the other hand, this position brought him together with liberal activists. However, the similarity was just visual, and the main motive in the actions of Ukhtomskiy was reference to the best traditions of Russian statehood but it wasn't the orientation to the European liberal values.

Key words: E. Ukhtomskiy, Nicholas II, conservatism, autocracy, Revolution of 1905–1907, ethnic issue.

Политические взгляды известного публициста, идеолога «восточничества», приближенного к Николаю II в первые годы его правления, князя Э. Э. Ухтомского подробно не рассматриваются исследователями, поэтому в исторической литературе имеются разные оценки его взглядов – от либеральных до консервативных. Как правило, историки, особенно изучающие «восточнические» взгляды Ухтомского, отмечают консервативность его взглядов¹. По мнению Д. Схиммельпеннинка, Ухтомский не был демократом и активно защищал монархию на протяжении всей своей карьеры². Однако, например, критика Ухтомским многих сторон российской государственности и призывы к реформам, за которые последовало административное наказание газеты, позволили историку Г. А. Леонову говорить о «либеральных настроениях редактора»³. А по мнению В. В. Перхина, на направление «Санкт-Петербургских ведомостей» под редакторством Ухтомского оказали влияние Б. Н. Чичерин и его идея «политической

свободы», а идеалом правового государства для газеты была конституционная монархия, что проявилось только после 1905 года⁴. В связи с этим для понимания политических приоритетов Ухтомского необходимо остановиться не только на внешнем проявлении его позиции, но и на основных ценностях, лежавших в основе его убеждений. Отношение Ухтомского к государству и общественно-политической жизни страны нашло отражение как в его публицистической и редакторской деятельности, так и в письмах, адресованных императору и многим другим современникам.

С одной стороны, Ухтомский предстает как последовательный консерватор. Публикации в газете «Гражданин», принадлежавшей ультраконсерватору В. П. Мещерскому, позволили хозяину газеты говорить об Ухтомском, что он «не только силен в главных основах, но и в оттенках представляет собою носителя убеждений прошлого царствования, всецело принадлежащих нынешнему, и вряд ли на какие-нибудь компромиссы с иными образами мысли пойдет»⁵. Подобное высказывание ставит Ухтомского в один ряд с такими реакционерами, каким был сам Мещерский. Ухтомский негативно относился к разным попыткам изменения государственного устройства. Еще в конце 1895 г. он в письме к императору отрицательно отзывался о нежелательных веяниях во внутренней жизни, о том, что «наша провинция вновь дает болтать антимонархически настроенным людям»⁶. Ценность и важность самодержавия также последовательно отстаивались в трехтомном издании, описывающем путешествие наследника цесаревича Николая Александровича на Восток в 1890–1891 годы. По мнению Ухтомского, именно самодержавие спасало Россию от давления Европы, которой «шутя удалось бы расчленить и осилить нас, как это ей удалось относительно испытавших горькую участь западных славян»⁷. Оно также призвано было обеспечить авторитет России на Востоке и способствовать расширению ее влияния в Азии. Самодержавие и религиозное почитание царя, несущие в себе не только политический, но и духовный смысл, представлялись ему источником глубинного родства, ключевым фактором, который и обеспечивал авторитет России в глазах восточных народов: «Без него Азия не способна искренне полюбить Россию и безболезненно ото-

ждесться с нею»⁸. К тому же именно благодаря Азии «русское мировоззрение выработало образ Христианского Самодержца...»⁹.

Однако, с другой стороны, консервативные убеждения Ухтомского не сводились только к простому восхвалению и идеализации самодержавия и стремлению сохранить существующий порядок. Наиболее полно его взгляды на государственное устройство нашли отражение на страницах издаваемой им с 1896 г. газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В редакционной статье первого номера за 1896 г. Ухтомский попытался представить свое понимание традиционных духовных и нравственных основ российской государственности. От лица редакции газеты он заявлял о своей вере «во всемирно-историческое призвание России явить человечеству пример христианского государства, в котором преподанные Христом заветы Правды и Любви были бы не только внешне признаны, но и внутренне осуществлены»¹⁰. По мнению Ухтомского, только при стремлении к религиозно-нравственной цели, при непременном «искании царства Божия» «России “приложится все остальное”, т. е. материальное благосостояние, внутренняя сила и внешнее величие»¹¹. Сохранение государственных и церковных традиций, по мнению Ухтомского, обеспечивает России ее положение как великой державы, стоящей в одном ряду с европейскими государствами, а «изменившая этим основам Россия – не более как названная, запоздалая и <...> ненужная гостья в семье европейских народов»¹². Для него распространение и развитие духовно-нравственного просвещения в России и связанных с ним вопросов о Церкви, духовенстве, народном образовании имело большее значение, чем политические, экономические и административные вопросы¹³. На русском самодержавии, по мнению Ухтомского, лежит «святая и великая» обязанность, «распространяя в обществе, и в особенности в народе, истинное просвещение, ревниво оберегать их от обучения развращающего и от одностороннего знания, не уравновешенного верою и нравственностью»¹⁴.

В позиции Ухтомского отчетливо проявляется антиевропейская направленность. Перенимание западных ценностей привело к тому, что в российском обществе перестали понимать истинный смысл таких слов, как Церковь, Престол, благое просвещение, добрые обычаи, добрые нравы, «отвыкли от разумно-сознательного их произнесения, низвели их значение до формул устаревших прописей, условного языка официальных бумаг»¹⁵.

Практически сразу после начала издания газеты и освещения острых вопросов общественной жизни Ухтомский столкнулся с критикой со стороны более консервативных кругов. Редакция обвинялась ими в «расшатывании государственных основ», «разжигании политических страстей и пламени», «предательстве и измене»¹⁶. Сам же Ухтомский так отзывался об этом: «Стоячее болото нашей общественной мысли всколыхну-

лось: стоило нескольким лучам истины коснуться его заплесневелой поверхности, и все, что копошилось под нею – все, что питалось тиной, потревоженное в своем маленьком тусклом мире, тревожно ищет выхода из непривычного состояния <...> Отстаивая свое полусознательное самодовольное бытие, эти элементы плесени и мрака с откровенным испугом заявляют, что распространяющийся свет (свет совести и правды) грозит какою-то опасностью их сонному царству, нарушает какие-то вечные законы естества, вызывает движение там, где чуялся простор одному медленному тлению»¹⁷.

Центральное место в позиции газеты занял национально-религиозный вопрос, разрешение которого также строилось на нравственных принципах и идеях веротерпимости. Еще до начала издательской деятельности в докладной записке после поездки в Бурятию в 1886 г., опубликованной в 1892 г. под названием «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье», Ухтомский подчеркивал, что для успеха в христианизации инородцев необходим строгий подбор нравственных и убежденных миссионеров¹⁸. Ухтомский, не отказываясь от политики русификации окраин, настаивал на отказе от насильственных действий – и прежде всего насильственного обращения в христианство. По его мнению, только через убеждения и нравственную авторитетность можно привлечь на свою сторону инородцев.

После публикаций в «Санкт-Петербургских ведомостях» статей в защиту притесняемых представителей других национальностей, особенно на западных окраинах Российской империи, в периодических изданиях разгорелись споры и дискуссии, не прекращавшиеся в течение нескольких лет. Особенно бурная полемика развернулась с газетой «Свет», издаваемой российским журналистом и общественным деятелем В. В. Комаровым, который в 1877–1883 гг. был редактором «Санкт-Петербургских ведомостей». Близкий друг Ухтомского С. М. Волконский отмечал, что его газета была единственной касавшейся «вопросов инославия и иноверчества в тех пределах безбоязненности, которые вообще были допустимы по тогдашним цензурным условиям»¹⁹.

Однако конфликты у «Санкт-Петербургских ведомостей» в связи с публикуемыми материалами порождали не только полемику в прессе, но и недовольство чиновников и административные санкции. Ухтомский последовательно старался отстаивать свои убеждения и в письме министру народного просвещения графу И. Д. Делянову 18 сентября 1897 г. подчеркивал: «... я исключительно в силу необходимости и от полноты убеждений считал и считаю себя призванным действовать и писать во имя заветных для меня начал»²⁰. В 1898 г. на два месяца была запрещена розничная продажа «Санкт-Петербургских ведомостей» за статью о реформе церковного управления. Главным управлением по делам печати было сделано

предостережение. Было отмечено оппозиционное положение газеты и то, что редактор находится под влиянием «либеральных доктринеров»²¹. В октябре 1899 г. была приостановлена розничная продажа за статью «У боснийских студентов».

Постепенно отношение Ухтомского к современной ему действительности в России становилось все более критичным. Как сообщает А. В. Богданович, супруга генерала Е. В. Богдановича, в дневниковой записи от 1 июня 1900 г., Ухтомский был «того взгляда, что Россия расширяется по всем швам»²². При этом Ухтомский отмечал, что император уже не прислушивался к его мнению: «... при разговоре с царем о вел. князьях и людях, которым он доверяет, если говорится о негодности этих людей, лицо царя делается каменным, он упорно смотрит в окно и прекращает аудиенцию»²³. Ухтомский негативно отзывался о деятельности министров внутренних дел И. Л. Горемыкина, Д. С. Сипягина, В. К. Плеве. В течение 1903 г. газете было дано два предостережения и два раза приостановлена была ее розничная продажа, причем на беспримерно долгий срок – более шести месяцев²⁴.

Видный юрист, публицист и общественный деятель, почетный академик Петербургской академии наук К. К. Арсеньев отмечал, что «примером недоразумений, неизбежных при действии системы дискреционных административных взысканий, может служить история “С.-Петербургских ведомостей”». Несмотря на консервативные убеждения Ухтомского, «газета не только почти непрерывно навлекала на себя нарекания реакционной прессы, но и неоднократно подвергалась административным карам <...> О вредном направлении “С.-Петербургских ведомостей” вообще не может быть и речи, а между тем по отношению к ним принимаются меры, предназначавшиеся первоначально лишь для борьбы с вредными направлениями»²⁵.

После начала революции в 1905 г. Ухтомский призывал к патриотическому долгу и единству противостоящих сил²⁶. Обращаясь к причинам трагических событий, князь писал об ультранационализме, о переоценке своих сил и идеализации ситуации, отсутствии какого-либо сомнения в «отрицательных и скорбных сторонах», которые «таит наша повседневная действительность». В результате «в фимиаме сладких снов и парадоксальных суждений жизненная правда тонула и испарялась бесследно для тех, кому видать надлежит»²⁷. Ухтомский тяжело переживал «черные» дни революции, противостояние в обществе и крушение прежнего порядка, поэтому манифест 17 октября 1905 г., который хоть и расходился по своему содержанию с взглядами князя, был им встречен с надеждой на умиротворение и развитие России, которая «в ореоле данных ей свобод таит в себе залог лучезарного будущего»²⁸.

Также с надеждой на сплочение общества и возрождение России Ухтомский встречал начало

работы Государственной думы: «От благоразумия и такта элементов оппозиции зависит, чтобы страна не впала в хаос анархии и репрессий, чтобы солнце добра и правды взошло, наконец, над пострадавшей страной»²⁹. Однако ожиданиям князя не суждено было сбыться. Депутаты оказались «разбойниками, лишь по недоразумению облеченными высоким званием депутатов», а «обесславленная и хиреющая Россия руками ее собственных сыновей-убийц влечется к новым мукам и гибели...»³⁰. Поэтому Ухтомский с меньшими надеждами встретил роспуск Думы и изменение положения о выборах 3 июня 1907 года. В «Санкт-Петербургских ведомостях» снова превозносится образ Державного Вождя, звучит призыв к раздираемой «кровавыми ужасами стране, к потерявшему в значительной мере старый государственный разум русскому народу очнуться от “освободительного” кошмара»³¹. Под влиянием «ужасов смуты и крушения старого»³² стал усиливаться консерватизм газеты и позиции Ухтомского, а после падения самодержавия князь ушел с занимаемой им должности редактора «Санкт-Петербургских ведомостей».

Таким образом, князь Ухтомский на протяжении своей жизни сохранял верность идее самодержавия, однако при этом осознавал необходимость его обновления и выступал с умеренной критикой неприемлемых для него сторон общественной и государственной жизни. В связи с этим взгляды Ухтомского часто сближались с либеральными идеями, но расходились с ними по своей сути. Стремление к реформам было основано не на западных либеральных идеалах, которые подвергались Ухтомским критике, а на важных, по его мнению, русских традициях, прежде всего духовности и нравственности, истоки которых, как он считал, находятся в периоде Древнерусского государства. Под влиянием революционных событий и раскола общества он ради спасения России и восстановления единства в обществе готов был признать либеральные по форме нововведения в государственном устройстве, но при этом важность монархии и ценность традиции для него оставались неизменными. В целом Ухтомского по политическим убеждениям можно отнести к сторонникам «просвещенного» консерватизма, думающим о развитии страны и необходимом изменении жизни при сохранении или возрождении лучших ее традиций, а не о полном закреплении существовавшего положения в государстве и обществе.

Примечания

- 1 См.: Репников А. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007 С. 46.
- 2 См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. На встречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 91.

- ³ *Леонов Г. А. Э. Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 107.*
- ⁴ См.: *Перхин В. В. Э. Э. Ухтомский – редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в письмах (1897–1919) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 5. С. 59.*
- ⁵ [*Мещерский В. П.*] Дневник. Понедельник, 23 октября // *Гражданин. 1895. 24 октября. № 293. С. 3.*
- ⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 34 об.
- ⁷ *Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 : в 3 т. Лейпциг, 1897. Т. III, ч. 5. С. 33.*
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 32; [*Ухтомский Э.*] О Белом Царе // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 4(16) июня. № 151.*
- ¹⁰ [*Ухтомский Э.*] С.-Петербург, 1 января 1896 г. // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 1(13) янв. № 1. С. 1.*
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ [*Ухтомский Э.*] С.-Петербург, 9 июля. 1896 г. // *Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 10(22) июля. № 187. С. 1.*
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Ухтомский Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 48.*
- ¹⁹ *Волконский С. М. Мои воспоминания : в 3 т. Берлин, 1923. Т. 3. С. 66.*
- ²⁰ РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 188. Л. 1–1 об.
- ²¹ *Шерих Д. Визитная карточка Петербурга. Жизнь от Петра до Путина в зеркале «Санкт-Петербургских ведомостей». М., 2009. С. 177.*
- ²² *Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 253–254.*
- ²³ Там же. С. 254.
- ²⁴ См.: *Леонов Г. А. Указ. соч. С. 107.*
- ²⁵ Цит. по: *Шерих Д. Указ. соч. С. 179.*
- ²⁶ См.: *Официальный отдел // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 15(28) янв. № 7. С. 1.*
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ [*Ухтомский Э.*] Суббота, 22 августа: Манифест 17 октября // *Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 октября (4 ноября). № 245. С. 1.*
- ²⁹ [*Ухтомский Э.*] Четверг, 27 апреля. Лицом к лицу // *Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 27 апр. (10 мая) № 92. С. 2.*
- ³⁰ *Неизбежная развязка // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 2(15) июня. № 121. С. 1.*
- ³¹ *Занавес опустился // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 5(18) июня. № 123. С. 3.*
- ³² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 76.

УДК 94(47).083+929 Распутин

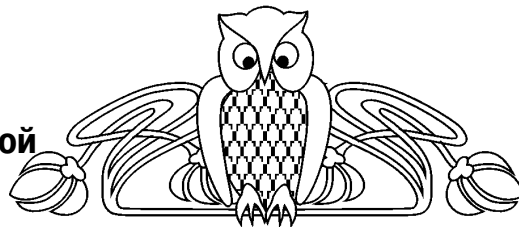
Г. Е. РАСПУТИН И «РАСПУТИНИАДА» В СУДЬБЕ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка определения роли и степени влияния Г. Е. Распутина на внутреннюю и внешнюю политику последнего русского императора. Основное внимание уделено исследованию материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, занимавшейся «обследованием деятельности темных сил». Автор приходит к выводу, что результатом политико-криминальных походов Распутина при царском дворе явились дискредитация царской семьи и разрушение сакральности русской монархии.

Ключевые слова: Распутин, «темные силы», монархия, Николай II, Александра Федоровна, Чрезвычайная следственная комиссия.

**G. E. Rasputin and «Rasputiniada» in Russia's Destiny
Early XX Century (According to the Extraordinary
Commission of Inquiry of Provisional Government)**

Yu. V. Varfolomeev

The article attempts to define the role and impact of GE Rasputin on domestic and foreign policies of the last Russian emperor. Emphasis is placed on the study materials of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government, engaged «survey of the dark forces». The author concludes that the result of political and criminal adventures of Rasputin at the royal court was to discredit the royal family and the destruction of the sacredness of the Russian monarchy.

Key words: Rasputin, «dark forces», monarchy, Nicholas II, Extraordinary Commission of Inquiry.

Центральной фигурой в ходе «обследования деятельности темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства стала, безусловно, личность самого Григория Распутина – лидера и вдохновителя этого «подводного течения» самодержавной власти. «Для России Распутин стал символом камарильи так же, как и падения престижа династии, полного и окончательного разрыва между властью и обществом к концу 1916 – началу 1917 г.»¹, – верно отмечает И. В. Алексеева. Распутин справедливо считается ярчайшим олицетворением «темных сил», но вопрос о его реальном влиянии на государственные дела остается дискуссионным: диапазон мнений – от признания за ним полного господства в политике (М. Н. Покровский, В. П. Семенников) до отрицания его влияния на курс власти вообще.

С другой стороны, Г. З. Иоффе, например, считает, что «Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельствующих о том, что он пытался играть ее»², и сводит его роль к тому, что Распутин «улавливал черносотенные склонности и желания “царствующих особ” и довольно тонко подыгрывал им». По мнению Иоффе, Распутин «был скорее проводником определенных влияний на “носителей власти”, но характер и размер этих влияний ни в коем случае не следует доводить до общегосударственных масштабов»³. В то же время, думается, объективная и верная оценка роли Распутина находится между двумя этими полюсами.

«О Распутине так много написано, что нет надобности характеризовать его еще раз, – считал А. Я. Аврех, – важнее точно установить характер, методы и размеры его влияния на царскую чету»⁴. Установлению характера, методов и размеров влияния Г. Е. Распутина на царскую чету и в целом на внутреннюю и внешнюю политику России как раз и была посвящена работа одной из следственных частей Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Расследование политико-криминальной деятельности предводителя «темных» сил Г. Е. Распутина было возложено на следственную часть под весьма символическим номером 13⁵. В этой же следственной части нашло свое продолжение расследование похождениям «святого черта» и в рамках секретного дела Тобольской духовной консистории «О крестьянине Гр. Распутине-Новом»⁶. При производстве следственных действий особое внимание было обращено на личность и характер деятельности Г. Е. Распутина при царском дворе, а также на степень его тлетворного влияния на августейших особ. Комиссией была проделана грандиозная работа по сбору различных материалов о «святом черте». Только одна служебная документация по этому делу составила 88 листов!

По материалам расследования бывший прокурор Харьковской судебной палаты следователь Ф. П. Симсон подготовил сводку о распутинщи-

не. Этот документ состоит из семи разделов. В первом из них излагается биография Распутина до того времени, как он приехал в Петербург и был введен в ближний круг царского двора. Следующий раздел показывает, как складывался «распутинский кружок» в Петербурге и кто в него входил. В третьем разделе, названном Симсоном «Последние носители царской власти», обобщены обширные фактические материалы о последних Романовых. Четвертый и пятый разделы, названные «Безответственные влияния» и «Влияние безответственных сил на верховное управление», содержат подробную характеристику деятельности авантюристов и проходимцев, группировавшихся вокруг Распутина и использовавших его в своих интересах. Здесь приведены многочисленные данные, свидетельствующие о том, что Распутин систематически вмешивался в дела, связанные с управлением империей, фактически смещал и назначал не только министров, но и председателей совета министров. В шестом разделе собраны материалы о влиянии «безответственных сил» на вопросы церковного управления. Они убедительно показывают разложение верхушки православной церкви накануне 1917 года. Седьмой раздел документа посвящен отношению к «безответственным силам» широких общественных кругов. В этом разделе содержится доклад члена Государственной думы, члена ЦК партии кадетов присяжного поверенного В. А. Маклакова о распутинщине, сделанный им в конце 1916 года. Заключительная часть сводки дает краткую юридическую оценку материалов.

Постепенный политический закат, а затем и смерть П. А. Столыпина вызвали оживление деятельности «темных» сил. В постстольпинскую эпоху возшла звезда самого беспринципного и «фартового» из них – Г. Е. Распутина. Лидер кадетов П. Н. Милюков обратил внимание на то, что «связка» царского двора и лидера «темных» сил Распутина произошла примерно в 1908–1909 гг. «Распутин, конечно, не первая фигура этого рода, только наиболее яркая, – считал Милюков. – Сам по себе Распутин не типичная темная политическая сила. Им начинают пользоваться, когда он акклиматизируется, когда пускает корни. Типичная форма этих темных сил скорее организация большой шайки для извлечения денег всеми способами. Чем дальше, тем больше эта компания: Распутин, Андроников и можно назвать еще несколько имен, они систематически организуют такое сообщество для извлечения денег от клиентов, которые не могут провести своих дел законным путем. Тут создается организация освобождения от воинской повинности, довольно значительные темные дела, протекция назначения на должности, не только на должности министров, но иногда на очень мелкие должности. Сам Распутин стоит в центре просто потому, что он передаточный механизм; он та пружина, которая направляет все эти ходатайства на усмотрение. Даже трудно сказать,

чтобы он всегда пользовался результатами. Тут прямо какая-то смесь денежного интереса и готовности услужить. Вообще, политическая сторона выплывает только по временам. Несомненно, что Распутин с самого начала играет некоторую политическую роль»⁷.

«Сибирский Зарагуэстра», как его называет Г. З. Иоффе, вполне мог показаться правым силам тем человеком, который был способен во времена смуты укрепить дух царя и царицы, поддержать их в упрочении исконных основ русской государственности. Французский посол М. Палелог, хорошо информированный о том, что происходило в российских «верхах», записал в своем дневнике слова Феофана, убеждавшего царскую чету познакомиться с Распутиным. «Григорий Ефимович, – говорил он, – крестьянин, простой человек. Вашим Величеством принесет пользу его выслушать, потому что голос русской земли слышится из его уст...»⁸. Это значило, что Распутину отводилась роль некоего рупора русской земли, голоса простого русского народа, свободного от «западной порчи», коснувшейся столичного общества. Он, видимо, должен был укреплять колеблющегося царя в стремлении следовать во внутренней политике курсом, определяемым исторической традицией, русскими «национальными началами». Так безответственные и «темные» силы вводили Распутину в среду идеологической и политической борьбы.

Появление псевдорелигиозного проходимца при царском дворе было следствием, в первую очередь, семейных проблем Николая II, а именно рождения в июле 1904 г. долгожданного наследника Алексея, больного гемофилией. Бессилие медицины и отчаяние родителей сразу открыли путь в царскую семью тем, кто мог их утешить и тем более облегчить страдания ребенка. Таким человеком оказался «старец Григорий». В царской семье он впервые появился в ноябре 1905 года. С этого момента Распутин крепко держал в поле своего влияния растерянно мнительных и склонных к мистицизму супругов угрозой не только смерти их сына, но и гибели всей царской фамилии, ловко эксплуатируя этот страх. Его ненавязчивый шантаж был гениально прост: «Наследник жив, покуда жив я». А позднее шарлатан предусмотрительно расширил и эту парадигму: «Моя смерть будет вашей смертью»⁹. Его демоническое влияние было настолько сильным, что и приближенные императора прониклись этой идеей. Так, 17 декабря 1916 г., после убийства Распутина, министр внутренних дел Н. А. Маклаков писал царю: «Россия останется – как купол без креста», угроза династии...»¹⁰. Эти слова, свидетельствовавшие о подавленном настроении любимца царя, отметил редактор стенографических отчетов А. А. Блок.

«Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина, – писал следователь В. М. Руднев, – послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за

ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двойное: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев»¹¹. Журнал наблюдений за предводителем «темных сил» велся полицией с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки «объекта» хотя бы на два-три часа, причем обозначались как время выездов и возвращений, так и все встречи «старца» по пути его следования. Внутренняя агентура фиксировала всех посетителей квартиры на Гороховой, 64, и все они аккуратно вносились в журнал. При этом если фамилии некоторых из гостей Распутина не были известны филерам, то в этих случаях они подробно описывали их приметы¹².

Следователь Руднев, внимательно изучив эти журналы, допросив ряд свидетелей, фамилии которых в них упоминались, и сопоставив эти показания, пришел к выводу, что «личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об том говорили и писали»¹³. Исследуя нравственный облик Распутина, он обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые, в конце концов, открыли уникальному авантюристу доступ ко двору. Следователь детально и документально проследил этапы «восхождения» Распутина к власти над властью, роковую роль проходимца в судьбе его недавних покровителей архиепископов Феофана и Гермогена и, наконец, апогей «распутинщины» вблизи трона, когда «у него пробуждаются заглохшие низкие инстинкты и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких Особ к его святости»¹⁴. Материалы расследования, пожалуй, впервые позволили официально заявить о том, что, как отмечал следователь Руднев, «Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза <...> при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличием необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний – всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом»¹⁵.

Следствием были собраны многочисленные материалы относительно просьб, проводимых Распутиным при дворе. Все они касались, как правило, высоких назначений, перемещений, помилований, пожалований, а также бизнеса – проведения железнодорожных концессий и т. п. Правда, основываясь на этих событиях, В. М. Руднев сделал позднее несколько нелогичный вывод о том, что «решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было велико»¹⁶. Как раз

напротив, эти факты неумолимо свидетельствовали о сильном, хотя и опосредованном влиянии Распутина на различные сферы экономики и политики страны в последнее десятилетие самодержавия. «Весь характер назначений последних лет это, несомненно, уже результат попытки взять политику в руки лично доверенных лиц, исключая, вообще, даже политические стремления, а просто вследствие постепенно растущего чувства небезопасности и потребности некоторой самообороны, – разъяснял распутинскую кадровую политику П. Н. Милюков. – Чем дальше, тем больше употребление такого рискованного средства политического изолирует тех, кто его употребляет. Мы видели это к концу прошлого года совершенно ясно, когда даже ближайшие родственники отказались от поддержки, от солидарности на этой почве. С Распутиным и с теми, которые его употребляли. На этой почве создавались очень определенные семейные столкновения потому, что чувство опасности росло ведь и в среде этих родственников. По мере того как Государственная Дума чувствовала, что она вовлекается в конфликт, по мере того как разворачивались общественные силы, это создавало совершенно определенное сознание династической опасности, не только личной»¹⁷.

Главной опасностью для Николая II и его семьи, а на самом деле для себя лично, Распутин считал родственников царя и Думу, испытывая при этом особую ненависть к А. И. Гучкову – по-видимому, за его антираспутинскую кампанию в прессе в 1912 году. Не очень понимая природу и статус Думы, «святой черт» опасался ее преимущественно потому, что именно из ее стен выходили главные разоблачения против него. «Наружу мы сами вывели Распутина, когда Государственная Дума впервые о нем заговорила, – подтверждал опасения Распутина П. Н. Милюков. – Тогда это был первый скандал, который был публично устроен. В руки Родзянки попали некоторые документы, которые он передал царю. Это первый случай раскрытия отношений Распутина к царской семье. Затем речи в Государственной Думе о нем, в результате его удаление временное из Петрограда и довольно скорое потом возвращение. Все это находится на границе политики и личных фамильных дрызг. Но в позднейшее время это, несомненно, опять приближается к сфере политической»¹⁸.

Предложения Распутина относительно Государственной думы были крайне противоречивы: он одновременно предлагал Николаю II и распустить Думу, и посетить ее. Царское посещение Таврического дворца 9 февраля 1916 г. многие исследователи приписывают влиянию Распутина. На самом деле за несколько дней до визита царя к нему с такой же идеей обратился А. А. Клопов¹⁹. Поскольку Николай II видел в Клопове своеобразный индикатор общественного мнения, можно предположить, что идея Распутина в данном слу-

чае совпала с точкой зрения самодержца провести диалог с обществом.

В январе 1916 г. ставленник Распутина митрополит Питирим, очевидно, с ведома «святого черта», предпринял попытку «помириться» с Думой. В беседе с Питиримом председатель Думы М. В. Родзянко предложил ему самый простой и верный путь для достижения этого: «Соберитесь три митрополита, поезжайте к государю императору и представьте ему всю мерзость Распутина, все негодование народное и потребуйте ультиматума: или Распутин чтобы был удален, или вы его предаете анафеме от церкви. Вот тогда мы будем самые лучшие друзья». Услышав такой ответ, а по сути, ультиматум здоровых сил общества, архиерей опустил голову в клобуке и безнадежно промолвил: «... видно я от вас ничего не добыю»²⁰.

Вообще со стороны правительства существовал своеобразный негласный запрет депутатам произносить речи о Г. Е. Распутине. Председатель Думы Родзянко сообщил следствию, что глава правительства Б. В. Штюрмер наставлял его следующим образом: «Вы можете критиковать, сколько хотите; но я вас предупреждаю, что разговоры о Распутине могут вызвать для вас нежелательные последствия». В ответ Родзянко не удержался от восклицания: «Отчего же вы его защищаете? Это негодяй первостатейный, которого повесить мало». Но Штюрмер стоял на своем: «Это – желание свыше». Тогда почти в отчаянии председатель Думы выразил мнение большинства: «Распутин бог знает что делает. Катается пьяный по улицам; протоколы составляются в Москве и Петрограде. Как не предупредить? Какой же вы после этого монархист, вы, напротив, самый ярый республиканец, который путем поблажек колеблет монархическую идею»²¹.

Показательным примером, иллюстрирующим столкновение вокруг Распутина «желания свыше» (верховой власти) и мнения депутатов (общества), стал эпизод с так называемым распутинским докладом. В начале 1913 г. М. В. Родзянко через генерал-адъютанта Дедюлина получил указание от императора взять доклад из Святейшего синода, ознакомиться с ним, рассмотреть его и доложить свое мнение о Распутине. Получив это распоряжение, Родзянко попросил товарища обер-прокурора Доманского привезти это дело. Доманский привез документы, но на другой день снова приехал к Родзянко и попросил вернуть ему секретное дело Распутина. Председатель Думы готов был исполнить его просьбу, но только при наличии на это «Высочайшего повеления». Такой санкции у Доманского не оказалось, однако он упорно твердил, что эта просьба исходит от «очень высокопоставленного лица». После долгих препирательств Доманский все-таки вынужден был назвать это «очень высокопоставленное лицо» – «государыню императрицу». Родзянко не стусевался при подобном повороте событий и заявил визитеру: «Передайте императрице, что

она такая же подданная государя, своего супруга, как я, и должна подчиняться. Она может только повлиять и получить отмену; тогда и я подчинюсь, а теперь мне нет дела до ее желания». Ошарашенный чиновник испуганно вымолвил: «Вы знаете, на кого вы посягаете?». На что Родзянко уверенно заявил: «Я посягаю на Распутина. Если императрица заступается, это ее дело, и меня это не касается»²². Но Доманский не успокоился и, продолжая давление на Родзянко, привез с собой для поддержки законоучителя царских детей протоиерея А. Васильева, который также попытался убедить председателя Думы отдать крамольное дело о похождениях «святого черта», ссылаясь на то, «какой прекрасный человек Распутин». Здесь Родзянко уже не выдержал и, разозлившись (хотя по натуре он был довольно сдержанный человек, скорее добродушный), вспылил на ходатаев в рясах: «Как, вы сюда, в Государственную Думу, приехали хвалить Распутина, негодяя, развратника, хлыста! Вон из моего кабинета!»²³.

Огромных усилий стоило председателю Думы отстоять это дело и заняться его изучением. При этом М. В. Родзянко, умудренный опытом, поручил нескольким переписчицам снять с этого непростого ажиотажного дела несколько копий «на всякий случай», потому что иначе, если его все-таки отнимут, то «у меня не будет материала, – рассуждал он, – и всякий бы меня назвал глупцом, если бы я это упустил. Однако больше ко мне не приставали. Я закончил обследование дела, написал доклад и потребовал аудиенции»²⁴. Очевидно, «нелюбезность» Родзянко, если не сказать больше, по отношению к Доманскому и Васильеву, так как он пренебрег указанием свыше, вызвала гнев императрицы, и в этом он очень скоро смог убедиться.

После того как Родзянко подготовил доклад по материалам проверки, он известил об этом императора и попросил высочайшей аудиенции, чтобы лично доложить о результатах расследования распутинского дела. Как правило, председатель Думы получал ответ от императора на второй день, но здесь прошел день, другой, третий, а ответа от Николая II так и не было! В это время до Родзянко дошла неофициальная информация от знакомого флигель-адъютанта о том, что его «не примут». Такая новость крайне его расстроила. «Когда председатель Думы докладывал о запросе в Думе, докладывал резко и с кучей документов (между прочим, там такая подробность была: фотография Распутина, в монашеском клобуке и с наперсным крестом, и я это ему показывал), без всякой моей просьбы получается высочайшее повеление сделать дознание по секретному делу, – возмущался он, – а когда я готов, меня не хотят принять»²⁵.

Пытаясь найти поддержку, Родзянко едет к премьер-министру В. Н. Коковцову, известному своим благожелательным отношением к Думе, но и тот подтверждает неутешительное известие:

«Я слышал, что Вас не примут». Более того, явившийся в это время курьер от императора доставил Коковцову пакет с письмом Родзянко, на котором Николай II поставил резкую резолюцию: «Прошу председателя совета министров сообщить председателю Государственной Думы, что он принят не будет. Считаю необходимым обратить внимание ваше на то, что подобные выходы, которые имели место в Государственной Думе, терпимы быть не могли, и прошу вас войти в соглашение с председателем Государственной Думы и выработать меры к их пресечению»²⁶.

Пораженный подобной формой доведения высочайшего решения до председателя Государственной думы (не напрямую, как принято, а через правительство) и негативной реакцией самодержца, Родзянко решил, что если он не добьется у Николая II аудиенции, то выйдет в отставку «с изложением причин», побудивших его к этому. Успокаивая председателя Думы, Коковцов посоветовал ему телеграфировать в Царское Село и доложить императору о том, что он желает получить ответ с объяснением всех причин данного дела. На другой день Родзянко получил от императора письмо, в котором тот приносил свои извинения, что не мог его принять лично, так как был очень занят, и просил прислать ему письменный доклад. Родзянко так и поступил и одновременно попросил Коковцова, отправившегося к царю в Ялту, проследить судьбу его многострадального доклада. Когда Коковцов вернулся, Родзянко первым делом поинтересовался, где доклад. Глава правительства вынужден был его разочаровать: по словам камердинера царя, «его величество, кроме ялтинского листка, ничего не читает, что от председателя Государственной Думы толстый пакет две недели лежит, и он его не трогает». И тот же камердинер с отчаянием обратился к главе правительства: «Что вы к нам так редко ездите? Его все обманывают, никто правды не говорит, приезжайте почаще»²⁷. О том, что «его все обманывают, никто правды не говорит», Николай II, в отличие от своего камердинера, узнал слишком поздно – в феврале 1917 года.

Таким образом, все перипетии, связанные с «распутинским» докладом М. В. Родзянко и «ступором» Николая II после его прочтения, однозначно указывают на то, что давление Александры Федоровны на венценосного супруга с целью защитить Распутина было настолько мощным, что в результате император был не в состоянии ни только принять какое-либо решение в связи с похождениями «святого черта», но и даже выразить по этому поводу свое мнение. По свидетельству современников, и в частности из воспоминаний А. Д. Самарина, видно, что присутствие Распутина и его похождения тяготили и компрометировали царя²⁸. С. С. Ольденбург провел интересный анализ: он взял все советы «старца», содержащиеся в письмах императрицы Николаю II, и проследил их движение. Оказалось, что ни один

совет «старца» императором не был выполнен²⁹. Но Распутин, тем не менее, влиял на внутреннюю и внешнюю политику страны опосредствованно – через назначение на высокие государственные должности. А. Н. Боханов выявил, в частности, 11 лиц, так или иначе обязанных своей карьерой Распутину³⁰. Это А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов, Б. В. Штюмер и др.

Судя по всему, самодержец находился в безвыходном положении и не в состоянии был решить наболевший вопрос с придворным «старцем». В нападениях на Распутина он, скорее, видел вмешательство в свою личную жизнь и не хотел огорчать жену, так горячо уверовавшую в «старца». В декабре 1916 г., накануне убийства Григория Распутина, все возможные варианты и силы для выхода из этого кризиса при дворе, по свидетельству П. Н. Миллюкова, считались «... уже окончательно исчерпанными, и родственники государя признавали, что дело совершенно безнадежное. Надо сказать, что таковы же последние впечатления у всех, кто его видел. Он (Николай II. – Ю. В.) производил впечатление человека задерганного, который перестал понимать, что нужно делать, чтобы найти выход из положения. Более конкретно мне трудно изложить эту тему влияния этих темных сил»³¹.

Малограмотный Распутин плохо разбирался в политике и объективно не мог проводить какого-либо самостоятельного политического курса, однако это не означает, что он совсем не имел политических взглядов и суждений. Он был заинтересован в сохранении своего положения интимного друга царской семьи, а значит, вполне осознавал необходимость сохранения status quo, стабильности режима и династии. Эти обстоятельства и предопределили подход предводителя «темных» сил к государственным делам. В этом, собственно, и заключалась его «политика», суть которой очень точно передала З. Гиппиус: «Чтобы жить мне привольно, ну и конечно, в почете; чтобы никто не мог мне препятствовать, а чтобы что я захожу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя»³². Трагедия русской монархии состояла в том, что кликушествовавший проходимец с такой «политикой» сумел добраться до трона, а «темные» и безответственные силы, которые его окружали, превратили Распутина в «детонатор» той политической «бомбы», взрыв которой в феврале 1917 г. подорвал устои русской монархии.

Несмотря на свою малограмотность, Распутин был далеко не глупым человеком и отличался мужицкой хитростью, находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться. Что касается его внешней грубости и простоты обращения, то они, несомненно, были искусственными, напускными и имели целью подчеркнуть его происхождение «из простого народа». Религиозный жулик-сектант никогда не приобрел бы такого влияния на царскую чету, и прежде всего на Александру Федоровну, если бы

не обладал определенными гипнотическими и экстрасенсорными способностями, а также навыками народного целительства, помогая наследнику бороться с тяжелой болезнью, перед которой оказывалась бессильной официальная медицина. Для убитой горем матери Распутин был спасителем ее сына Алексея, и ради этого она готова была на все.

С 1911 г., после устранения П. А. Столыпина, отмечается несомненное влияние Распутина на назначения министров, а несколько ранее – на определение послушных ему священников на различные церковные должности. До 1915 г. это влияние, вероятно, носило эпизодический характер и состояло в желании не допускать к рычагам управления своих открытых врагов и недоброжелателей.

Таким образом, «Когда оппозиция нащупывала уязвимое место власти, а затем выставляло его на всеобщее обозрение, – приходит к выводу Г. З. Иоффе, – тогда крушение власти становится реальным. Престиж власти начинал шататься, с нее спадали позолоченные одежды (вернее – их сдирали), и перед всеми обнаруживалось, что “король-то голый”. Флобер говорил, что святых нельзя трогать руками. На них, на руках, останется позолота. В России, где в силу долгой исторической традиции царская власть всегда считалась “от Бога”, позолота, осыпавшаяся с монарха на мозолистые руки мужика, приводила к социальному шоку. Политическая, или, хуже того, моральная, нравственная компрометация власти – практически безотказное оружие в руках противостоящих ей сил, способное стать тем детонатором, который “взрывает” общественное спокойствие»³³.

Человек, который сделал для дискредитации царской власти едва ли не больше всех, – это псевдорелигиозный проходимец Григорий Распутин. Результатом его политико-криминальных походов при дворе явилась не только дискредитация самодержца, царской семьи, но и, в конечном итоге, разрушение сакральности царской власти, а это, в свою очередь, стало одной из причин падения русской монархии.

Примечания

- ¹ Алексеева И. В. Дискуссия // Россия и Первая мировая война : материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 242–243.
- ² Иоффе Г. З. «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 103.
- ³ Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 27–30.
- ⁴ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 15.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927. Т. 6. С. 355.

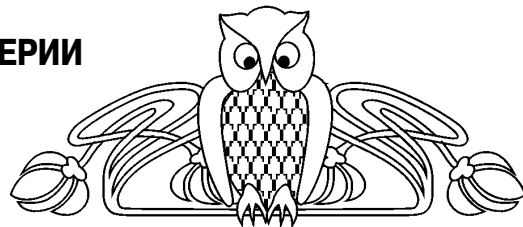
- 8 Палеолог М. Распутин: Воспоминания бывшего французского посла в России. М., 1990. С. 19.
- 9 Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991. С. 77.
- 10 Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 363.
- 11 Руднев В. М. Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 40.
- 12 См.: Распутин в освещении «охранки»: Из дневников наружного наблюдения за его квартирой // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 270–288.
- 13 Руднев В. М. Указ. соч. С. 40.
- 14 Там же. С. 41.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 42.
- 17 Падение царского режима. Т. 6. С. 356–357.
- 18 Там же.
- 19 См.: Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 145.
- 20 Падение царского режима. Т. 7. С. 134–135.
- 21 Там же. С. 157.
- 22 Там же. С. 160.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 161.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 162.
- 27 Там же.
- 28 См.: Самарин А. Д. Поездка в Барановичи // Новый журнал (Нью-Йорк). 1992. Кн. 187. С. 119–122.
- 29 См.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 254.
- 30 См.: Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 186.
- 31 Падение царского режима. Т. 6. С. 357.
- 32 Гиппиус З. Маленький Анин домик // Современные записки. Париж, 1923. Т. 17. С. 240.
- 33 Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 104.

УДК 947+947(093.2)

ПОСЛЕДНИЕ МАСОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С. Е. Киясов

Саратовский государственный университет
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения в России начала XX столетия. Основное внимание сосредоточено на деятельности политического масонства, участниками которого являлись лидеры ведущих парламентских (думских) партий. Автор развенчивает теорию «масонского заговора» и делает вывод о неизбежности поражения отечественных «вольных каменщиков» в борьбе за власть.

Ключевые слова: русское масонство, политическое масонство, масонский заговор, либерально-масонская конспирация.

The Last Masons of the Russian Empire

S. E. Kiyasov

The article studies the topical question of the masonry movement history in Russia at the beginning of the 20th century. It particularly focuses on the activity of the political masonry, which participants were the heads of the leading parliamentary (The State Duma) parties. The author castigates the theory of “the Masonic plot” and makes the conclusion of the inevitable defeat of the Russian “free masons” in their pursuit for power.

Key words: Russian masonry, political masonry, Masonic plot, Liberal Masonic conspiracy.

Тема участия отечественных масонских лож в политических коллизиях начала XX столетия по-прежнему привлекает внимание многочисленных специалистов¹. В наши дни актуальность и востребованность данного сюжета определяется необходимостью завершения научной летописи российского «имперского» масонства.

К началу прошлого века деятельность «вольных каменщиков» на территории православной

империи по-прежнему находилась под строгим запретом². Обходя его, местные приверженцы вселенского братства приобщались к тайнствам духовной работы за границей. Неудивительно, что возрождение отечественного масонства, неизбежное в быстро меняющейся стране, состоялось во Франции. Именно здесь, на территории известной своими либеральными порядками республики, в 1905 г. открыли работу первые российские ложи – «Космос» (структура Великого Востока) и «Гора Синай» (структура Великой ложи)³. Их участники и руководители (М. М. Ковалевский, Н. Н. Баженов, В. А. Маклаков, А. В. Амфитеатров, А. С. Трачевский, Е. В. Аничков, С. А. Котляревский) активно содействовали появлению масонских структур в самой России⁴. Однако в условиях внутривнутриполитического кризиса, подогреваемого военным поражением царизма на Дальнем Востоке, всплеск активности «вольных каменщиков» был незамедлительно «привязан» к теме тайной антироссийской интриги Запада. Протывборство с ней приобрело скандальный характер борьбы с «жидо-масонским» заговором⁵. Столь радикально негативное восприятие деятельности национальных масонских структур требует специальных пояснений.

Можно смело утверждать, что антимасонская истерия – явление для России отнюдь не типичное. Со второй половины XVIII в. масштабы распространения, а также численность отечественных «вольных каменщиков» не уступали европейским стандартам и составляли заметную конкуренцию

странам - «законодательницам» в области масонской моды (Англии, Франции, Пруссии). При этом широкий общественный интерес к масонству в нашей стране ничуть не препятствовал достижению апогея ее континентального величия. Российские масонские ложи, изначально сосредоточившиеся на ниве духовности, благотворительности и просвещения, активно способствовали формированию ростков новой, общеевропейской культуры. К сожалению, трагические события французской революции, напугавшие и перессорившие страны Старого Света, спровоцировали затяжной конфликт масонства с самодержавием. Вначале по воле Екатерины Великой деятельность «вольных каменщиков» в Российской империи была временно приостановлена⁶, а накануне выступления декабристов – полностью запрещена.

Несмотря на гонения, интерес к масонству в России никогда не ослабевал. В первое десятилетие XX столетия в условиях либерализации режима на её территории было создано более двадцати масонских организаций (тамплиеры, розенкрейцеры, мартинисты и др.)⁷. Но возрождение масонского движения в православной державе с неизбежностью пересекалось с политикой. Такому повороту событий способствовал революционный кризис 1905–1907 гг., который, как известно, оживил не только демократические настроения. В этот период Россия пережила первые, но не менее страшные проявления гражданской войны. Всплеск насилия спровоцировал волну великорусского национализма и шовинизма. Многочисленные правозащитные и националистические организации, тайно поощряемые властями, занялись поиском внутренних врагов. Именно на этом мрачном фоне сложился пресловутый миф о «жидо-масонском» заговоре.

Приверженцы теории заговора вдохновлялись «Протоколами сионских мудрецов», в которых раскрывались тайные планы сионизма. Как сообщали «Протоколы», в целях более быстрого достижения мирового господства его лидеры сделали своим послушным орудием масонство. Особую актуальность этим материалам придавали слухи о том, что они якобы похищены у одного из участников Базельского конгресса сионистов, состоявшегося в 1897 году. Позднее их авторство приписывалось духовному вождю евреев-хасидов Ашеру Гинцбергу⁸. Широкую известность в России «Протоколы сионских мудрецов» получили после их публикации С. А. Нилусом (1862–1929)⁹. Многим исследователям этот факт представляется весомым аргументом для определения автора антисемитского апокрифа¹⁰. Между тем С. Нилус стал лишь популяризатором скандального сочинения, истинные творцы которого неизвестны. Тщательная экспертиза «Протоколов» продолжалась в течение нескольких десятилетий. В 1921 г. их подложный характер установил английский журналист Ф. Грейвз. В 1935 г. по решению суда в Берне (Швейцария) текст «документа» был

официально признан фальшивкой. В наши дни «Протоколы» развенчаны и как литературная мистификация¹¹.

Несмотря на сомнительный характер происхождения «Протоколов», в накаленной революционными событиями стране семена антисемитизма и антимасонских настроений упали на благодатную почву. Россию захлестнула волна ненависти к иноверцам. Еврейский погром в Кишиневе, организованный П. А. Крушеваном (1860–1909), унес жизни 45 человек¹². Одновременно в России началась широкая антимасонская издательская кампания. В ее рамках были опубликованы десятки брошюр, в которых «вольные каменщики» объявлялись «врагами рода человеческого», политическими экстремистами и прочно связывались с сионизмом¹³. Впрочем, эти инсинуации не смогли воспрепятствовать восстановлению национального масонства. Не помешали и запретительные императорские указы, поскольку становление конституционно-монархического строя допускало неисполнение целого ряда «устаревших» законов. Новые веяния в общественно-политической жизни России способствовали также установлению и легализации связей отечественных «каменщиков» с французскими масонскими союзами. Это направление их деятельности лишь укрепило позиции «изобличителей» масонского заговора.

Первая «французская» масонская ложа на территории России была создана в Москве 15 ноября 1906 года. Она получила название «Возрождение» и действовала по уставам Великого Востока Франции. Председателем (мастером) ложи был избран известный психиатр Н. Н. Баженов (1857–1923)¹⁴. Вторая подобная ложа – «Полярная звезда» – появилась в декабре 1906 г. в Санкт-Петербурге. Ее возглавил присяжный поверенный Е. И. Кедрин (1851–1921). Посетители масонских собраний принимали активное участие в общественно-политической жизни страны и, как правило, являлись членами Конституционно-демократической партии (кадетами). В состав I Государственной думы было избрано одиннадцать масонов, среди них М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, Е. И. Кедрин, Д. И. Шаховский. «Вольные каменщики» являлись непременными участниками всех последующих парламентских ассамблей царской России. Однако их представительство здесь оставалось по-прежнему малозаметным. Так, в думской ложе 1913 г. (IV Государственная дума) насчитывалось чуть более 20 братьев, то есть менее 5% всего депутатского корпуса. Сам факт участия «вольных каменщиков» в политических баталиях означал, что в период революции 1905–1907 гг. под крылом республиканского Великого Востока Франции состоялось рождение отечественного «политического масонства». Следует отметить, что принципы и задачи новоявленного течения коренным образом противоречили уставам регулярного масонства, провозглашенным в книге «Конституций» Джеймса Андерсона¹⁵. К приме-

ру, заседания российских лож проводились без оформления протоколов. Были также отвергнуты традиционные масонские обряды и церемонии, упрощено использование символики. В российских ложах практиковалось существование всего лишь двух степеней посвящения – ученика и мастера (вместо обязательных по уставу трех – ученика, подмастера, мастера). Новые масоны России не стремились и к созданию инфраструктуры, необходимой для «правильного» выполнения духовной работы «каменщика». Они, к примеру, не имели культовых помещений (храмов), а также обходились без библиотек, музеев и архивов. Как правило, заседания лож проводились на частных квартирах и не были регулярными. В то же время уставные документы ориентировали масонские структуры России на тщательное соблюдение правил конспирации. Таким образом, масонские ложи, вновь появившиеся на территории православного государства, мало соответствовали своему первоначальному духовно-нравственному эталону. Впрочем, угроза подчинения масонства политическому влиянию определилась уже в конце XVIII столетия. Она связана с заговорщической деятельностью А. Вейсгаупта (1748–1830), лидера баварских иллюминатов и родоначальника «просветительской конспирации». Однако стремление к политизации масонства неизменно встречало активное сопротивление со стороны приверженцев истинного, философского по своей сути движения «вольных каменщиков». Не стала исключением и явно аффилированная по отношению к политике деятельность Великого Востока Франции, который, на момент восстановления российских лож объединял сторонников либеральной Третьей республики (1875–1940). И сегодня сторонники ортодоксального масонства во Франции не склонны причислять Великий Восток к разряду масонских Обрядов. Они рассматривают его в качестве политической структуры, которая полностью подчинена влиянию Французской социалистической партии (ФСП). В этой связи важно подчеркнуть, что в предреволюционной России также наметился раскол масонства по линии приближенности к политике. Однако местные философские ложи были малочисленны и недостаточно влиятельны, несмотря на имевшиеся заграничные контакты. К примеру, в поле зрения полиции попал кратковременный визит в Россию французского гроссмейстера Ордена мартинистов доктора Жерара Анкосса (Папюса). В 1912 г. знаменитый мистик и масон посетил Санкт-Петербург, Москву и Киев, где основал небольшие «правильные» ложи¹⁶. К сожалению, усилия ортодоксального масонства в России не были замечены и поддержаны представителями правящей династии. Сам Николай II, скованный в действиях недавним провозглашением демократических свобод, не проявил к мистическому движению надлежащего интереса, столь характерного для прежних российских самодержцев¹⁷. Лишь московская полиция, вспомнив опыт

начала XIX столетия, пыталась, но безуспешно, воссоздать альтернативные, государственно-монархические структуры Великой ложи «Астреи».

В 1909 г. работа «французских» масонских лож в России временно прекратилась. Руководство движения предприняло этот шаг в ответ на полицейское преследование, а также в целях необходимого самоочищения. Летом 1912 г. состоялось рождение принципиально новой, организационно независимой от Франции масонской структуры – Ордена «Великий Восток народов России» (ВВНР). Его создание провозгласили делегаты I масонского Конвента, собравшиеся в Москве. Председателем Верховного совета, назначенного руководить российской политической организацией «вольных каменщиков», был избран Н. В. Некрасов. Членами Совета стали А. Я. Гальперн, А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе. По мнению известного масона Б. И. Николаевского, с этого момента масонское движение в России окончательно приобрело политическое содержание, продиктованное раздробленностью левого демократического лагеря¹⁸. Состоявшиеся перемены были зафиксированы в уставе, который был рассмотрен и утвержден на очередном масонском конвенте в Санкт-Петербурге летом 1913 г. Новым Председателем Верховного совета ВВНР стал А. М. Коллюбакин. На заседании Верховного совета и в созданных с его участием провинциальных ложах обсуждались вопросы, касавшиеся согласования программных требований и действий ведущих политических партий предреволюционной России¹⁹.

Серьезным испытанием для псевдомасонских структур, пытавшихся сформировать в Государственной думе левоцентристскую коалицию с участием кадетов, эсеров и меньшевиков, стали события Первой мировой войны. В целом руководство ВВНР заняло патриотическую позицию, поддержав внешнеполитические усилия царского правительства. Многие члены лож приняли непосредственное участие в боевых действиях. В частности, ушел на фронт добровольцем и погиб А. М. Коллюбакин. Летом 1916 г. на состоявшемся после длительного перерыва масонском конвенте в Петрограде Председателем Верховного совета ВВНР был избран эсер А. Ф. Керенский.

Несмотря на трудности военного времени, масонские ложи, помимо обеих столиц (Петроград, Москва), появились и успешно действовали в других крупных городах страны. Они возникли в Поволжье (Нижний Новгород, Самара, Саратов) и на Урале (Екатеринбург). Масонские структуры заявили о себе на Северо- и Юго-Западе (Рига, Витебск, Минск, Вильно, Харьков, Киев). Не менее плодотворно они работали на Юге (Одесса) и в Закавказье (Тифлис, Кутаиси). Несмотря на широкое распространение, ложи ВВНР не были многочисленными. К моменту революционного взрыва 1917 г. в его структурах насчитывалось не более 40 лож и 500 братьев²⁰. Весьма слабо в

российской масонской среде были представлены и евреи. Даже в руководстве ВВНР специалисты обнаружили лишь трёх представителей этой «взрывоопасной» нации, давшей жизнь известному мифу о «жидо-масонском» заговоре. Речь идет о персонах А. Я. Гальперна, Р. М. Бланка и Л. А. Кроля²¹.

С началом Февральской революции деятельность ВВНР сосредоточилась на консолидации широкого спектра демократических и антимонархических сил. Влияние этих соглашательских шагов на реальный ход событий еще предстоит выявить. Во всяком случае они видятся далекими от того криминально-заговорщического подтекста, который приписывает всякому масонскому действию наш современник О. А. Платонов. Совершенно очевидно, что падение самодержавия состоялось отнюдь не в результате внутреннего масонского заговора. В качестве основных причин краха Российской империи следует назвать: тяготы затянувшейся войны; интриги союзников, явно напуганных возможностью победоносного для русского народа завершения очередной отечественной войны; своекорыстные действия военной элиты и республиканской оппозиции; стихийные выступления масс, требовавших мира и демократических реформ. Отметим в этой связи, что в революционный процесс, помимо либерально-масонской конспирации, успел также вмешаться германо-большевистский альянс²². Будущие события показали, что именно он оказался наиболее подготовленным к борьбе за власть.

По итогам февральско-мартовских событий 1917 г. представители Верховного совета ВВНР вошли как во Временное правительство (А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко), так и в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Н. С. Чхеидзе). Однако развитие революции, сопровождавшееся включением в политические процессы широких народных масс, подрывало и без того скромное влияние лидеров ВВНР. Их «работа» исчерпывалась кабинетными компромиссами, а сфера деятельности – институтами хотя и революционной, но крайне непопулярной в обществе временной исполнительной власти. В конечном итоге несколько сотен либералов-западников, затеявших игру в «масонство», проиграли сражение за Россию. Победу одержали профессиональные революционеры, участники конспиративного подполья, сделавшие своевременную ставку на вовлечение в политику многомиллионных масс. Третьей роль новейшего российского масонства, на которую явно претендовали его руководители, оказалась абсолютно неэффективной. Отечественные масоны преуспели лишь как участники последнего дворцового переворота. Увы, не без содействия их лидеров (Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко) состоялось отречение Николая Александровича и Михаила Александровича Романовых, спровоци-

ровавшее начало в России политического хаоса и гражданской войны²³.

Большевистский (октябрьский) переворот прервал существование организованного масонского движения в России. В течение 1918–1919 гг. деятельность масонских лож, вне зависимости от принадлежности к Обрядам, прекратилась. На заключительной стадии истории ВВНР его Председателями были А. Я. Гальперн (1918) и С. А. Балавинский (1919). В последующие годы большинство российских масонов оказалось в эмиграции во Франции.

После провозглашения советской власти в России не стало ни масонских лож, ни историков масонского движения²⁴. Столь суровые меры были вызваны желанием тоталитарного государства установить полный контроль над страной и её населением. Его лидеры всерьёз опасались, что после разгона Учредительного собрания «политические» ложи могли содействовать сплочению антибольшевистской оппозиции – от монархистов и кадетов до эсеров и меньшевиков. А поводов для такой системной консолидации сторонники Ленина и Троцкого предоставили немало. Наиболее болезненной для страны стала внешнеполитическая деятельность большевиков, заключивших крайне невыгодный сепаратный мирный договор в Брест-Литовске. Согласно этому документу, Россия, находившаяся буквально в шаге от победы над Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, в одностороннем порядке выходила из войны и фактически признавала себя побежденной. Помимо унижительных территориальных потерь, большевистское правительство, фактически покупая у Германии право на власть, безоговорочно удовлетворяло немалые материальные запросы победителей. Согласно подписанному в августе 1918 г. в Берлине дополнительному финансовому протоколу, Россия приняла на себя обязательство выплатить репарации на сумму 6 миллиардов марок. Помимо внешнеполитических осложнений новые власти были обеспокоены связями русских масонов с зарубежьем, в частности с враждебной теперь Францией. К тому же совершенно неожиданный колорит после победы большевиков в России приобрел стародавний тезис о «жидо-масонском» заговоре. К тревожным размышлениям в этом направлении могла подтолкнуть не только национальность большинства коммунистических вождей. Более серьезным аргументом стал их лозунг о достижении победы мировой пролетарской революции²⁵. Пятиконечная «пламенеющая звезда» – один из символов масонства – стараниями большевиков превратилась в красную пентаграмму, хищно распростертую над всем миром. Казалось, понятия «коммунизм», «сионизм» и «масонство» слились в единое целое и оказались на вооружении государства, замыслившего всемирную гегемонию. Впрочем, для самих вождей большевизма масонское движение не представляло интереса ни в плане заимствования организаци-

онных структур, ни в качестве средства обретения мирового господства²⁶. В доктрине коммунизма оно рассматривалось лишь в качестве архаичного порождения буржуазной культуры, а потому было обречено на уничтожение.

Казалось, время тяжелых испытаний могло лишь усилить политическую составляющую масонской работы, тем более что «вольные каменщики» уже были представлены мировой общественности в качестве главных организаторов революционных перемен в России. Однако знакомство с архивными материалами, освещающими деятельность эмигрантских лож, рисует другую картину. В частности, их фигуранты постоянно подчеркивали беспочвенность утверждений о существовании какой-либо «масонской диктатуры»²⁷. Они отмечали политическую лояльность отечественных лож, а также их традиционную подконтрольность российскому правительству²⁸.

Как свидетельствуют документы, первая эмигрантская масонская структура в Париже была зарегистрирована Великой ложей Франции в декабре 1918 года²⁹. В 1922 г. под эгидой Русской масонской консистории во Франции, ведущей работу по канонам Древнего и Принятого Шотландского Обряда, объединились уже несколько лож («Друзья философии», «Северная Аврора», «Астрея», «Гермес», «Прометей», «Юпитер»). Отметим их многочисленность – от 25 («Прометей») до 104 человек («Астрея»)³⁰. Несмотря на понятную оппозиционность режиму большевиков, эмигрантские ложи не стали очагами контрреволюционного сопротивления. Они всячески подчеркивали филантропические и образовательные цели масонского союза, провозглашали равенство всех рас и религий, сложившихся в России, и даже ввели запрет на проведение дискуссий политического характера³¹. Не менее миролюбиво и традиционно выглядят последующие «французские» отчеты российских братьев³². Эти, а также многие другие данные³³ свидетельствуют о преодолении рецидива политиканта, захватившего российских братьев в преддверии революционных перемен.

Деятельность «политического масонства» в России на время подменила подлинные устремления отечественных «вольных каменщиков». На ситуацию, безусловно, повлияло революционное брожение в стране, исключившее возобновление традиционно-мощного регулярного масонского движения. Большинство восстановленных к началу XX столетия лож оказалось в руках людей, близких к политике. Именно они были заинтересованы в использовании масонских структур в целях консолидации либерально-демократической оппозиции в революционной России. Такая модель поведения была продиктована примером Великого Востока Франции, руководство которого уже давно использовало потенциал влиятельного масонского Обряда для укрепления республиканских институтов власти. В таких условиях обрядовая и нравственно-философская сторона

деятельности отечественных лож полностью утратила свое значение. Со времени петровских преобразований политическая элита России во многих своих реформаторских начинаниях следовала лишь моде и внешним совпадениям. Подобная констатация целиком справедлива по отношению к российскому увлечению масонством. В нашей стране это движение всегда оставалось одной из форм поверхностной пропаганды западных умонастроений. Тем самым большая часть отечественных масонов вольно или невольно становилась неумелыми проводниками либерально-демократических взглядов. Как следствие, не привязанные к историческим корням, не связанные национально-культурными традициями российские «вольные каменщики» представляли в глазах соотечественников заговорщиками-чужаками, ориентирующимися на некие враждебные внешние силы, и были обречены на поражение.

Примечания

- 1 См.: *Hass L. The Russian masonic movement in the years 1906–1918.* Warszawa, 1983; *Аврех Ф. Я. Масоны и революция.* М., 1990; *Николаевский Б. И. Русские масоны и революция.* М., 1990; *Берберова Н. Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия.* Харьков; М., 1997; *Ведьмин О. П. Масоны в России 1730–1825.* Кемерово, 1998; *Карпачев С. П. Российское масонство XVIII–XX вв.* М., 2000; *Сахаров В. И. Русское масонство в портретах.* М., 2004; *Соловьев О. Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского.* М., 2005; *Нечаев С. Ю. Масоны и «Великий Восток».* М., 2007; *Мальцев С. Тайные общества и ордена.* М., 2009; *Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков?: Феномен масонства.* М., 2009; *Серков А. И. История русского масонства XX века: в 3 т.* СПб., 2009.
- 2 Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел графа Кочубея о запрещении тайных обществ на территории Российской империи был подписан 1 августа 1822 года. Строжайшие ограничения, направленные против деятельности тайных обществ, в 1826 г. были подтверждены императором Николаем I.
- 3 Великий Восток Франции, один из старейших и влиятельнейших масонских союзов страны, был образован в 1773 году. Великая ложа Франции создана в 1894 г. «братьями» Великого Востока, недовольными его переходом на позиции атеизма и активной политической деятельностью.
- 4 См. подробнее: *Старцев В. И. Тайны русских масонов.* СПб., 2004. С. 35–37; *Брачев В. С. Масоны у власти.* М., 2006. С. 297–322.
- 5 См.: *Абаринов Н. Н., Бутми Г. В. Франк-масонство и государственная измена.* СПб., 1906; *Бутми Г. В. Враги рода человеческого.* СПб., 1906; *М. А. Г. Слуги треугольника и их дела.* СПб., 1912; *Иванов В. Ф. Православный мир и масонство.* М., 1993; *Климов Г. П. Протоколы советских мудрецов.* 6-е изд. Краснодар, 2002; *Платонов О. А. Криминальная история масонства 1731–2004 гг.* М., 2005.

- ⁶ См.: *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 20–24.
- ⁷ См.: Петербургские мартинисты 1910–1925 гг.: Документы архива Министерства безопасности Российской Федерации / сост. В. С. Брачев // Отечественная история. 1993. № 3. С. 177–193; *Hass L.* *Loža i polityka: Masoneria gosyjska, 1822–1995*: in 2 t. Warszawa, 1998.
- ⁸ Убежденных сторонников подлинности «Протоколов» и теории «всемирного жидо-масонского заговора» немало и в наше время: *Климов Г. П.* Протоколы советских мудрецов. Краснодар, 2002. С. 323–327; *Платонов О. А.* Загадка Сионских протоколов. М., 2004. С. 210–216.
- ⁹ См.: *Нилус С. А.* Полное собрание сочинений : в 6 т. М., 1999. Т. 1. С. 92–173. Их текст был опубликован в декабре 1905 г. под названием «Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов».
- ¹⁰ См.: *Соловьев О. Ф.* Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 5. Сам Нилус считал автором «Протоколов» другого лидера сионизма – Теодора Герцля.
- ¹¹ См.: *Кон Н.* Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / пер. с англ. М., 2000.
- ¹² Там же. С. 58.
- ¹³ См.: *Генц А. И.* Масоны. М., 1906; *Тальмейр М.* Франкмасонство и французская революция / пер. с фр. М., 1906; *Бронзов А. А.* Современное масонство. СПб., 1912; *Витте Е., де.* Масонство в Австрии и Германии. Шемордино, 1914.
- ¹⁴ См.: *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁵ См.: The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London: Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723.
- ¹⁶ См.: *Соловьев О. Ф.* Указ. соч. С. 200.
- ¹⁷ По данным О. Ф. Соловьева, император в конце 90-х гг. XIX в. являлся членом мистической масонской ложи «Креста и Звезды», но быстро отказался от неуместного для набожного человека увлечения (см.: *Соловьев О. Ф.* Указ. соч. С. 169–171).
- ¹⁸ *Николаевский Б. И.* Указ. соч. С. 31. По мнению другого очевидца событий, белоэмигрантского историка С. П. Мельгунова (1879–1956), рождение в нашей стране масонского «заговорщического центра» следует датировать сентябрем 1915 г. (см.: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 216–217). Это мнение, со ссылками на рассекреченные в СССР в 1928 г. документы некоего Комитета народного спасения, обнаруженные в архиве А. И. Гучкова («Диспозиция № 1» и «Диспозиция № 2»), поддержали советские историки В. И. Старцев и Н. Н. Яковлев. Критический анализ упомянутых материалов см.: *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 71–99.
- ¹⁹ См.: *Николаевский Б. И.* Указ. соч. С. 31.
- ²⁰ Там же. С. 115.
- ²¹ См.: *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 141–148.
- ²² См.: *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб., 2002.
- ²³ В первый состав Временного правительства входили десять масонов. Как полагают специалисты, «вольным каменщиком» не был только историк П. Н. Милуков – лидер партии кадетов и министр иностранных дел. Впрочем, современники не сомневались в принадлежности к братству и этого влиятельного политика (см.: *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 60).
- ²⁴ Новейшие исследования показали масштабы и характер репрессий среди бывших участников масонского движения, оставшихся на территории СССР. Все они были осуждены в конце 1920-х гг. за контрреволюционную деятельность и шпионаж. В период «большого террора» конца 30-х гг. бывших масонов, а также наблюдавших за ними сотрудников НКВД (К. Владимиров, Г. Бокий) расстреляли (см.: *Первушин А. И.* Окультизм войны НКВД и СС. М., 2003. С. 118).
- ²⁵ На Западе все же родилась легенда о связях масонов с «мировым коммунистическим заговором» – см.: *Черняк Е. Б.* Западноевропейское масонство XVIII века // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 118. Сохранились некоторые прямые свидетельства увлечения масонством первых советских руководителей – В. Ленина, Л. Троцкого, К. Радека (см.: *Первушин А. И.* Указ. соч. С. 183–184, 190–191).
- ²⁶ Все это не помешало Джону Колеману, кадровому офицеру английской разведки, говорить о существовании некоего «большевизма-розенкрейцерства» (см.: *Колеман Д.* Комитет 300: Тайны мирового правительства / пер. с англ. М., 2003. С. 6).
- ²⁷ *Словцов Р.* Масонство во Франции // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection, series 213, box 273, file 7.
- ²⁸ См.: *Kornfeldt M.* Memoires sur la franc-maçonnerie russe, 30.04.1929 // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection, series 213, box 273, file 3. L. 3.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibid. L. 3–6. Отметим, что ложу «Прометей» сформировали выходцы из стран Закавказья – грузины, азербайджанцы и армяне, – которые в повседневной жизни часто конфликтовали.
- ³¹ Ibid. L. 6–7.
- ³² См.: *Rapport du Groupement des Loges de la Grande Loge de France, travaillant en langue russe, 28.02.1952* // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection, series 213, box 273, file 4. L. 1–15.
- ³³ См.: Русское политическое масонство. 1906–1918 гг.: Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира / вступ. статья и коммент. В. И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134; 1990. № 1. С. 139–155 (окончание).

УДК 316.722

ВЫРАЖЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ В РОССИЙСКИХ АРХИТЕКТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ПЕРИОДА 1930–1950-х ГОДОВ

Е. С. Лосева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: es-loseva@mail.ru

Формирование тоталитарного режима началось с переосмысления и новой трактовки марксистских догматов. Прочное их введение в повседневную жизнь обывателя осуществлялось путем всесторонней пропаганды. Кроме того, пропаганда, часто выдавая желаемое за действительное, использовалась и для подтверждения успехов, достигнутых страной в своем развитии. В качестве одного из показателей мощи и процветания страны использовалась архитектура, точнее, вырабатывался новый стиль советского зодчества.

Ключевые слова: тоталитаризм, символизм, неоклассицизм, архитектура.

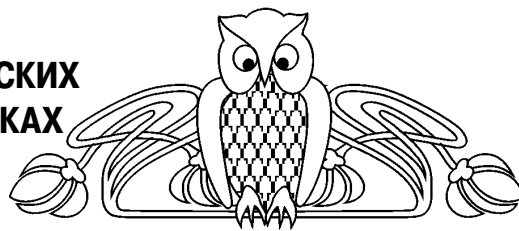
Expression Totalitarian State Strategy in Local Architectural Symbolic Practice Period 1930–1950 Years

E. S. Loseva

Formation of a totalitarian mode has begun with reconsideration and new treatment of Marxist doctrines. Their strong introduction in an everyday life of the inhabitant was carried out by all-round propagation. Besides propagation, often giving out wished for valid, it was used and for acknowledgement of successes reached by the country in the development. As one of indicators of power and country prosperity the architecture was used, new style of the Soviet architecture was more precisely developed.

Key words: totalitarianism, symbolism, neoclassicism, architecture.

Советское общество 1930–1950-х гг. правомерно считают тоталитарным. Однако необходимо отметить, что оно не было таким даже в конце 1920-х гг., и с трудом его можно назвать таковым в начале 1930-х. Существует утверждение: «Сталин преобразовал русскую однопартийную диктатуру в тоталитарный режим»¹. При этом первоначально преобразования коснулись внутривнутрипартийной иерархии. Уничтожив оппозицию внутри партии, Сталин стал единственным «вождем». Формирование тоталитарного режима началось с переосмысления и новой трактовки марксистских догматов. Прочное их введение в повседневную жизнь обывателя осуществлялось путем всесторонней пропаганды. Кроме того, пропаганда, часто выдавая желаемое за действительное, использовалась и для подтверждения успехов, достигнутых страной в своем развитии. В качестве одного из показателей мощи и процветания страны использовалась архитектура,

точнее, вырабатывался новый стиль советского зодчества.

Утопичность советской архитектуры заключалась в «воздействии на массовое сознание программами, которые были не результатом искреннего убеждения их создателей, но следствием учета предполагаемых ожиданий и предпочтений. ... Архитектура должна была создать для утопии реальные декорации, некое общее звено между виртуальной реальностью и жизнью. Такая цель подчиняла себе социальные функции и экономику строительства»². Советское общество создавало для себя определенным образом оформленную материальную среду, в которой функционировало.

Архитектура – одно из наиболее понятных и одновременно наиболее сложных искусств. Архитектура неоклассицизма понятна как колхознице и трактористу, так и академику, только прочитают они в ней разные смыслы. Не нужно иметь специального образования, чтобы восторгаться и даже вынести какой-либо урок из представленного великолепия. Но нужно прочувствовать на себе реалии эпохи, чтобы эффект, заложенный автором, достиг наивысшей точки. В. М. Петров, говоря о приоритетном виде искусства в тот или иной период исторического развития какой-либо страны, отмечает, что выбор вида искусства основывается на конкретных проблемах, которые необходимо решить при помощи искусства³. Основываясь на этом методе выбора «прогрессивного» вида искусства, можно сказать, что архитектура в СССР решала первоочередную задачу. В качестве этой задачи можно предположить пропаганду правильного курса партии, демонстрацию процветания и изобилия в стране, а также спокойствия и благополучия. Ведь наиболее яркие постройки в стиле сталинского ампира – семь московских высоток – были воздвигнуты в послевоенное время. Формальные черты стиля в массовой застройке советских городов складывались также в конце 1940-х годов. Выбор архитектуры как приоритетного вида искусства в тоталитарном обществе Советского государства обосновывает и С. И. Трунев. Говоря об идее «нового Человека» и «нового Мира» в тоталитарных обществах, он отмечает, что «воплощенная в конкретном человеческом теле идея нового Человека порождает скульптурное произведение, а воплощенная в конкретно-исторической реальности идея нового Мира порождает архитектурное сооружение,

тоталитарные культуры нашли наиболее полное свое выражение именно в этих видах искусства»⁴.

Формирование стиля в рамках приоритетного направления государственной культуры ведет к проникновению его во все сферы жизни общества, а не только, например, в искусство. В свою очередь, стиль сталинской архитектуры был призван утвердить в культуре новые «советские» элементы, закрепив их в сознании общества, то есть создать и закрепить новый образ мышления – «советский». В качестве этих элементов можно рассматривать и стереотипы поведения, жизненные и целевые установки личностного развития каждого «советского гражданина», веру в лучшее будущее, процветание своей страны, необходимость подвига для решения поставленных задач, преобладание государственных и общественных целей и интересов над личными нуждами. Все это закладывалось в сознание постепенно, средствами массовой информации, публицистической и художественной литературой, музыкой и живописью, архитектура же стала зримым воплощением уже достигнутых рубежей и подвигала к преодолению новых.

Архитектурная практика в культуре подкреплена практикой ремифологизации, являющейся по отношению к ней внутренней, однако определяющей ее характер. Впрочем, ремифологизация присутствует и в других видах практик (например, в живописи, литературе). Именно в ходе революции разрушается система мифов, оправдывавших монархический строй, затем путем активной пропаганды старая мифологическая система продолжает критиковаться и в дальнейшем, то есть происходит полное отречение от «старой» системы ценностей. Однако начинает создаваться новая система мифов, поддерживающая и объясняющая новый режим, при этом происходит некий возврат к ценностям. И от полного отрицания, которое главенствовало при В. И. Ленине, происходит переход к ремифологизации при И. В. Сталине. Эти процессы находят свое выражение в первую очередь в художественной культуре. Наиболее оперативно откликается на эти изменения литература. Фольклор создается новый, советский, появляются различные поговорки, листовки, лозунги. Далее создаются более объемные и сложные произведения. Слово наиболее быстро и легко усваивает новшества и начинает проецировать их в общество. Следом отзывается живопись. Создаются новые образы, они проходят апробацию, в чем-то корректируются, подгоняются под советские реалии. Своим монументальным закреплением новые образы или же переосмысленные старые находят в архитектурных творениях.

Существенным для понимания закономерностей развития зодчества представляется вопрос динамики стиля. «Сложившись и будучи осознанным как примета эпохи, стиль распространяет свое влияние с уникальных объектов на массовую застройку; при этом баланс образных и

формальных характеристик смещается в сторону последних»⁵. Острота выразительных приемов «размывается», новаторская яркость сменяется каноничностью. Такая динамика, в частности, объясняет временное «запаздывание» стилей в провинциальных городах и регионах, нередкое наложение разной стилистики. Сталинский неоклассицизм не стал исключением. Кроме того, в этом стиле (возможно, в большей мере, чем в других) видна четкая иерархия, своеобразная дихотомия «столица – провинция». А именно – зданиям, близко подобным, например, знаменитым московским высоткам, не суждено было появиться даже в Санкт-Петербурге (Ленинграде), не то что в провинциальных городах. Однако широко распространенная массовая застройка проводилась часто по одним и тем же типовым проектам как в столице, так и в регионах. Массовая застройка кварталов советского периода характеризуется комплексностью (возводимые сооружения составляли единый функциональный комплекс – жилые дома, больницы, школы и т. д.), в то время как реконструкция, например, центральных улиц городов, создание университетских городков, административных центров – ансамбльностью (наибольшее значение придавалось единому стилистическому и структурному оформлению, хотя и функциональная составляющая не оставалась без внимания). Это можно проследить в первую очередь в застройке и реконструкции провинциальных поволжских городов, таких как Волгоград, Саратов, Пенза и другие.

Формирование государственного стиля происходило на основе имеющегося художественного наследия. Создание нового стиля началось с формулирования «творческой проблемы» советской архитектуры и комплектации соответствующего государственного органа, призванного эту проблему решить. После ликвидации множественных архитектурных творческих кружков и создания единого Союза архитекторов (который значительно проще в управлении и воздействии, нежели масса разобщенных мастерских) пришли к необходимости ликвидации «буржуазных, капиталистических» стилей и выработке единственно верного – советского. Восприятие традиции происходило в процессе решения художественных задач, поставленных эпохой. С приходом к власти И. В. Сталина задачи, «поставленные эпохой», несколько видоизменились, точнее, корректировались и конкретизировались в сравнении с «ленинскими». Строительство коммунизма стало светлой перспективой будущего, неким культовым элементом, высшим состоянием, к которому необходимо стремиться, а для этого в настоящем необходимо решать более приземленные задачи. На решение этих задач и был направлен государственный стиль в искусстве.

Выбор опорного стиля, «подходящего» архитектурного наследия осуществлялся очень осторожно. Огромную роль в этом процессе

сыграли многочисленные творческие конкурсы архитекторов, и главный из них – конкурс на проект строительства Дворца Советов СССР. Переломным моментом в стиливой переориентации можно считать 1933 г., когда вместо отмененного Московского конгресса новой архитектуры, запланированного на июнь, в начале июля того же года прошла творческая дискуссия Союза советских архитекторов. Данное мероприятие часто рассматривается как одно из целого ряда «воспитательных», где архитекторам задавалось направление деятельности. В ходе дискуссии в качестве ориентиров для дальнейшего творчества архитекторам был предложен ряд построек, признанных идеологически безопасными. Подавляющее большинство построек относилось к классицизму – от греческих руин до итальянских палаццо. Кроме того, прозвучала официальная критика конструктивизма и функционализма, по сути, они были запрещены.

Для более наглядного ознакомления с наследием, «пригодным к употреблению» и анализу, были организованы поездки советских авторов к памятникам архитектуры осенью-зимой 1935–1936 годов. В журнале «Архитектура СССР» была введена рубрика «Заграничные впечатления», где публиковались записки архитекторов⁶. Впрочем, на страницах журнала анализ наследия постоянно присутствовал.

Для нового советского общества разрабатываются и новые архитектурные формы. В планировке городов большое внимание уделяется местам массового досуга – площадям, магистралям, набережным, проспектам. Эти пространства необходимы власти для проведения широкой пропаганды и поддержания внимания граждан. Проведение демонстраций, всенародных праздников является неотъемлемой атрибутикой власти, способом пропаганды государственной идеологии. Из малых форм преобладают обелиски, популярностью пользуются такие общественные здания, как клубы, дворцы пионеров, кинотеатры. Большое внимание уделяется озеленению и созданию парков.

Можно заключить, что становление стиля шло под жестким государственным контролем. Стиль изначально вписывался в рамки господствующей идеологической концепции, все попытки отступления от нее незамедлительно пресекались. «Единственная партия, обладающая в государстве монополией власти, притягивает к себе всех, кто желает что-либо сделать»⁷. Все архитекторы «проверялись» на лояльность к власти, вместе с тем проводилась обширная работа по закреплению идеологии в умах граждан в целом и деятелей искусства в особенности.

Неоклассицизм начинался с проектов строительства уникальных единичных зданий, таких, например, как Дворец Советов СССР, но нашел свое воплощение и в массовом строительстве. Неоклассицизм создал иерархию форм, позволившую подчинить его нормам любые

сооружения, отражая при этом место каждого в социальной структуре. Между единичными пафосными столичными постройками и массовым жилищным провинциальным строительством существовали огромная пропасть, строгая пространственная структуризация, иерархическое распределение уровня построек. В качестве характеристики тоталитарного режима следует сказать о малой степени дивергенции отличительных признаков стиля. Это можно объяснить централизованным контролем строительства. Проекты, как правило, утверждались в Москве, механизм согласования был тщательно отлажен, а их непосредственное воплощение неоднократно проверялось. Советский Союз представлял собой систему, а в ней у всего должно быть свое место. Однако часто чрезмерная бумажная волокита существенно отдала сроки воплощения градостроительных планов, многие из них так и остались на бумаге.

Безоглядный поиск «нового» приводил архитекторов к вечным и неизменяемым первоосновам архитектуры, поскольку они несут всеобщие ценности, одинаково пригодные и для революционного пролетариата, и для государства «нового типа». Старое сводилось к наработанным схемам – способу декорирования фасада, созданию образа пилонов и колонн, карниза, использованию пропорциональности и соподчинения, воплощению идеи симметрии. Сами по себе эти приемы вечны, их невозможно отменить в ходе пролетарской революции. Все «новое» в этот период выражается через «очищение», проявляющееся чертами почти первобытной архаики, или через схематизацию путем привнесения в классику технических деталей и острых композиционных решений. Это, в конечном счете, приводило к сильному влиянию элементов рационалистической архитектуры на неоклассические постройки. В результате в зданиях этого периода можно одновременно наблюдать два противоположных процесса, сливающихся в одной классической традиции: в одном и том же фасаде возникает вектор «назад», выражающийся в формальных преобразованиях – «очищении» классических форм, – и вектор «вперед», читаемый в стеклянных поверхностях, угловой композиции и других деталях, пришедших из архитектуры авангарда.

В итоге «советская культура», являвшая собой результат осуществления большевистской культурной политики, воплотила в себе взаимоотношения и взаимодействие трех субъектов культурной жизни – власти, художников и аудитории. Каждый в этом взаимодействии преследовал свои цели. Власть пыталась поставить культуру себе на службу. Художники, убедившись, что свободное (противоречащее требованиям властей) творчество в советском обществе невозможно, либо замолчали, либо уехали, либо решили служить Отечеству (партии), народу. Народ жадно вбирал все новое, чего ему «недоставало» при

старом режиме. «Стать культурным» было одной из важных жизненных целей каждого советского гражданина.

Итак, классицизм как стилевая и смысловая основа сталинского неоклассицизма представлял собой единую систему, которая, по сути, оказалась перенятой. Непрямое заимствование обуславливалось советской реальностью с идеями нового человека и мира. Наиболее ярко черты классицизма проявились в творчестве советских архитекторов как формализация черт стиля и их расхожее применение. Идеологическая подоплека искусства формировалась и теоретизировалась в рамках партийной идеологии, а внедрялась при помощи системы образования, неотъемлемым воспитательным элементом которой было искусство. Наиболее точно характер власти отражала архитектура, ставшая приоритетным видом искусства. Влияние власти на все виды творчества подчиняло его государственным интересам. В свете этих интересов и формировался официальный стиль.

УДК 9:333С

МЕСТО И РОЛЬ КОЛХОЗОВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В 1950–2000-х ГОДАХ (краткий историографический анализ)

О. В. Шлыкова

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: shlykova-olga11@mail.ru

В статье содержится историографический анализ роли колхозного производства в сельском хозяйстве в 1950–2000-х годах. Опираясь на работы отечественных историков, используя обширный источниковый материал, автор стремится осветить неоднозначность и противоречивость колхозного производства данного периода.

Ключевые слова: история, сельскохозяйственное производство, колхоз.

Place and Role of Collective Farms in Agricultural Production Years 1950–2000 (A Brief Historiographical Analysis)

O. V. Shlykova

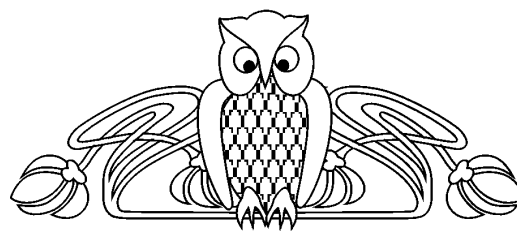
The article contains a historiographical analysis of the role of collective farming in agriculture 1950–2000 years. Relying on the works of local historians, using a wide of source material, the author seeks to highlight the ambiguity and contradictions of collective farming of the period.

Key words: history, agricultural production, farm.

На современном этапе дальнейший процесс модернизации России связывается с необходимостью перехода страны на путь научно-

Примечания

- ¹ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Боровой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. С. 497.
- ² *Иконников А. В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. Т. 1. М.: Прогресс–Традиция, 2001. С. 458.
- ³ См.: *Петров В. М.* Количественные методы в искусствоведении. М.: Академ. проект: Фонд Мир, 2004. С. 284.
- ⁴ *Трунев С. И.* Художники и экстремисты: искусство в переходный период // Тр. семинара ПМАК. Вып. 12. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2007. С. 14.
- ⁵ *Кудрявцев В. В.* Историко-культурное наследие XIX – начала XX века и вопросы его современного использования: автореф. ... канд. архитектуры. М., 1983. С. 12.
- ⁶ См., например: *Власов А.* «Встреча с античностью». Из путевого дневника // Архитектура СССР. 1936. № 5. С. 60–64.
- ⁷ *Баллестрем К. Г.* Апории теории тоталитаризма // Вопр. философии. 1992. № 5. С. 25.

инновационного развития, создания высоких технологий.

В новых условиях особо пристальное внимание уделяется вопросам реформирования аграрной сферы – базовой с точки зрения значимости ее для жизнеобеспечения страны. В социально-экономической политике Российского государства приоритет аграрного направления обуславливается не только задачами обеспечения продовольственной безопасности страны, но и потребностью в сохранении стабильности общества.

Основу современной аграрной политики составляет принятая в соответствии с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. Её реализация должна обеспечить социально-экономическое возрождение села, существенное повышение жизненного уровня населения, формирование эффективного агропромышленного комплекса, выпускающего конкурентоспособную продукцию, на основе финансовой устойчивости и модернизации отрасли¹.

Актуальность аграрной проблематики усиливает и то, что сельское хозяйство – это не только форма производства, но и образ жизни, составляющий основу культурных традиций, источник жизненной силы нации. Неслучайно поэтому изучение истории развития аграрной сферы страны является объектом пристального внимания ученых. По мнению современных исследователей, и ныне остается недостаточно изученным собственный исторический опыт решения аграрных проблем; требуют более тщательного и объективного анализа как сама концепция рынка в аграрном производстве, так и формы хозяйствования, развивавшиеся в аграрном секторе экономики². Только суммировав исторические уроки реформирования сельского хозяйства страны, возможно определить оптимальное сочетание преимуществ³ и недостатков различных форм хозяйствования на селе.

Вместе с тем до сих пор по вопросам о путях обновления аграрного производства среди исследователей нет единогласия: одни из них предпочтительным считают развитие в аграрном секторе малых форм хозяйствования (фермерство), другие – что не следовало торопиться с ликвидацией крупного аграрного производства (колхозно-совхозной системы), а напротив, нужно было активно использовать все ценное, что она имеет, так как она функционировала десятки лет и обеспечивала страну даже в тяжелейший период Великой Отечественной войны⁴.

Это обстоятельство актуализирует интерес к вопросам организации колхозного производства, получившего развитие в советский период отечественной истории. Коллективные хозяйства этого времени, объединяемые вместе «природной естественной общностью», в довоенный период рассматривались как важная, но исторически преходящая форма организации сельскохозяйственного производства, которая постепенно должна трансформироваться в госхозы. Реабилитирована колхозная форма организации сельскохозяйственного производства была в период 1953–1964 гг., который связан с именем Н. С. Хрущева. Под его руководством стал реализовываться новый курс аграрной политики, основы которого были заложены решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. В постановлении пленума подчеркивалось, что «артельная форма колхозов является единственно правильной формой коллективного хозяйства»⁵, и для ее дальнейшего развития был предусмотрен ряд мер, направленных на создание условий по расширению самостоятельности колхозов, что благоприятно отразилось на росте сельскохозяйственного производства и социальной жизни колхозников.

Данный исторический этап не был лишен противоречивости. Исторический опыт колхозного строительства в стране оказался по преимуществу печальным. К сожалению, эта форма хозяйствования, хотя и обладала некоторыми кооперативными признаками, так и не стала по-

настоящему кооперативной. В среде руководящих практических работников того времени продолжало жить отношение к колхозам как неполноценной форме собственности. Высшей формой организации сельского хозяйства по-прежнему считались совхозы с более высоким уровнем обобществления. Преобладающим было убеждение, что преобразование колхозов в совхозы перспективно не только для развития сельского хозяйства, но и для ускорения формирования в стране социально однородного общества⁶.

В условиях очередного реформирования аграрного сектора в 1990-е гг. стал активно поддерживаться перевод хозяйствования на селе в частно-кооперативные формы, но не за счет постепенной реорганизации колхозно-совхозной системы, соединения достоинств мелкого, среднего и крупного производства. Напротив, наличие в стране колхозов и совхозов, по мнению реформаторов этого времени, тормозило переход к рынку в сельском хозяйстве⁷. Коллективный опыт хозяйствования стал подвергаться массивной критике, поддерживалось широкое внедрение фермерства. Необходимость такого радикального поворота к поддержке индивидуального производителя представлялась как источник произрастания хозяйских качеств человека, как средство воспитания работника рыночного типа⁸.

С 1990 г. началась широкомасштабная приватизация сельскохозяйственных предприятий. Ликвидировать колхозно-совхозную форму хозяйствования планировалось в течение года, однако эффективное реформирование требовало длительного времени⁹. Аграрное преобразование, осуществленное вновь революционными методами, ничего кроме убытков не принесло. Процесс разукрупнения колхозно-совхозной системы и создания на ее базе мелких крестьянских хозяйств (фермерства) сопровождался сокращением земельных угодий и общего объема валовой продукции крупных общественных хозяйств. Фермеризация рассматривалась как альтернатива колхозно-совхозному производству. Но сохранение диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, необеспеченность производства специализированной техникой, ремонтной базой, разбалансированность системы управления хозяйствами, нерешенные бытовые проблемы негативно ударили по аграрной отрасли экономики страны.

Ныне считается, что не следовало распускать коллективные хозяйства. Новый частнособственный конкурентный уклад мог постепенно через рыночную конкуренцию доказывать на практике свою состоятельность, вытеснять неэффективные формы хозяйствования.

Через десять лет перегибы в оценке крупного сельскохозяйственного производства были в основном преодолены. В науке и практике вновь стала укрепляться идея о значимости развития крупного хозяйства к новым условиям¹⁰.

Стало очевидным, что проблемы эффективности сельского хозяйства определялись не формами его организации, а более глубокими причинами. Именно это оставалось непонятным для реформаторов 1990-х годов. И, вместо того чтобы очистить сельскохозяйственные предприятия от всего, что деформировало их рациональную природу, проблему вновь перевели в политическую плоскость – смену форм собственности. В итоге, не создав рыночных условий, разрушили старую систему экономических отношений¹¹.

В соответствии с современной аграрной политикой на селе допускается развитие всех форм собственности. По мнению исследователей, по критерию потенциальной эффективности (производительности труда) в организационной структуре российского аграрного сектора сохраняют лидирующие позиции коллективные хозяйства¹². Ныне подавляющее большинство ученых единодушно во мнении о необходимости сохранения и упрочения общественных хозяйств в современной структуре аграрного производства. За сохранение крупных хозяйств выступает и большинство сельчан¹³.

В связи с этим в условиях возрождения национального сельского хозяйства изучение опыта организации колхозного производства в период поддержки их активного развития в 1953–1964 гг. значимо не только в научно-теоретическом, но и в практико-политическом отношении.

Колхозы и ныне остаются важной организационной структурой хозяйствующих субъектов в аграрном секторе. Изучение вопроса о развитии колхозов в период аграрной реформы 1953–1964 гг. как целостной научной проблемы обусловлено недостаточной изученностью с современных методологических позиций, стремлением глубже проанализировать процесс развития аграрной политики этого времени в области колхозного строительства, понять причины многочисленных противоречий эпохи господства колхозного строя в деревне.

Безусловно, советская модель социально-экономической жизни отличается от рыночного развития современной России. Вместе с тем осмысление колхозной проблематики в ретроспективе поможет углубить представление о данной форме кооперативного хозяйствования, понять, почему она была свернута, извлечь уроки, полезные для современной аграрной практики.

Примечания

¹ См.: Ушаев И. Перспективы развития агропромышленного комплекса России // АПК: экономика, управ-

ление. 2007. № 11. С. 5–6; Слепнев А. Развитие сельского хозяйства на ближайшую перспективу // АПК: экономика, управление. 2008. № 6. С. 2; Скрынник Е. Приоритеты международного сотрудничества в аграрной сфере // АПК: экономика, управление. 2010. № 4. С. 9.

- ² См.: Денисов Л. Н. Государственная власть и колхозы // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века : сб. статей. Ч. 1. Коломна, 2007. С. 392; Митенкова А. Е. Поддержка развития малых форм хозяйствования как фактор развития АПК // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. С. 632; Денисов Л. Н. Особенности современного сельскохозяйственного рынка // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок : материалы XXIX сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 540.
- ³ См.: Пути аграрного возрождения / В. Ф. Башмачников, Ю. М. Бородай, И. И. Ершова, С. А. Никольский. М., 1991. С. 4.
- ⁴ См.: Денисов Л. Н. Государственная власть и колхозы. С. 392; Митенкова А. Е. Поддержка развития малых форм хозяйствования как фактор развития АПК. С. 632.
- ⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8. С. 303.
- ⁶ См.: Денисов Ю. П. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 120.
- ⁷ См.: Кисляков К. Б. Реорганизация колхозов и совхозов в Саратовской области в 1991–1994 гг. // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов, 2008. С. 136.
- ⁸ См.: Рыбков А. Г. Не рано ли прощаемся с крестьянином? // Актуальные проблемы политической и социально-экономической истории Поволжья : сб. науч. тр. Вып. II. Саратов, 2005. С. 64–65.
- ⁹ См.: Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 442.
- ¹⁰ См.: Емельянов А. Взаимодействие форм хозяйств в аграрной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 121.
- ¹¹ См.: Исправникова Н. Парадоксы аграрных реформ в России // АПК: экономика, управление. 2009. № 2. С. 14.
- ¹² См.: Яшин А. Аграрная реформа в России: прогноз возможной направленности // АПК: экономика, управление. 2008. № 1. С. 17.
- ¹³ См.: Клопыжникова Н. Настроение крестьянства и аграрное реформирование // Свободная мысль. 1995. № 5; Руденко А. И. Социальное содержание современной эволюции российского крестьянства. Саратов, 1997.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(437) |8/14|

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ МОРАВИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

А. А. Лебедева

Саратовский государственный университет
E-mail: Lebedevaannas@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные вехи изучения городов Моравии в отечественной славистике и обосновывается вывод о необходимости их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: средневековые города, Моравия, историография, публикации источников.

The Native Historiography of Medieval Moravian Cities Development: The History and the Prospects of Studying

A. A. Lebedeva

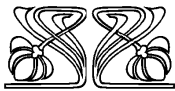
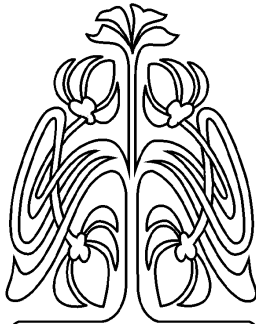
The article describes the tradition of studying Moravian cities in native Slavonic studies and concludes the necessity of further researching this issue.

Key words: Medieval cities, Moravia, historiography, publications of sources.

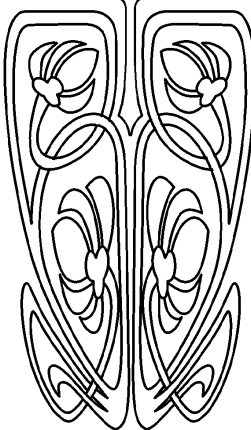
Моравия представляет собой историческую область, входящую в состав современной Чешской Республики. Однако до настоящего времени она сохраняет немало черт самобытности и рассматривается как особое культурно-историческое явление. В названиях многих исторических трудов прошлого и настоящего Чехия и Моравия соединяются союзом «и»¹. Закономерностью представляется следующая особенность истории Моравии: чем дальше в прошлое, тем сильнее проявляется степень моравской самобытности. Поэтому история Моравии в качестве предмета самостоятельного исследования таит в себе наибольшие возможности для научных открытий именно на материале Средневековья. Из всех исследовательских сюжетов средневековой истории Моравии важнейшим является история ее городов, поскольку именно в ней, как нам представляется, наиболее полно и многогранно отразились основные вехи моравской истории.

Изучение истории Моравии имеет достаточно давнюю традицию в отечественной науке. При этом внимание исследователей распределяется непропорционально по отношению к различным периодам моравской истории. Наибольшее внимание неизменно уделялось и уделяется Великой Моравии – раннесредневековому государству IX – начала X в., которое с полным основанием считается колыбелью славянской культуры.

Изучение истории Великой Моравии в отечественной исторической науке берет свое начало в XIX веке. Одним из первых к истории этого средневекового государства обратился Константин Яковлевич Грот². В 1881 г. в типографии Императорской Академии наук было напечатано его исследование «Моравия и мадьяры с первой половины IX до начала X в.». Область своего интереса историк определяет так: достижение моравскими славянами во второй половине IX в. значительной политической силы, их ожесточенная борьба с немцами за националь-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

но-политическую и церковную независимость, вторжение мадьяр со всеми его последствиями как развязка этой борьбы³. На страницах исследования не остались без внимания и города Великой Моравии. Не пытаясь сколько-нибудь глубоко проникнуть в суть этой проблемы, К. Я. Грот, тем не менее, дает определение великоморавскому городу. По мнению К. Я. Грота, города («грады», по терминологии источников) были укрепленными от нападения местами, в которых находилась княжеская резиденция, центрами сосредоточения политических и религиозных функций, а также торговых отношений. Великоморавскими городами, вмещавшими в себе все эти функции, историк называет Велеград, Девин и Нитру⁴.

Другой выдающийся русский историк XIX в., Федор Иванович Успенский, прославившийся своими трудами по истории Византии, подробно рассматривает историю Великоморавского государства в своей ранней работе⁵. Для него города Великой Моравии представляют явление как бы само собой разумеющееся, не требующее специального изучения и осмысления. Города выступают здесь, как и в работе К. Я. Грота, как центры концентрации политической и духовной жизни. Значительное место Ф. И. Успенский в своей работе отводит освещению религиозной деятельности Кирилла и Мефодия. В этом исследователе был не одинок. Основное внимание отечественной историографии дореволюционного периода привлекала деятельность в Великой Моравии святых братьев Кирилла и Мефодия, причем подавляющее большинство исследований этого времени рассматривало вопросы, связанные с историей церкви и созданием славянской письменности⁶.

В советский период исследования по истории Великой Моравии по преимуществу были направлены на изучение политической истории Великоморавского государства, в частности на ее отношения с Восточно-Франкским королевством.

В 60-х гг. XX в. в связи с успехами чехословацкой археологии внимание отечественных исследователей начинает привлекать развитие городов Великой Моравии. П. Н. Третьяков на основании материалов проведенных чехословацкими археологами раскопок пришел к выводу, что городские центры Великой Моравии возникали не на пустом месте, градообразовательный процесс протекал, по его мнению, постепенно и занял не менее одного-двух столетий⁷. Важным и новым для науки является вывод о высокой степени концентрированности городских образований на сравнительно небольшой территории Великой Моравии. По мнению П. Н. Третьякова, они являлись производственными ремесленными центрами, а также центрами международной торговли⁸. К сожалению, эти важные положения известного историка и археолога не получили дальнейшего развития.

С 80-х гг. XX в. одним из важных моментов, на котором заостряют в это время свое внимание

исследователи, является вопрос о деятельности святых братьев Кирилла и Мефодия на территории славянских стран. Этому способствовала предстоявшая годовщина смерти святого Мефодия. В 1985 г. вышел в свет сборник научных работ «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение»⁹, который, по признанию авторского коллектива, приобрел в связи с этим событием юбилейный характер. В сборнике значительное место заняли работы чехословацких и советских авторов, касающиеся литературной деятельности святых братьев в Великой Моравии и ее исторического значения¹⁰. Значительная часть материалов сборника была посвящена различным вопросам, имеющим отношение к политической и экономической жизни Великоморавского государства, а также вопросам историографического и источниковедческого характера.

Вторым по степени внимания отечественных славистов периодом истории городов Моравии является период XIII–XV веков. При этом в центре внимания находилась история гуситского движения и его предпосылок.

Города Моравии рассматривались в марксистской историографии советского времени. При этом интерес к ним был обусловлен по преимуществу несходством судеб Чехии и Моравии в гуситскую эпоху. Если в Чехии восторжествовали сторонники гусизма, то в Моравии католическая церковь сохранила свои позиции. Этот факт не могли обойти и отметили авторы общих работ о гуситском движении¹¹. При этом сколько-нибудь полного, убедительного объяснения этого несходства судеб Чехии и Моравии дано не было. Наибольшее внимание истории городов Моравии уделено в исследованиях А. И. Озолина. Он является единственным из отечественных славистов, обратившим внимание на редкую остроту борьбы ремесленников и патрициата в городах Моравии в XIV веке. Однако причины этого явления остались в трудах А. И. Озолина без рассмотрения, как и его последствия. Для изучения истории моравского города большое значение имеет статья А. И. Озолина по новейшей на 1975 г. историографии городов Чехии в предгуситское время. В рамках этой статьи рассматриваются города Моравии в эпоху Средневековья. В основном речь здесь идет о социально-экономическом состоянии некоторых, прежде всего крупнейших моравских городов, таких как Брно, Йиглава¹².

Этот период средневековой истории Чешского государства освещен в общих работах по истории Чехословакии¹³. Во втором томе «Истории Европы» социально-экономическому и политическому развитию городов Центрально-Европейского региона отведен отдельный раздел. Внимание к моравскому городу здесь обращается исключительно лишь в контексте городской истории Чешского государства.

В последнее время ряд работ по истории чешского города опубликовал А. Н. Галямичев¹⁴.

Но вопрос о специфике развития городов Моравии не был в них поставлен. Между тем немецкая колонизация, которая сыграла огромную роль в судьбе городов Чешского королевства, началась в моравских землях раньше, чем в собственно чешских, и проходила с большей интенсивностью. Думается, что подробное рассмотрение истории моравских городов XIII–XV вв. во многом поможет приоткрыть завесу тайны над остающимися неизученными вопросами.

Наименее изученным является период истории городов Моравии, который приходится на время между гибелью Великой Моравии и началом немецкой колонизации. В этот период времени Моравия рассматривается в общем контексте истории Чешского государства, соответственно и моравским городам уделяется внимание лишь как одной из составных частей городской истории Чехии.

В XIX в. историей средневековой Чехии занимался А. Н. Ясинский¹⁵. К городам Моравского региона историк обращается редко, рассматривая их в рамках Чешского государства. По мнению А. Н. Ясинского, чешские города возникали под влиянием опасности военного вторжения соседних государств, в связи с этим города исполняли роль места, защищающего от нападения население. Город делился на две части. Во-первых, место, окруженное стенами, собственно город; во-вторых, посад (*suburbium*), где проживало торговое и промышленное население¹⁶. Основной причиной упадка городов с середины XII в. А. Н. Ясинский называет снижение уровня опасности, исходившей от соседних славянских государств¹⁷.

Таким образом, на наш взгляд, настоятельно необходимо всестороннее рассмотрение целостной картины истории моравского города как одного из вариантов городского развития в Европе. Эта задача не представляется невыполнимой.

Во-первых, имеется богатый фонд источников: письменные источники и постоянно прибывающий археологический материал.

Все основные письменные источники по истории Великоморавского государства были собраны учеными Чехословацкой Республики в пятитомном издании «*Magnae Moraviae fontes historici*»¹⁸. Пятьсот источников были помещены в пять томов, издававшихся с 1966 по 1977 год. В свою очередь, каждый том содержит источники нескольких видов. Так, первый том включает в себя анналы и хроники, а также несколько исторических карт, составленных чешским историком Л. Гавликом; второй том – тексты агиографического характера, среди которых биографии, жития, литургические тексты; третий том содержит грамоты, послания, трактаты и полемические сочинения, тексты, проливающие свет на этнографическую и географическую составляющую Великой Моравии, записки отдельных лиц и данные календарей; в четвертом томе помещены законо-

дательные акты церковных и светских феодалов; в пятом томе мы находим сведения справочного характера, которые дают возможность разобраться в материале предыдущих четырех томов¹⁹.

Письменные источники, в том числе и источники по истории городов моравского региона, содержатся в изданной в 1855 г. Карлом Яромиром Эрбеном «*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*»²⁰ и охватывают период с 600 до 1253 год. Дело Эрбена положило начало дальнейшему изданию источников. Так, к 2005 г. появились еще четыре части, доводя материал до 1355 года²¹.

Наиболее обстоятельным изданием чешских и моравских грамот можно считать «*Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*»²². Выпускать этот свод письменных памятников начал с 1907 г. видный чешский историк Густав Фридрих. Первые два тома были подготовлены и увидели свет еще при жизни историка, третий том вышел уже после его смерти. Первый том содержал в себе грамоты до 1197 г., второй том – документы до 1230 года. До настоящего времени в этой серии вышло шесть томов, сведения которых заканчиваются 1283 годом²³.

Сведения по истории городов Моравии также содержатся в издании «*Fontes rerum Bohemicae*»²⁴. Восемь томов издания выходили в свет с 1873 по 1932 г. и несли в себе богатый фактический материал по истории Чешского государства. Главным образом в них представлены хроники, но также здесь можно встретить и жития святых, жизнеописания великих людей.

С XX в. в дополнение сведений, содержащихся в письменных источниках о городах Великой Моравии, появляется археологический материал. Археологические раскопки ведутся на территории бывших великоморавских поселений, таких как Микульчице, Старе Место, Бржецлав и др. Некоторые итоги исследований, подведенные чехословацкими историками, были опубликованы и на русском языке²⁵. Прежде всего археологические открытия чехословацких историков дают ответы на вопросы, касающиеся социально-экономического развития городов доколониционной эпохи вплоть до XIII столетия. Следует отметить, что в последнее десятилетие внимание чешских археологов все больше привлекает история X–XIII веков.

Во-вторых, еще в XIX в. сложилось особое направление в чешской исторической науке, которое ставило своей главной задачей осмысление специфики моравской истории. В первой половине XIX в. эту задачу поставил перед собой моравский историк Антонин Бочек. Им были изданы с 1836 по 1846 г. пять томов письменных источников по истории Моравии²⁶. Четыре последних тома издания вышли в свет в то время, когда Бочек занимал должность земского архивариуса. Однако в своем патриотическом стремлении Бочек столкнулся с обвинением в фальсификации исторической действительности²⁷.

В издательскую деятельность «Кодекса Бочека» был вовлечен чешско-немецкий историк Бертольд Бретхольц. Его исследовательский интерес был направлен на историю Моравии. При этом Б. Бретхольц ставил перед собой задачу исторически обосновать право немецкого народа на моравские земли.

В числе выдающихся историков – патриотов Моравии следует назвать Беду Дудика. С 1859 г. он был назначен на должность моравского историографа. Так же как и его предшественник Антонин Бочек, Дудик успешно справился с задачей, поставленной перед ним по долгу службы по написанию истории Моравии²⁸. Историком было опубликовано девять томов моравской истории. Научное значение исследовательская деятельность Дудика приобретает еще и потому, что он рассмотрел «темные» для истории Моравии века со времени венгерского нашествия до периода немецкой колонизации.

Традиция изучения своеобразия пути исторического развития Моравии была в значительной мере прервана в 1947 г., когда в Чехословакии были ликвидированы исторические области (в том числе и Моравия) и введено новое административно-территориальное деление страны. Думается, однако, что рассмотрение региональных особенностей развития средневековых городов Моравии способно пролить новый свет как на проблемы истории славянского средневековья, так и на историю славянского урбанизма.

Примечания

- ¹ См. напр.: *Palacký F. Dějiny národy českého v Čechách a v Morave. Praha, 1848*; Чехия и Моравия. СПб., 1871; *Поп И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI в. М., 1978*; *Озолин А. И. Землевладение королевских городов Чехии и Моравии в предгуситское время // Славянский сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1978. Вып. 2 и др.*
- ² *Грот К. Я. Моравия и мадьяры с первой половины IX до начала X века. СПб., 1881.*
- ³ Там же. Предисловие (страницы предисловия в книге не пронумерованы).
- ⁴ Там же. С. 106.
- ⁵ *Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.*
- ⁶ См.: *Ягич И. В. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской письменности. СПб., 1885*; *Он же. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. СПб., 1885*; *Витте Е. В. Святые первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб., 1908*; *Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. СПб., 1868*; *Он же. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868*; *Лавровский П. А. Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом. Харьков, 1863*; *Голубинский Е. Е. Кирилл и Мефодий, главнейшие источники для истории святых Кирилла и Мефодия. Киев, 1878 и др.*
- ⁷ *Третьяков П. Н. Новые данные о Великоморавском государстве // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 77.*
- ⁸ Там же. С. 78.
- ⁹ *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.*
- ¹⁰ *Верещагин Е. М. Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985*; *Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Там же*; *Рогов А. И. Великая Моравия в письменности древней Руси // Там же*; *Турилов А. А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян // Там же*; *Флоря Б. Н. К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии // Там же*; *Щанов Я. Н. «Номоканон» Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Там же.*
- ¹¹ См.: *Озолин А. И. Из истории гуситского движения. Саратов, 1962*; *Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии XIV – начала XV в. М., 1963.*
- ¹² См.: *Озолин А. И. Новейшая чехословацкая литература о чешском городе предгуситского времени // Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1975. Вып. 3.*
- ¹³ См.: *Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988*; *История Чехословакии : в 2 т. М., 1956. Т. 1*; *История Европы : в 8 т. М., 1993. Т. 2. С. 387–392.*
- ¹⁴ См.: *Галямичев А. Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X – начала XIII в.). Саратов, 1995.*
- ¹⁵ См.: *Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве. (X–XIII вв.). Киев, 1865.*
- ¹⁶ Там же. С. 107, 110, 125.
- ¹⁷ Там же. С. 125–126.
- ¹⁸ *Magnae Moraviae fontes historici : in 5 t. Brunae, 1966–77. Т. I–V.*
- ¹⁹ См.: *Лантева Л. П. Свод источников о Великой Моравии // Вопр. истории. 1981. № 10.*
- ²⁰ *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Praegae, 1855. P. I.*
- ²¹ *Ibid. 1892–2005. P. II–V.*
- ²² *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae : in 6 t. Praegae, 1904–1907. Т. I (805–1197); Praegae, 1942*; *Т. II (1197–1230); Praegae, 1962. Т. III(2) (1238–1240).*
- ²³ *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Praegae, 2000. Т. III(3) (1231–1240); Praegae, 2002. Т. III (4) (1231–1240); Praegae, 1962. Т. IV(1) (1241–1253); Praegae, 1965. Т. IV(2) (1241–1253); Praguae, 1974. Т. V(1) (1253–1264); Praegae, 1981. Т. V(2) (1265–1278); Praegae, 1982. Т. V(3) (1253–1278); Praegae, 1993. Т. V(4) (1253–1278); Praegae, 2006. Т. VI (1278–1283).*
- ²⁴ *Fontes rerum Bohemicarum : in 8 t. Praha, 1873–1932. Т. I–VIII.*
- ²⁵ См.: *Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государственности и культуры.*

Прага, 1963; *Он же*. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; *Он же*. Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия. Прага, 1987.

²⁶ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. I–V. Olomuch, Brno, 1836–1846.

²⁷ См.: *Лантева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848). М., 1985. С. 171.

²⁸ См.: *Dudík B.* Dějiny Moravy. Praha, 1875–1884. Díl. 1–9.

УДК 94(5)“15/18”(047.2)

ОБРАЗ И МЕСТО ВОСТОЧНОГО ГОРОДА НА СТРАНИЦАХ ЗАПИСОК АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О. В. Королева

Саратовский государственный университет
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема складывания представлений английских путешественников о восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Через анализ восприятия англичанами городов в восточных странах и их жителей выявляются изобразительные средства, используемые авторами путевых записок при создании образа «чужого». Автор анализирует константы, составляющие образ восточного города, и выявляет механизм конструирования английскими путешественниками «чужого» пространства, подчеркивая общее и особенное в их восприятии разных стран. Работа построена на использовании широкого круга источников, включая дневники путешественников, корабельные журналы капитанов и руководителей восточных экспедиций, воспоминания и описания путешествий, написанные авторами-очевидцами по возвращении домой, письма путешественников своим родным, друзьям и знакомым.

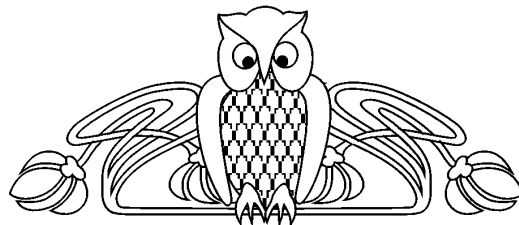
Ключевые слова: образ «чужого», восточные города глазами английских путешественников, восточный город, путешествия англичан в раннее Новое время, записки английских путешественников, диалог культур.

The Portrayal and Place of Eastern City in the Papers of English Travelers, Late 16 – Early 17 Centuries

O. V. Koroleva

In the present papers there is analysis of different views presented in the English travel writings. The purpose was to show what early modern English perceptions of 'Eastern' cities and their inhabitants as 'another' culture were. The author analyzes the constants making an image of east Eastern city, and reveals the mechanism of designing of 'another' space by the English travellers. In the article the common and specific things in their perception of different countries is emphasized. In the English travel writing about the East, a city and inhabitants quickly becomes (become) the focus of the civilized/barbaric binary. That allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-European civilizations during early modern times. The author used a wide range of sources, including diaries of travellers, ship magazines, memoirs and the descriptions of travel written by eyewitnesses upon returning home, letters of travellers to friends and acquaintances.

Key words: early modern English travels, Eastern city through English travellers' eyes, English travel writing, cultural dialogue, portrayal of Eastern "Other".

Представления об иных этносах и культурах, представления о «другом/чужом» являются органической частью духовной жизни общества, неотъемлемой и принципиально важной составляющей национального самосознания. По словам И. Нойманна, без «Другого» субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире, поскольку знание создается в дискурсе, где встречаются сознания»¹.

Дихотомия «свой – чужой» – одна из самых фундаментальных в истории человеческого мышления. Несмотря на то что границы человеческого сознания стремительно расширялись во временном контексте, а познания об окружающем мире углублялись и усложнялись, проблема диалога, преодоления (или использования) стереотипов и в настоящее время продолжает оставаться одной из важнейших в культуре и политике.

Рождение национальных мифов и стереотипов, которые во многом обуславливают восприятие «другого», уходит корнями в прошлое. Поэтому все большее внимание ученых привлекают первые контакты между различными культурами в надежде узнать, как происходит формирование границы между двумя мирами – «своего» и «чужого».

Записки первых английских путешественников на Восток предоставляют возможность изучить процесс конструирования «чужого» пространства и смыслы, которыми оно наделялось в их представлении. Роль «чужого» пространства в нашем случае играет восточный город. Записки англичан, путешествовавших к востоку от Персии в конце XVI – первой трети XVII в., содержат сведения преимущественно о городах Индии, Бирмы (княжества Пегу), Суматры, Явы, Японии и в меньшей степени о Китае. Путешественники оставили больше всего сведений о Могольской империи, поскольку с самого начала ключевую роль для Ост-Индской компании в регионе играли ее отношения с этим государством. Неудачно сложившиеся отношения Англии с Китаем объясняют скудость сведений о китайских городах.

Выбор города в качестве площадки, где происходит соприкосновение культур, представляется

интересным, поскольку образ города вмещает в себя множество разнообразных образов и культурных символов, впечатления, реакции, эмоции от соприкосновения с «чужим» пространством, которые, по словам Саида, рождали так называемую воображаемую реальность, или «воображаемый мир»².

Английский путешественник пришел из мира, для которого были характерны высокая активность индивидуумов и их направленность на контакты с внешним миром, на его покорение, стремление к утверждению собственной исключительности. Для неевропейских стран, куда он попал, были характерны тяготение к устойчивости, самодостаточности и замкнутости и безразличная толерантность к внешним факторам. Это столкновение двух миров – «своего» и «чужого» – нашло отражение в описании англичанами восточных городов и их жителей.

Будучи часто торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, англичане имели преимущественно прагматический интерес к Востоку, поэтому «знакомство» с ним протекало в обстановке приспособления «чужого» к собственным нуждам и интересам. В английском обществе, испытывавшем огромное воздействие пуританства, с одобрением воспринималось только то, что соответствовало критерию «полезности». Рассказы о неистожимых ресурсах и бесконечных богатствах Востока, обещавшие англичанам высокие прибыли и доходы, были призваны упрочить веру их соотечественников в необходимость рискованных мероприятий. Отсюда и интерес прежде всего к городам как центрам торговли, ремесел и администрации.

В рассказах англичан, представляющих собой в большинстве своем путевые отчеты, города являются основными «узлами» маршрута путешественника и представляются частью торгового пути. Если англичанин находил в городе то, что могло бы ему пригодиться в коммерческих интересах, он удостаивал город оценок «хороший» и «привлекательный» и продолжал заполнять его пространство в своих рассказах различными подробностями, отступлениями личного и практического характера. Города, таким образом, становились узлами повествования.

Не оставили равнодушными иностранных купцов восточные базары с ценными высококачественными хлопчатобумажными, шелковыми тканями, пряностями, индиго, сахаром и другими товарами, экспорт которых сулил европейцам большие доходы. Если базар был большой и регулярный, а ассортимент товаров устраивал англичан, то город, где он находился, получал восторженные отзывы³. Как отмечали путешественники, приносили известность городам и местные ремесленники, слава о которых распространялась далеко за пределы не только самих городов, но и стран⁴.

Например, в представлении всех английских путешественников город Сураат был наделен

всеми достоинствами: он был большим, многолюдным, богатым и известным. Несмотря на то что Т. Герберт ставил Сураат на 3-е место после Камбея и Ахмадабада среди «лучших» городов Могольской империи, он ничуть не сомневался, что «позже этот город станет самым большим торговым городом в Индии»⁵. Вероятно, его уверенность подкреплялась и тем фактом, что в Сураате находилась английская фактория, которая также «прославит» город.

Путешественники Т. Кориэт и У. Финч называли Лахор «одним из самых больших городов Востока»⁶, «вероятно, не менее шестнадцати миль в окружности, с которым не может сравниться даже Константинополь»⁷. Главной причиной процветания города путешественники называли торговлю. В рассказе Э. Терри Лахор представляется «главным рынком всей Индии»⁸. Р. Стил и Дж. Кроузер в своем журнале подчеркивали важную роль Лахора в караванной торговле. По сведениям путешественников, здесь собирались торговцы со всей Индии, чтобы «вложить большую часть своих денег в товары» и с караванами отправиться в Персию, несмотря на все опасности, которые их поджидали в горах Кандагара⁹.

Самым большим городом на Яве, по сведениям английских путешественников, был Бантам. Э. Скот писал о нем как об «очень густонаселенном», но не называл большим. Вероятно, на его восприятие Бантама повлияло то, что здесь, по его словам, он не увидел никаких ценных вещей, кроме перца, который привозился сюда для продажи¹⁰, да и тот в последнее время стал скупаться голландцами в местах выращивания.

Образ восточного города, созданный англичанами на страницах их записок, является крайне схематичным – удобным для изучения. Целостность ему придавало кольцо стен, которые отделяли город от сельской местности, воспринимаемой путешественниками через образы диких животных, экзотической флоры, полей и пастбищ. Чаще всего город являл себя путешественнику неприступной крепостью, несмотря на то что подавляющее большинство описаний ограничивается лишь краткой военной информацией. В глазах путешественников хорошо укрепленные города были символом сильной власти восточных правителей, от которых зависели судьбы не только подданных, но и самих городов. Например, индийский город Сураат, укрепленный стеной с бойницами и орудийными башнями, представлялся англичанам неприступным городом, готовым к встрече с врагами. По сведениям Т. Герберта, в городе постоянно присутствовал гарнизон из 200 всадников, а расположенные на крепостных валах многочисленные орудия были хорошими¹¹. Описание Р. Фитчем бирманского города Пегу также начинается с оценки надежности его защиты. На взгляд англичанина, каменная стена, окруженная большим рвом, где для устрашения

плавали крокодилы, надежно защищала город от внешней опасности¹².

При передвижении путешественника внутри городского пространства город представлялся ему совокупностью различных построек гражданского и культового характера. Образ восточного города рождался в процессе взаимодействия с личными представлениями путешественника, поскольку, останавливаясь в очередном городе на своем пути, англичанин не столько давал его описание, сколько выражал свое отношение к организации городского пространства: комфортности жилищ, качеству улиц, степени безопасности проживания, наличию «хорошей» воды и т. д.

Так, английский посол Т. Роу, столь строгий в оценке «чужой» действительности, не скупился на похвалы индийским садам. Англичанин не остался равнодушным при виде парка в индийском городе Тода. Даже присутствие языческих храмов и алтарей не помешало Т. Роу признаться в том, что «бедный ссыльный англичанин, возможно, был бы рад жить здесь»¹³. Зато в другом городе, Бурханпуре, Т. Роу устроил скандал из-за того, что жилье, предоставленное ему котвалом, показалось убогим и не соответствующим его статусу посла. По словам англичанина, у «серaley» были красивый каменный фасад и сводчатая крыша. Но когда Т. Роу вошел внутрь, то попал в тесные комнаты с голыми кирпичными стенами¹⁴. Поэтому англичанин предпочел спать в своей палатке, отправив котвалу письмо с угрозами и требованием предоставить лучшее жилье, достойное посла. Однако вскоре он убедился в том, что предоставленное ему жилье оказалось лучшим в городе, поскольку все дома были глиняными, кроме тех, что принадлежали сыновьям Джахангира.

Оценка восточных городов другими путешественниками также отражала их личное отношение к увиденному. У. Финч в своем журнале описывал Агру «большим городом и таким многолюдным, что невозможно пройти по узким и грязным улицам»¹⁵. П. Манди, рассказывая о правителе Патны, который заботился о благоустройстве города, отмечал, что правитель «заслужил уважение горожан», заложив красивый сад на берегу реки¹⁶.

В представлении английских путешественников Япония выделялась среди других восточных стран не только хорошими дорогами, но и «заботливыми» властями. По словам Р. Кокса, правитель Хирано лично контролировал состояние улиц в городе. Горожане были обязаны приводить улицы в порядок перед праздниками или после тайфунов. Местные власти следили за исполнением этого указа и сурово наказывали тех, кто посмел ослушаться. Р. Кокс часто был свидетелем того, как каждый житель Хирано с «большим усердием» приводил в порядок участок перед своим домом: делал водосточные каналы, посыпал новым гравием улицу, вывешивал фонари для ее освещения¹⁷.

В восприятии английскими путешественниками «чужого» пространства отсутствует четкость модели, построенной на бинарных оппозициях типа «Запад/Восток», «свой/чужой». Зачастую религиозные различия, которые в Средневековье играли главную роль в создании европейского образа Востока, отступали на второй план, чтобы подчеркнуть экономическую и политическую вражду между конкурирующими европейскими странами. Таким образом, голландцы и испанцы, угрожающие благополучию и успеху англичан в этом регионе, становились более «чужими», чем «идолопоклонники» с Малайского архипелага.

Английские путешественники, которым предстояло устранить конкурентов и защитить свои права на бесконечные богатства и возможности в этом регионе Востока, были готовы заключить союз с «чужими» неевропейцами против «других» европейцев, угрожающих благополучию и успеху «своей» нации¹⁸. Поэтому в записках они сочувствовали «бедным и несчастным» жителям острова Борнео, находящимся во власти «жадных и ненасытных до золота» испанцев¹⁹. Они возмущались «вероломством» своих «братьев-христиан» голландцев в Амбойне, которые по-варварски «заманили английских торговых агентов на праздник под предлогом дружбы и убили их к вечному позору своего народа»²⁰.

Примечательно, что в своих записках англичане критиковали внешний облик не только восточных жителей, но и голландцев, которые были их непримиримыми соперниками в торговле. Э. Скот не случайно 17 ноября каждого года одевал своих людей в королевские цвета и проводил парад в честь дня коронации в попытке отделить англичан от голландцев, которые, по словам путешественника, имели в Бантаме дурную репутацию пьяниц и беспутников²¹. Англичане «презирали» голландцев даже за их «жалкое одеяние». Скот пишет: «Наши мужчины были в опрятном одеянии, с цветными шарфами и лентами на шляпах; они (голландцы. – О. К.) в засаленных нитяных шапках, просмоленных куртках, а их рубашки, которые были у каждого, свисали между их ногами»²².

Сочинения английских путешественников имели разную эмоциональную окраску, поскольку отношение, идеи, стереотипы отдельных путешественников играли не последнюю роль в восприятии «чужой» среды.

Так, чаще всего жителей Могольской империи, Японии и Китая английские путешественники называли «невежественными» за отсутствие у них «хороших», на их взгляд, моральных качеств и наличие практически всех известных пороков, таких как жестокость, леность, распутство, хитрость, неискренность, гордость, высокомерие и т. д. Например, все жители Индостана, в восприятии Э. Терри, выглядели «трусливыми» и «малодушными» в сравнении с европейцами. Он с уверенностью заявлял, что никакое оружие не помогло бы местным жителям, предпочитавшим

«браниться, а не сражаться», «противостоять настоящему храброму человеку, вооруженному наилучшим образом»²³. Так же и жители Бантама, по словам Э. Скота, предпочитали выяснять отношения «не лицом к лицу» в честном бою, а мстить врагу исподтишка в силу своего «трусливого нрава»²⁴.

Вместе с тем другие путешественники предупреждали, что в действительности не стоит доверять первому впечатлению и недооценивать восточных жителей. Среди них Т. Герберт, который рассказывал о войнах-кшатриях, которые до прихода моголов были хозяевами Индостана и «без колебаний проливали кровь»²⁵. Также он был убежден в том, что португальцы «обманываются», думая, что «легко победить голых и неграмотных» аборигенов Малабара²⁶. По его словам, сама природа научила этих прирожденных воинов различными способам защиты. Более того, баня, которых Т. Герберт встретил в Каликуте и Куилоне, он наделил в своем описании многими человеческими добродетелями²⁷. Они, по его словам, «не ведут разгульный образ жизни», «не высокомерны», «нравственно честные и обходительные, сдержанные по темпераменту, прилично одеты, умеренны в еде, искусны в работе, щедры к нуждающемуся, застенчивы и милосердны»²⁸. Что же повлияло на столь высокую оценку Гербертом малабарских баня? В восприятии англичанина баня обладала признаком «цивилизованности» – участвовали в торговле, в том числе и с англичанами. Герберт приветствовал их трезвый практический ум и ставил в заслугу процветание этой «известной и богатой части Индии», несмотря на «деспотичность» правителя Малабара²⁹. Его высказывания служат подтверждением того, что зачастую представления путешественников о местных жителях напрямую зависели от возможностей, которые открывались перед ними в той или иной восточной стране или ее регионе.

Таким образом, одни авторы были более безжалостными в своих суждениях о «диких» поведенческих и обычаях чужой страны, другие с большим «пониманием» и терпимостью относились к тому, с чем встретились в восточных странах. Тем не менее отношение к неевропейским ареалам подспудно всегда оставалось двойственным. Отношение к Востоку в целом со стороны английских путешественников колебалось между презрением к чему-то заведомо известному своей «дикостью» и «варварством» и трепетом восхищения от его новизны или даже страхом перед ней.

Европейские путешественники не случайно акцентировали внимание на жестокости, пытках и обыденности вынесения смертных приговоров в восточных странах, поскольку это затрагивало самое фундаментальное право человека – право на жизнь. Стоит заметить, что в этом плане Запад не уступал Востоку. Видимо, в основе противопоставления восточных «зверства» и «жестокости» западным ценностям было разное

отношение к личности, которое европейцы хотели подчеркнуть.

В записках путешественников описания законов и порядков в восточных городах в большинстве своем очень похожи друг на друга. Лишь правовая система Японии несколько отличалась от других стран в восприятии англичан. По представлениям английских путешественников, она настолько переплеталась с обычаями, что порою за нарушение моральных норм налагалось более суровое наказание, чем за убийство, что вызывало их непонимание. А наиболее тяжким и «постыдным» среди преступлений считалось нарушение отношений между сюзереном и вассалом. Тем не менее порядок в стране, дисциплина и законопослушность поданных английские путешественники ставили в заслугу «мудрому» правителю и жесткому контролю во всех сферах жизнедеятельности. У. Адамс признавал безупречным управление Японией. В письме к жене он писал, что «ни в одной стране мира не найти лучшего управления государством», и признавал это правление «цивилизованным»³⁰. У. Адамс отмечал эффективность судебной системы и утверждал, что никому не удавалось уйти от наказания. По его словам, японские города жили по строгим законам, так что даже ночью можно было без опаски пройти по их улицам³¹.

Его слова находят подтверждение и в отзывах о пребывании в Японии другого английского путешественника, Артура Хатча. Он отдает должное ее правлению и признает, что в этом отношении она «может выдержать сравнение со многими, если не большинством в Христианском мире»³². Далее А. Хатч продолжает, что, несмотря на то что у «императора всего пять личных советников», государство управляется «мудро, искусно и осмотрительно», чтобы «предотвратить государственные измены и восстания, соблюсти закон и сохранить мир и спокойствие»³³. Высокая раскрываемость преступлений в Японии и доведенная до автоматизма законопослушность позволяли англичанам не опасаться за свои жизни даже ночью, что было практически невозможно в Англии. Если же возникали столкновения с «аборигенами», то исключительно по вине англичан, злоупотреблявших разгульным образом жизни и ни во что не ставивших местные традиции.

Вопреки своим средневековым истокам «дикарь» в записках английских путешественников мог стать добродетельным, «варвар» – героем. Так, У. Финч, прибывший с У. Хоукинсом в 1608 г. в Индию, рассказал о подвиге одного раджпутского «капитана», спасшего могольского правителя. По его сведениям, 6 января 1611 г. «король», будучи на охоте, чуть было не стал жертвой «свиного льва»³⁴. Только бесстрашие и преданность этого раджпута, не побоявшегося сунуть свою руку в пасть «льву», спасли «Великого Могола» от печальной участи, хотя сам «капитан» в борьбе со зверем получил 32 раны³⁵.

В своих записках английские путешественники не только приписывали восточным правителям всевозможные пороки и недостатки. Они не были лишены и высоких моральных качеств. Так, по словам Э. Терри, характер Джахангира «удивительно сочетает в себе противоположные крайности»³⁶. По его словам, временами он может быть чрезвычайно жестоким, тогда как в другое время – очень милосердным. Среди его «добрых дел» Терри называл ежедневную помощь бедным и добросовестное исполнение сыновнего долга по отношению к матери³⁷. Т. Кориэта восхищался Акбаром, который в путешествии между Лахором и Агрой, переходя через реку, нес паланкин матери на собственном плече и приказал помогать ему своим вельможам³⁸. Путешественник отмечал, что «Великий Могол» был особенно добр в свой день рождения³⁹. Каждый год в этот день он взвешивался на золотых весах. Падишах становился в одну чашу, а другая заполнялась большим количеством золота, которое равнялось его весу. Впоследствии все это золото, как пишет Кориэт, раздавалось бедным. Очень часто восточные правители изображались «храбрыми и отважными» воинами.

При контактах с другими культурами люди склонны судить о чужих культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия ценности собственного этноса. Так и английские путешественники при встрече с неизвестными им странами к востоку от Инда воспринимали и оценивали восточные культуры, как и поведение их представителей, через призму своей культуры. То, что они увидели либо хотели увидеть здесь, отклонялось от норм, обычаев, типов поведения собственной культуры. Эти «чужие» люди не соответствовали не только сакральным, но и морально-нравственным ценностям англичан. Многие поступки и качества восточных людей казались странными европейским путешественникам и совершенно неприемлемыми для «цивилизованного» общества.

Ставя собственную культуру в центр мира, англичанин был уверен в абсолютно непоколебимой «праведности» его брата по вере. Поэтому, столкнувшись с «несправедливостью» в восточных странах, он обвинял китайцев в Бантаме и бания в Индии, готовых пойти на «всевозможные ухищрения, которые только можно придумать» ради собственной выгоды. Так, Р. Фитч называл индусов «хитрыми людьми, хуже евреев»⁴⁰. Индусы-торговцы в Могольской империи представлялись Т. Герберту не только «чрезмерно суеверными» варварами, но и «лукавыми, как дьявол, за внешним спокойствием и дружелюбием которых скрывается лицемерие, большими мошенниками в отношении доверчивых торговцев»⁴¹. Английский путешественник апеллировал к христианскому принципу, согласно которому страшным грехом считались присвоение чужого имущества и обман. В то же время для самого европейского горожанина богатство было главной целью деятельности

человека, а средства, чтобы обзавестись им, могли быть любыми – торговля, обман и хитрая афера⁴².

В то же время качества, которые в глазах англичан выглядели похожими на их собственные, вызывали их одобрение. Например, христианский принцип «не убий» они соотнесли с индийским принципом непричинения вреда живым существам – ахимсой. Поэтому индусы, не употреблявшие в пищу мяса и заботившиеся о животных, в их записках представлены людьми «милосердными» и «доброго нрава».

Путешествуя вдали от знакомого мира в поисках новых возможностей, английский путешественник изначально знал, что он встретится с отклонениями от привычного ему, с тем, что не соответствует его нормам и ценностям. Вместе с тем ему недостаточно было стать «открывателем» и «исследователем». Путешественник должен был вернуться назад героем, найдя способ «одержать верх» над «чужим» и провозгласив, что его собственные культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные.

Но столкнувшись с мощными и самодостаточными странами с богатыми торговыми городами, прекрасными столицами и дворами восточных правителей, похожими на сказку, англичане испытали некоторое замешательство, а их уверенность в собственной исключительности выглядела не столь убедительной и даже судьба торговых отношений не казалась безоблачной. Перед англичанами вставала задача чем-то компенсировать такую «несправедливость», повысить свой престиж, прежде всего в собственных глазах и глазах соотечественников, показать превосходство английской культуры над этой «чужой». «Защищаясь от тревожного влияния Востока»⁴³, в своих рассказах они осуждали восточного жителя уже за то, что он «чужой», ему приписывали многочисленные дурные качества, на фоне которых можно было с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ.

Английские путешественники, описывая реалии восточной жизни, стремились противопоставить самих себя «чужакам». Тем не менее необходимо отметить, что в некоторых случаях английские путешественники были не прочь сами стать «варварами», участвуя в восточных забавах, пиршествах и наслаждаясь другими радостями восточной «сказки». Так, обвиняя в злоупотреблении горячительными напитками японцев, которые, по словам А. Хатча, в разгар застолья становились «гневными, раздражительными и яростными»⁴⁴, сами англичане были всегда гонимыми местными «таверен и борделей»⁴⁵. Исключительно по вине англичан возникали столкновения с «аборигенами». Поэтому правитель Хирадо по требованию руководства английской фактории был вынужден издать указ, по которому «ни один японец не должен впускать англичан после захода солнца под угрозой серьезного штрафа»⁴⁶. По словам Р. Кокса, указ даймё сильно ударил по

англичанам, которые были «любителями выпить». Однако и в этом случае английские путешественники были склонны обвинять «чужую» среду и предупреждали о «вредности» пребывания в восточных странах, особенно «для тех, кто злоупотребляет горячительными напитками»⁴⁷.

Городское пространство в восприятии путешественника приобретало вместе с рациональным смыслом и эмоциональный. Хотя любознательность и не была главным мотивом плаваний европейцев в заморские страны, всевозможные перформативные акции являлись неотъемлемой частью их рассказов. Однако языческие ритуальные действия, церемонии и праздники выглядят в записках англичан не столько пугающей, сколько привлекательной экзотикой.

Английские путешественники уделяли большое внимание «суевериям» восточных жителей, которые они описывали с «просвещенной ироничностью»⁴⁸. Встречая такую снисходительность, трудно даже представить, что Западная Европа совсем недавно с большим трудом оправилась от собственной истерии вокруг ведьм, причем вера в ведьм процветала на всех социальных и культурных уровнях⁴⁹. Чаще всего путешественники иронизировали над религиозными практиками горожан и насмехались над «языческими верованиями» и богами, которым они поклонялись. Зачастую они склонялись к мнению, что предрасудки распространяли мусульманские и языческие «священники», злоупотребляя доверчивостью «наивных» и «глупых» людей. Однако даже в описании самых невероятных для англичан языческих культов они проявляли любознательность и неподдельный интерес.

Но лишь Т. Кориэт признавался открыто в том, что намеренно проделал большой путь из Англии в Индию, чтобы «насладиться» подобными сценами. Любопытство заставило его задержаться в Агре, чтобы совершить путешествие к «известной» реке Ганг, где он надеялся увидеть «незабываемую встречу идолопоклонников»⁵⁰. Несмотря на то что этот обряд индусов представлялся Кориэту «самым отвратительным и нечестивым суеверием этих неразумных язычников, чуждых Христу», он признавался, что с удовольствием хотел бы увидеть и многие другие «странные» церемонии⁵¹. По его словам, «ни в этой *Великой Азии*, ни в *Малой*, теперь называемой *Натолией*», нельзя было увидеть подобных зрелищ, ради которых он не зря проделал большой путь⁵². Любопытство в данном случае преобладало над религиозными убеждениями.

Не последнюю роль в создании образа «чужого» играло то, насколько увиденное соответствовало воображению и ожиданиям. Воображение англичан рисовало «неистощимый» склад специй, предметов роскоши и сырья и «ненасытный» рынок для английских товаров, которые они найдут в далеких странах. Восприятие городского пространства и морально-нравственная оценка

жителей восточного города зависели от того, что они могли предложить англичанам и насколько были готовы участвовать в торговле, выгодной для Англии.

Анализ записок путешественников позволяет выявить некоторые особенности в восприятии восточных стран и их жителей. На вершине своеобразной иерархической лестницы находился недоступный для англичан Китай, идеализированный образ которого по-прежнему манил их. Все попытки Англии завязать прямую торговлю с этой страной терпели неудачу. В 1630-е гг. в Минской империи капитаны Ассоциации Куртэна так испортили отношения с кантонскими властями, что англичане были объявлены врагами Китая и торговля с ними была запрещена навсегда. Лишь в 1685 г., когда 4 китайских порта были открыты для иностранной торговли, англичане смогли осуществить свою мечту⁵³. Ост-Индской компании удалось открыть факторию в Кантоне лишь в 1715 году.

Англичане довольствовались сведениями, полученными из вторых рук. Они получили возможность познакомиться с городами Китая по отчетам католических монахов, «Книге» Марко Поло, рассказам португальских путешественников, а также описаниям английского рыцаря Джона Мандевиля. Англичан манил идеализированный образ Китая, который, по их словам, «обладает всевозможными вещами, необходимыми для жизни», которые могли бы быть доступными для торговцев⁵⁴. Так, по сведениям Т. Герберта, в этом «королевстве», которое, по его словам, «столь же большое, как и богатое», насчитывается «2000 обнесенных стенами городов, 4000 городов без стен, 1000 замков и бесчисленное количество деревень, в которых проживает более 60 миллионов человек, не считая женщин и детей, что в 4 раза больше, чем во всей Франции», и 120 базаров⁵⁵.

За негостеприимный прием в китайских городах пришлось «отвечать» их жителям, которые в представлении английских путешественников не были лишены признаков «дикости». Так, «алчные» китайцы, которых Э. Скот встретил в Бантаме, в его восприятии выглядели готовыми пойти на «всевозможные ухищрения, которые только можно придумать» ради собственной выгоды. Он пишет, что не стоит им доверять в торговых отношениях, поскольку они «лукавы в торговле» и могут «предать самым подлым образом»⁵⁶.

Англичане не могли стерпеть бахвальства китайцев, которые возносили себя выше европейцев в области научных достижений. Т. Герберт возмущался их заявлениями о том, что китайцы «видят обоими глазами, европейцы – одним, а остальные люди – слепые», и был непоколебим в своих убеждениях, что в успехах и изобретениях китайцам далеко до европейцев⁵⁷. В его глазах китайцы выглядели всего лишь высокомерными и хвастливыми людьми. Несмотря на эти отзывы, в представлениях английских путешественников

недоступный Китай по-прежнему оставался бастионом политической стабильности и экономического процветания, а китайцы – искусными и трудолюбивыми ремесленниками.

За пределами цивилизованного мира, в глазах англичан, оказалась Юго-Восточная Азия, особенно страны и жители островов Малайского архипелага. Не последнюю роль играло то, что англичане не смогли сломить господства голландцев в этом субрегионе и получить желанного доступа к специям. Путешественники заботливо включали главного торгового партнера Ост-Индской компании – Могольскую империю (по крайней мере ее города) – в более цивилизованный ареал.

Необходимо отметить, что даже отсутствие одежды на жителях восточных городов путешественниками воспринималось по-разному. Например, в том, что жители Молуккских островов ходили без одежды, «не заботясь о том, чтобы скрыть свой срам», они усматривали признак распущенности и дикости. Питер Хейлин в своей работе «Космография», написанной на основе рассказов путешественников и изданной в середине XVII в., аборигенам Молуккских островов дает такую оценку: «Их невозможно цивилизовать совместным проживанием с более благопристойными и цивилизованными народами»⁵⁸. Т. Герберт не рекомендовал своим соотечественникам останавливаться на острове Целебес, который, по его словам, был «адом на земле» и населен «дурными людьми, которые все до единого являются наихудшими из дикарей и людоедами»⁵⁹.

В то же время если нагота жителей Молуккских островов и Целебеса для англичан фактически была свидетельством развращенности, в Могольской империи это было характеристикой представителей низших слоев общества. Присутствие «голых аборигенов», которых англичане видели на улицах городов, не оказало большого влияния на восприятие ими мощной и богатой страны, перед которой они испытывали некое замешательство и неуверенность. Поэтому о наготе ее жителей они упоминали вскользь, чтобы быстро перейти к восхвалению «величия» и богатства высших слоев общества.

Особняком в этой иерархии стояла Япония. Несмотря на то что и она не избежала негативных эпитетов в свой адрес за видимую непохожесть на «свое», страна, ее города и жители в описании англичан выглядят не такими «чужими». Для Ост-Индской компании и ее представителей была очевидной привлекательность этой страны с послушным народом и перспективным рынком сбыта английской шерсти, к тому же находящейся в разногласии с католическими странами. В своих записках путешественники, окрыленные радужными перспективами торговли с Японией, возможностью основать факторию и шатким положением здесь португальцев и испанцев, расточали похвалы «любезным», «бесстрашным» и «цивилизованным» японцам, их «разумному» правлению,

«строгую» и «беспристрастную» правосудию. Свою роль сыграла и островная психология англичан, которые отмечали изолированность Японии от других восточных стран и даже находили сходство японца в его «благопристойных» делах со старым английским пуританином.

Рассказам путешественников предназначалось быть практическим руководством к действию в «чужой» среде, поэтому они не столько рассказывали об увиденном, сколько предупреждали о возможных опасностях и проблемах. В стремлении повысить свой «престиж» и отделить «своих» от «других» англичане не избежали поверхностных обобщений. Описания ими городов различных стран выглядят несколько стандартными и шаблонными. Англичанин занимал позицию любопытного, но не очень глубокомысленного путешественника, который бросает на окружающий мир скользящий взгляд и отмечает, скорее, внешние черты нового для него мира. Воображаемый Восток продолжал играть роль места, где они могли реализовать свои амбиции.

Английских путешественников можно обвинять в пристрастности и стремлении реализовать свои амбиции при описании ими восточных городов. Однако исследование представлений англичан о восточном городе позволяет сделать вывод, что механизм восприятия «чужой» среды был более сложным. Даже если что-то шло вразрез с убеждениями англичан или настораживало их, они не всегда спешили рассматривать это как проявление чего-то плохого или отсталого. Показательны в этом случае слова священника Э. Терри, который предупреждал, что «не существует страны без неудобств и затруднений; поскольку мудрый Управляющий всеми земными делами учит человечество, что нет никакого истинного или полного совершенства, которое можно найти только в божьем царстве»⁶⁰.

Примечания

- 1 Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М., 2004. С. 40.
- 2 Сауд Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. яз. А. В. Говорунова. СПб., 2006. С. 147.
- 3 Например, см.: The voyage of Mr Ralph Fitch... // The principall navigations, voyages, and discoveries of the English nation... / ed. by R. Hakluyt. Vol. 2. L.: By George Bishop and Ralph Newberie..., 1599. P. 252, 260; Sir Thomas Herbert Baronet, his travels, begun in 1626, inti divers parts of Africa and Asia Major and in India... // Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, a compleat Collection of voyages and travels... / ed. by H. Jonh. Vol. II. L., 1705. P. 423.
- 4 См.: A Journall of the journey of Richard Steel and John Crowther... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. L.: Imprinted for H. Fetherston, 1625. P. 520; Extracts of a Tractate, written by

- Mr. Nicholas Whittington... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 483 ; A relation of a voyage to the Eastern India. Observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 9. P. 1467, 1470, 1471.
- ⁵ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 411.
- ⁶ Observations of William Finch, merchant, taken out of his large journall // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 432.
- ⁷ A Letter of M. Thomas Coryat, which travelled by land from Ierusalem to the Court of the Great Mogul, to Mr. L. Whitaker, dated in the Year 1615 // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 593.
- ⁸ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1467.
- ⁹ Journall of the journey of Richard Steel and John Crowther... P. 520.
- ¹⁰ A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences; written by Mr Edmund Scot, containing a History of Things done from the 11th February, 1602, till the 6th October, 1605, abbreviated // Hakluytus Posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 164.
- ¹¹ См.: Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 411.
- ¹² См.: The voyage of Mr. Ralph Fitch... P. 258.
- ¹³ Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 541.
- ¹⁴ Ibid. P. 540.
- ¹⁵ Observations of William Finch... P. 428.
- ¹⁶ The travels of Peter Mundy in Asia (1625–34) // Amazons, Savages, and Machiavels: Travel and colonial Writing in English, 1550–1630. An Anthology / ed. by A. Hadfield. Oxford, 2002. P. 233.
- ¹⁷ Relation of master Richard Cocks... P. 398.
- ¹⁸ Robert Markley. Riches, power, trade and religion: the Far East and the English imagination, 1600–1720 // Renaissance Studies. 2003. Vol. 17, № 3. P. 499.
- ¹⁹ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 464.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ См.: Lach D. F., Van Kley E. J. Asia in the making of Europe. Vol. 3. A Century of Advance. Book 1: Trade, missions, literature. Chicago, 1998. P. 552.
- ²² A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences; written by Mr Edmund Scot... P. 167.
- ²³ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1476.
- ²⁴ A Discourse of Java, and of the first English Factory there... written by Mr Edmund Scot... P. 165.
- ²⁵ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 423.
- ²⁶ Ibid. P. 458.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ См.: Adams W. Memorials of the Empire of Japan... / ed. by T. Rundall. L., 1850. P. 44.
- ³² Hatch A. A letter toughting Japon whirh the government, affaires and later occurrents there writing to me by master Arhtur Hatch // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 10. P. 1701.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ В ранних рассказах путешественники в Индию называли львами тигров.
- ³⁵ Observations of William Finch... P. 430.
- ³⁶ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1481.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ См.: Coryat T. Certaine Observations witten, by Thomas Coryat // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 600.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ The voyage of Mr Ralph Fitch... P. 254.
- ⁴¹ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 411.
- ⁴² Ванина Е. Ю. Ценностный мир средневековья (Опыт сравнения Индии и Западной Европы) // Ценностные ориентиры индийского общества / под ред. Л. Р. Полонской и др. М., 2003. С. 94.
- ⁴³ Саид Э. В. Указ. соч. С. 262.
- ⁴⁴ A letter touching Japon... by master Arthur Hatch... P. 1702.
- ⁴⁵ Cocks R. Relation of master Richard Cocks cape merchant... are added divers Letters of his and others // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 396.
- ⁴⁶ Ibid. P. 397.
- ⁴⁷ The second voyage of Captain Walter Payton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 533–534.
- ⁴⁸ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003. С. 468.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ A Letter of M. Thomas Coryat from Agra, the Capital City of the dominion of the Great Mogul in the Eastern India, the last of October, 1616. P. 598.
- ⁵¹ Ibidem.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ См.: Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003. С. 91–92.
- ⁵⁴ Heylyn P. Cosmographie. Cosmographie. L., 1657. P. 865–866.
- ⁵⁵ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 464.
- ⁵⁶ A Discourse of Java, and of the first English Factory there... written by Mr Edmund Scot... P. 166–167.
- ⁵⁷ Sir Thomas Herbert's travels from in India... P. 466.
- ⁵⁸ Heylyn P. Op. cit. P. 918.
- ⁵⁹ Sir Thomas Herbert's travels in India... P. 463.
- ⁶⁰ A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1471.

УДК 9(470) «18»

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГОДОВ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университета
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования корпуса военных корреспондентов в период Восточного кризиса середины 70-х гг. XIX века. Разбираются взгляды русских корреспондентов на причины и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., также проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: военные корреспонденты, Восточный вопрос, дискуссия, Военное министерство, русская армия.

To a Question of Formation of the Case of War Correspondents in Russian-Turkish War 1877–1878

S. A. Kochukov

In article process of formation of the case of military men correspondents in East crisis of the middle of 70th of XIX-century is considered sights of Russian correspondents at the reasons and a course of Russian-Turkish war 1877–1878 as parallels in history between Russia and Balkan States are spent Understand.

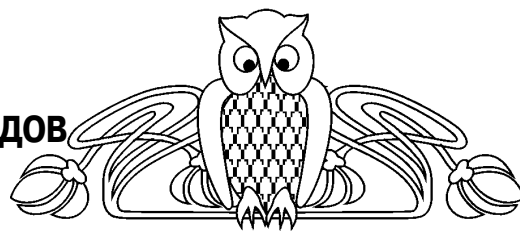
Key words: war correspondents, East question, discussion, Ministry of Defence, Russian army.

В истории XIX в. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. занимает особое место и является одним из важнейших событий, оказавших влияние на исторические судьбы ряда европейских народов. Эта война была не единственным столкновением Российской и Османской империй и далеко не единственным примером тех жестоких дипломатических игр, которые прикрывались идеями мира, а на деле, пытаясь обеспечить себе мировое господство, вели европейские державы против то ли союзника, то ли противника – России, страны непонятной и непредсказуемой.

Роль Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. проявилась в том, что был нанесен серьезный удар по господствовавшему и в Европе, и в России имперскому сознанию.

Именно благодаря наличию имперского сознания и его господству в умах Османская империя могла держать в повиновении страны чуждой ей культуры. Но абсолютно так же вели себя и крупные европейские державы, претендовавшие на господство в разных регионах.

Вспышка национального самосознания на Балканах была не случайна и заставила большинство европейских государств смотреть на ситуацию глазами граждан не метрополии, а колоний. Безусловно, все формы общественного протеста

и сочувствия угнетенным «славянским братьям» в России – Славянские комитеты, различные благотворительные общества, выступления в прессе – были порождены именно этим внезапным новым взглядом. Неслучайно именно в это время Россия решает помочь «православным братьям» в их борьбе против поработителей. Общественный подъем был подогрет публикациями, выступлениями военных корреспондентов и общественных деятелей разного толка, большинство из которых называло войну и национально-освободительное движение на Балканах справедливыми и необходимыми. Мощное средство в общественно-политической борьбе – слово – формировало сознание и влияло на создание поведенческих моделей. Яркие обличительные и в чем-то новаторские статьи русских журналистов, появившиеся в прессе накануне и во время войны с Турцией, несомненно способствовали формированию определенной позиции по отношению к событиям на Балканах. Большая часть русского общества, соприкасающаяся с печатным словом, восприняла помощь единоверцам как обязательный, непреложный факт, дающий смысл существованию долга христианина и гражданина.

В отечественной и мировой историографии, несмотря на то что события на Балканском полуострове были представлены достаточно подробно, нет ни одной полномасштабной работы, где рассматривалась бы деятельность корреспондентов в процессе событий 1877–1878 годов. Если дореволюционные исследования были представлены лишь работой Владимира Александровича Апушкина¹, про которого говорили, что «Апушкин – лучшее, что есть среди военных...»², то в советское время проблема разбора деятельности корреспондентов на фронтах Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. ограничилась лишь небольшой обзорной статьей О. А. Яковлева³ и двумя диссертационными исследованиями⁴. Эти работы грешат одним существенным недостатком, – во всех исследованиях рассматриваются одни и те же представители корреспондентской братии: В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Максимов и В. В. Крестовский. Тем не менее круг «газетчиков» на театре военных действий был достаточно широк, и каждый по-своему видел «ужасы войны» и также по-своему старался представить «природу» очередного Балканского кризиса.

Главный вопрос, который возникает при рассмотрении данной проблемы, – это насколько

корреспонденты были необходимы и нужны ли они вообще? В статье Яковлева русские газетчики появляются как само собой разумеющееся, как дань времени, из ниоткуда⁵. Тем не менее не нужно забывать, что русская армия в 1877–1878 гг. была все же иной, нежели в Крымскую кампанию 1854–1856 годов. Конечно, это не была армия нового типа, как настаивает в своей работе Апушкин, «армия молодая, всесловная; крепче, живее чувствовавшая узы родства с народом»⁶. Как это ни странно, вооруженные силы Российской империи, участвовавшие в кампании 1877–1878 гг., незначительно изменились по сравнению с войной 1854–1856 годов. Дело в том, что знаменитые милютинские реформы просто не успели дать каких-либо позитивных результатов. Доказательством последнего служит ситуация под Плевной, Шипкой или хотя бы Баязетом, где налицо были те же проблемы, что и во времена Крымской войны: плохая организация войск, проблемы с комплектованием, мобильностью частей, определенный конфликт между офицерством и «пушечным мясом» – солдатами. Вывод в данном случае налицо: в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принимала участие и победила именно армия Николаевской эпохи.

Безусловно, просто отмахнуться и не принимать во внимание изменений, которые внес в русскую армию военный министр Д. А. Милютин, просто нельзя. Вооруженные силы Российской империи стали более открыты обществу и уже не представляли собой некую закрытую касту посвященных. Доказательством этого и служит как раз появление в частях представителей русских газет. Также не нужно забывать, что в 70-х гг. XIX в. значительно возрос интерес русского общества к печатному слову. И Русско-турецкая война 1877–1878 гг. пришлась ко двору, когда «значение печати, как органа единственно способного объединить народ и армию в дни общего их государственного дела, в дни войны, сознание, чем быстрее, вернее и подробнее освещаются военные события, тем живее и непосредственной связь народа с армией...»⁷.

Корпус военных корреспондентов появился в России сравнительно поздно. Если в Англии «лица, состоящие при войсках во время военных действий и крупных войсковых маневров мирного времени для осведомления общества о ходе их через посредство печати» впервые появились в 1808 г.⁸, то в Российской империи значительно позднее. Лишь в 1815 г. в газете «Русский Инвалид» стали помещаться небольшие заметки о «радостных успехах» союзников в борьбе против Наполеона⁹. Военным корреспондентом-любителем можно считать А. С. Пушкина. Испросив разрешения у командующего русской армии гр. И. Ф. Паскевича, Александр Сергеевич во время Русско-турецкой войны 1829 г. присоединился к боевым частям в районе крепости Карс. Великому русскому поэту «любопытно было взглянуть

на театр войны и на места, которые могли подать материал для сочинений»¹⁰. Результатом этой поездки стало произведение «Путешествие в Арзерум во время похода 1829 г.»¹¹, являющееся первым сборником военных корреспонденций. Крымская война 1854–1856 гг. не принесла каких-то серьезных изменений в формировании самой профессии военных корреспондентов. Проблема заключалась в том, что русские газетчики не могли в силу законов присутствовать на театре военных действий. Представителей русской прессы могли просто объявить шпионами и отправить в штаб действующей армии для разбора дела со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Поэтому непосредственно русскую корреспондентскую братию представлял лишь журналист Н. В. Берг, которого П. Д. Боборыкин назвал человеком «всегда склонного к поездкам, к впечатлениям войны, ко всему чрезвычайному, живописному и картинному»¹². Николай Васильевич был участником обороны Севастополя, состоял при штабе главнокомандующего в должности переводчика и участвовал в сражении на Черной речке. Все свои наблюдения и впечатления Берг отправлял в литературно-научный журнал «Москвитянин», который издавал М. П. Погодин. Уже после окончания войны корреспонденции Николая Васильевича Берга вышли отдельными изданиями¹³.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – это первое военное событие, где русская пресса имела своих аккредитованных представителей. Что же являлось первопричиной появления русских журналистов в действующей армии? Вопрос дискуссионный. Если в обобщающих работах по войне 1877–1878 гг. Н. И. Беляева¹⁴, И. И. Ростунова¹⁵, В. А. Золотарева¹⁶ данная проблема обойдена, то в статье О. А. Яковлева указывается, что инициатором допуска русских корреспондентов на фронт был полковник М. А. Газенкампф¹⁷, который служил в штабе Действующей армии и был близок к главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему. Свои выводы исследователь базирует на дневниковых записях самого Михаила Александровича Газенкампфа. Действительно, в «Дневнике» полковника указывается, что он предложил присутствовать русским корреспондентам в армии «по просьбам редакторов и издателей газет»¹⁸. Однако никаких других свидетельств Яковлев в своей статье так и не привел, а основывать свои выводы, опираясь лишь на слова Газенкампфа, было более чем легкомысленно. Автор статьи не отвергает роль общественного мнения, которое, безусловно, влияло на принятие тех или других решений¹⁹, но забывает о роли и, главное, влиянии авторитетной иностранной печати. Дело в том, что руководство русской армии сделало совершенно правильные выводы из Крымской войны 1854–1856 гг., когда Россия не только была побеждена на фронте, но и потерпела поражение в «газетных» сражениях. Остаться опять в «газетной блокаде» правящая

и армейская элита не хотела, и появление русских корреспондентов на фронте в первую очередь можно рассматривать как демарш русской внешней политики. Совершенно понятно, что война будет идти не только на Балканском и Кавказском фронтах, но и на страницах периодической печати. Роль солдат, только на газетных полосах, и должны были сыграть представители русской прессы. Доказательством этого может служить тот факт, что русский корпус военных корреспондентов начинает формироваться сразу же как только представителям иностранных газет и журналов разрешают присутствовать в армии²⁰.

Кроме того, штаб действующей армии всеми силами старался взять под контроль действия русских корреспондентов. И дело не только в том, что последние могли распространять непроверенную информацию и тем самым вводить в заблуждение русское общество, «если и не будут (корреспонденты. – С. К.) допущены в армию, все же найдут возможность следить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»²¹, но и бесконтрольность со стороны русского командования могла привести к открытому шпионажу газетчиков.

Результатом переговоров явился приказ, предписывающий полковнику М. А. Газенкампу выработать основания для допуска корреспондентов в армию, причем не только одних иностранцев. Были разработаны специальные рекомендации, которые были адресованы будущим корреспондентам. Они состояли из четырех пунктов:

а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии;

б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны;

в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии;

г) иметь на левом рукаве особый наружный знак – крупную бляху из листовой меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и печатью полевого комендантского управления армии, – а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента²².

В статье Апушкина, посвященной военным корреспондентам, отмечалось, что данные требования являлись обязательными только для русских корреспондентов, для иностранных никакого ограничения не существовало²³. На самом деле эти «рекомендации» были обязательны для всех. В частности, корреспондент газеты «Daily News» Мак-Гахан заявлял, что с него брали честное слово о неразглашении военной тайны, в которую он в силу обстоятельств будет посвящен²⁴. На ино-

странцев также были наложены определенные ограничения вплоть до высылки из армии, как, например, корреспондентов газеты «Daily Telegraph»²⁵. В. Крестовский прямо указывал, что «всем начальствующим лицам предписано следить за корреспондентами и, в случае каких-либо подозрительных действий и сношений, а тем более в случае попыток перебраться на неприятельскую сторону, препровождать их в штаб армии...»²⁶. Тем не менее эти «драконовские правила» выполнялись не всегда. В. И. Немирович-Данченко по этому поводу писал: «Корреспондент пока особенно ничем не стеснен, его даже не направляют. Ему запрещено только сообщать о числе и месте нахождения войск, о движениях их (в большинстве корреспонденций и это требование нарушалось. – С. К.) и о намерениях властей...»²⁷. Сам Газенкампф называл эти правила не иначе как «умеренные».

Тем не менее несмотря на различные оговорки и ограничения, русское общество восприняло решение об отправке представителей русской прессы в войска восторженно. Григорий Константинович Градовский, будущий корреспондент газеты «Голос», отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, и отчасти и всего государства. Чем быстрее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства и тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов ... тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития для упрочения общего порядка и благоденствия»²⁸. Автор многочисленных корреспонденций о войне 1877–1878 гг., автор книги «Две войны» Николай Васильевич Максимов также полагал, что посылка в войска «специалистов печатного слова» просто необходима²⁹. Иллюстратор и военный корреспондент Николай Николаевич Каразин рассчитывал, что русская печать, «дорвавшаяся» до войны, себя покажет³⁰.

К началу июля 1877 г. корреспондентский корпус в России был создан. Определить общее число русских военных корреспондентов достаточно трудно. Дело в том, что в официальных документах штаба Действующей армии нет точных сведений о количестве аккредитованных представителей русской прессы, если не считать Альбома главной квартиры, но этот документ далеко не полный, так как прибывавшие в армию газетчики просто игнорировали представить свою фотографию в штаб. Да и штабные офицеры, вероятнее всего, спустя рукава относились к своим обязанностям. В статье, посвященной военным корреспондентам, исследователь Яковлев называет цифру в 98 человек³¹, ссылаясь на корреспонденции Немировича-Данченко. Корреспондент Максимов дает характеристику 58 представите-

лям русской прессы³². Сравнивая материалы из различных источников³³, можно приблизительно установить общее число корреспондентов – 36 человек³⁴. Неразбериха с цифровыми данными заключается в том, что Немирович-Данченко, Мак-Гахан, Крестовский и др. считали одних и тех же газетчиков по несколько раз. Определенную путаницу вносит тот факт, что корреспонденты писали свои материалы сразу в несколько периодических изданий, кроме того, этим не гнушались и представители иностранной прессы. Например, Мак-Гахан писал, помимо газеты «Daily News», еще и в «Голос», а Максимов передавал свои материалы в «St.-Petersburger-Zeitung»³⁵.

Не менее важным был вопрос и о профессионализме будущих «летописцев» войны с Турцией. Главное, чего не хватало русским корреспондентам, – это школы военного корреспондента как такового. Описательная сторона дела доминировала над анализом действий. Газетчики описывали лишь сугубо батальные сцены, за которыми было не видно людей, да и самого положения армий на Балканах или Кавказе. В результате интерес к таким материалам был невысок. Особенно этим отличались заметки в «Летучем военным листке»³⁶, где публиковались материалы и приказы из рассекреченных документов действующей армии, а также корреспонденции кн. Л. В. Шаховского³⁷. В этой связи можно согласиться с историком Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В. А. Золотаревым, который считает, что в книге Шаховского нет ни серьезного анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений³⁸. Все эти материалы похожи лишь на скупые сводки с фронтов: количество убитых и раненых, формальные сведения о подвигах, отсутствие личностного начала, сухой пересказ приказов. Многие русские корреспонденты просто не могли изложить своих мыслей и были лишены дара слова. По свидетельству современников, все тот же князь Шаховской «не был ни оратором, ни писателем, а только иногда восторженным глашатаем какой-нибудь истины»³⁹, что он не преминул представить в своих путевых заметках. Из этого можно сделать вывод, что в число газетчиков на Балканах и Кавказе попадали люди попросту не подготовленные для бивачной жизни. Если западноевропейские корреспонденты набирались опыта и во время франко-испанского конфликта, и в ходе Крымской войны, то русским приходилось постигать трудности данной профессии с «чистого листа», делая иногда непростительные и грубые ошибки⁴⁰, что особенно проявилось при взятии крепости Плевна.

Кроме того, не последнюю роль играло несколько искаженное понимание общественным мнением самой войны. С одной стороны, эйфория помочь своим братьям по вере и начать «Божьей милостью войну за идею»⁴¹. С другой стороны, слухи об ужасах войны, которые отпугивали газетчиков. Например, корреспондента Максимова

буквально запугивали, когда тот отправлялся на Балканы: «Когда я ехал в армию, публика говорила мне: “куда вы едете?.. ворочайте назад!.. советую”»⁴². Поэтому еще до прибытия к месту назначения у представителей прессы складывалось несколько искаженное видение ситуации на фронте. Тот же Максимов пишет в своих корреспонденциях настоящее воззвание к своим коллегам: «Русские корреспонденты! Вот наше горе. Увы! Русский писатель наших дней совсем особенный человек, и судьба и деятельность этого человека до такой степени несчастны, что одно воспоминание об условиях этой деятельности может отравить весь организм, как отравляют здорового человека миазмы тифозной горячки, парящие в окружающем воздухе»⁴³. Подобные заявления, конечно, не могли не оказать определенного воздействия на потенциальных представителей средств массовой информации в России.

Другим крупным недостатком русской прессы являлась их статичность. Вместо того чтобы искать интересные факты или события и торопиться поделиться этим с читателем своих газет и журналов, отечественный корреспондент ждал, пока ему преподнесут какие-либо сведения, а потому он воодушевлялся, когда попадал на что-нибудь крупное, и рисовал блестящую картину, а затем погружался снова в обыденную жизнь, жалуясь, что ничего не происходит, и молчал по целым неделям⁴⁴. Это объясняется отчасти тем, что представители иностранной прессы находились непосредственно на передовой, тогда как русским корреспондентам приходилось находиться во второй линии войск или непосредственно в тылу.

Важной проблемой является вопрос: а кто же такие русские военные корреспонденты? По сути, это представители четырех течений.

Первое. Это так называемые люди долга, которые отправились на театр военных действий, повинувшись приказу своего начальства, к ним в первую очередь можно отнести корреспондентов из чисто военной среды: А. К. Пузыревского, А. Н. Куропаткина, Н. В. Каульбарса. Эти люди, повинувшись приказу своего армейского начальства, приобщились к корреспондентской братии и сотрудничали с военными периодическими изданиями, например «Русским Инвалидом». Для них армейская жизнь и опасности были делом естественным. Кроме того, они сами не считали себя профессиональными журналистами, относясь к себе критически, что делает их материалы более ценными, нежели «выверенные и вышколенные» материалы «московских или петербургских газетных писак». Например, А. Н. Куропаткин прямо заявлял, что его заметки «не имеют ни системы, ни общей связи и должны представлять сырой материал, из которого со временем можно будет сделать несколько выводов»⁴⁵.

Второе. Это наиболее многочисленная категория так называемых патриотов своего Отечества – профессиональные журналисты А. С. Суворин,

Н. В. Максимов, В. И. Немирович-Данченко, В. Крестовский. Однако несмотря на то, что их корреспонденции были самыми полными, более динамичными и, главное, ориентированными на массового читателя, они имели ряд существенных недостатков, прежде всего похожесть корреспонденций друг на друга. Складывается такое впечатление, что Немирович-Данченко, Максимов, Крестовский писали свои материалы по одному плану. Например, вначале давалась характеристика обстановки на Балканском полуострове незадолго до 1877 г., красочно описывались события Сербско-турецкой войны 1876 г., ужасы угнетения славянских народов, подчеркивались исторические связи России, Болгарии, Сербии. Потом давалась характеристика русских корреспондентов с неизменным включением «правил Газенкампа», причем каждый из корреспондентов считал своим долгом заявить о лояльности военного начальства к корреспондентской братии и отсутствию цензуры и всякой слежки как таковой⁴⁶. Неизменно осуждалась интендантская часть армии. И, наконец, описание подвигов при Шипке, Плевне, с небольшой критикой нерасторопности русского командования.

Третье. Это категория так называемых лишних людей, которые в силу обстоятельств должны были покинуть Россию, временно приобщившись к корреспондентской братии. Наиболее ярким представителем этой категории являлся Г. К. Градовский. Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев⁴⁷. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но и всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть сложа руки. Я решился отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции “Голоса” быть ее военным корреспондентом»⁴⁸.

Современники относили Градовского к либералам, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность к военной среде – «военщине»; также, будучи государственным чиновником, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Четвертое. «Искатели приключений и острых ощущений». К таким корреспондентам с уверенностью можно отнести Н. В. Каирову, единственную русскую женщину-корреспондента на театре боевых действий. Настасья Васильевна оказалась в корреспондентской братии по воле случая. Будучи актрисой театра в Оренбурге, в июле 1875 г. она была арестована и обвинена по статье за по-

кушение на убийство, но была признана судом присяжных невиновной, так как действовала в состоянии временного помрачения сознания, и оправдана. Во время процесса ею заинтересовался видный журналист и издатель А. С. Суворин⁴⁹, в результате чего сразу после завершения судебного процесса, в мае 1876 г., Каирова заняла место секретаря редакции суворинской газеты «Новое время» и отправилась вместе с Алексеем Сергеевичем в качестве военного корреспондента на сербо-турецкую войну. В течение лета 1876 г. репортажи Каировой публиковались в «Новом времени», однако затем Суворин разочаровался в журналистских способностях Каировой и в ней самой и вернулся в Россию, тогда как Настасья Васильевна осталась на Балканах, где ее и застала Русско-турецкая война 1877 года.

По протекции своего мужа, известного русского драматурга Ф. А. Кони, она была принята корреспондентом в газету «Голос», где до 1879 г. публиковала статьи о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Константинопольской конференции и Берлинском конгрессе. Наиболее важная часть наследия Каировой – ее военные репортажи. Ей принадлежит около 400 корреспонденций, написанных неизменно от мужского лица; известно, что для добывания оперативной информации Настасья Васильевна часто переодевалась мужчиной. О профессиональном самосознании Каировой дает представление следующее ее высказывание: «...что такое “специальный корреспондент” русской газеты ... это несчастнейшее существо в мире, нравственная тряпка, обязанная “ловить момент” и сообразоваться со всем на свете, кроме своего личного убеждения, а подчас и истины. Я не виню за это русские газеты. Может быть, они и сами подчиняются не своей воле, а вынуждены грустным положением своим требовать от корреспондентов не того, что есть, а того, что в данную минуту желают, чтобы было. Но нам, корреспондентам, от этого не легче. Мы-то все-таки поставлены под двойной гнет двойной цензуры и вынуждены говорить, когда хотелось бы молчать, и молчать, когда совесть велит говорить...»⁵⁰. Настасья Васильевна обладала бесспорным литературным талантом и замечательной для женщины энергией. Как корреспондент она исполняла многотрудные обязанности так честно и так талантливо, что не уступала в этом лучшим корреспондентам-мужчинам⁵¹.

России в войне 1877–1878 гг. приходилось не только преодолевать боевое упорство турок, но и вести идеологическую войну, войну на страницах газет и журналов. Турецкая, да и западноевропейская пресса изображала Российскую империю страной варварской, мрачной и дикой, жители которой рисовались «людоедами». Что же касается Османской империи, то она была страной процветающей культуры и демократии. В результате переломить подобные протурецкие настроения в прессе было нелегко. Дело в том,

что Турция старалась подойти к возможной войне с Россией чрезвычайно подготовленной, и не только в смысле военной организации, но и в деле формирования своего общественного мнения.

Уже в январе 1877 г. в Турции была создана специальная комиссия, которая должна была подготовить проект закона о печати. Сама правящая элита Турции, в частности султан Абдул Хамид II, пристально наблюдала за подготовкой законопроекта. Закон о печати представлял собой некий набор ограничений, по сути, утверждение жесточайшей цензуры, «дабы оградить общество от антиправительственных слухов и сплетен»⁵². Из канцелярии султана даже поступило специальное объявление, в котором разъяснялся смысл вводимой цензуры⁵³. Уже после начала войны с Россией, в мае 1877 г., было решено окончательно ограничить и без того несвободную печать Порты: усложнилась процедура открытия типографий, предусматривалось внесение большего по сравнению с предыдущим временем денежного залога лицами, которые ходатайствовали о получении права на выпуск периодических изданий, запрещались любые сатирические или юмористические журналы и газеты, устанавливалось ограничение на публикацию критических материалов. Наконец, закон содержал достаточно внушительный перечень наказаний для корреспондентов или издателей даже за самые незначительные нарушения правил.

Не отставал от прессы и официальный Стамбул. Министр иностранных дел Турции прямо заявил: «Мне тяжело сообщать вам о новых “подвигах” возмутительного варварства, совершенных казаками на Дунае. Два селения, находящиеся в 5 часах езды от Рушчука, были разграблены казаками, которые убили 30 человек мусульманских жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. В селении Бин-Пунар они отрезали по пояс юбки у женщин и девушек и изнасиловали в присутствии их родных. Все жители мужского пола взяты в плен. Наконец, в совершение ужаса эти варвары, потерявшие всякое человеческое чувство, отрубили руки у одной женщины и в насмешку положили ее несчастного ребенка в эти окровавленные изуродованные руки...»⁵⁴. На подобные заявления не стоило бы обращать внимания, если бы не позиция Запада. Уже в самом начале войны иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию свалить всю вину за развязывание боевых действий. Например, в газете «Неделя» была помещена заметка «О русских жестокостях» со ссылкой на иностранные источники, где красочно изображались безобразия русских солдат. Там, в частности, отмечалось: «Вся Европа говорит теперь о русских жестокостях. И градом сыплется на нас тягчайшие обвинения, в Пеште созывается митинг в 8000 чел., протестующих против русского способа ведения войны, английские и французские дипломаты в Шумле свиде-

тельствуют факты жестокости, о них идет речь на каждом заседании английского парламента, палате представляются обстоятельные донесения о том же консулов, опровергающих в то же время рассказы о турецких зверствах. Наконец, появляется известное уже заявление двадцати иностранных корреспондентов, которое первоначально телеграф зачем-то истолковал в смысле благоприятном для России и которое, напротив того, оказалось торжественным подтверждением жестокостей, обнаруженных на телах убитых и раненных, осмотренных лично самими корреспондентами. И вот уже зреет мысль о своевременности дипломатического протеста против нашего образа действий, и вмешательство в войну начинает иным казаться честным делом, так как оно положит предел поруганию всего человечества»⁵⁵. Однако уже в ходе самой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. иностранным газетчикам приходилось в корне менять свое отношение к русской армии – слишком уж опасно было писать заведомо ложь⁵⁶.

Необходимо отметить, что практически все иностранные корреспонденты были единодушны в отношении поддержки России в этой войне. И если сравнивать материалы российской и западноевропейской прессы, то непосредственно боевые действия и турецкие солдаты на захваченных территориях изображались приблизительно одинаково. Но такие корреспонденты как Мак-Гахан не только вели репортажи на страницах своей газеты, но и делали попытки критиковать английское правительство за политику так называемых двойных стандартов⁵⁷. Камнем преткновения для русских и иностранных корреспондентов было выяснение причин Русско-турецкой войны и самого Балканского кризиса. В частности, корреспонденты немецких изданий фон Марее (Аугсбургер Цайтунг) и фон Хун (Национал Цайтунг) критиковали Российскую империю за чрезмерную быстроту в деле начала войны, хотя и признавали, что Россия помогает своим братьям по вере⁵⁸. Российские корреспонденты в этом вопросе занимали, безусловно, более жесткую позицию, нежели их западные коллеги.

В результате русским корреспондентам приходилось уже в ходе войны исправлять собственные ошибки, набираясь практического опыта.

Примечания

- 1 См.: Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7–8, 10–12; 1903. № 1–6.
- 2 URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Апушкин,_Владимир_Александрович (дата обращения : 10.06.2011).
- 3 См.: Яковлев О. А. Военные корреспонденты в русской армии во время русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. Вып. 2, № 8.
- 4 См.: Болотова Н. В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. : автореф. ... канд.

- филол. наук. М., 1999; Яковлев В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество : автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- 5 См.: Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 60.
- 6 Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 198–199.
- 7 Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого: в 18 т. СПб., 1911–1915. Т. 13. С. 198.
- 8 Там же. С. 198.
- 9 См.: Русский Инвалид. 1815. № 31.
- 10 Военная энциклопедия... С. 199.
- 11 См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 639–700.
- 12 Боборыкин П. Д. За полвека // Голос Минувшего. 1913. № 3.
- 13 См.: Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. М., 1858; Он же. Севастопольский альбом Н. Берга. М., 1858.
- 14 Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956.
- 15 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- 16 Золотарев В. А. Некоторые проблемы отечественной историографии Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Л., 1976; Он же. Отражение войны 1877–1878 гг. в русской военной литературе // Военно-исторический журнал. Budapest. 1981. № 3; Он же. Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. (Основные проблемы в отечественном источниковедении и историографии). М., 1983; Он же. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии конца XIX – начала XX в. М., 1978; Он же. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- 17 Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.
- 18 Газенкамф М. А. Мой дневник. СПб., 1908. С. 5; Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.
- 19 «Общественное мнение в настоящее время – такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, лучше стараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и талантливые» (Газенкамф М. А. Мой дневник... С. 6.)
- 20 В штаб Действующей армии в 1876 г. стали поступать официальные прошения о присутствии иностранных газетчиков в русской армии. Причем за каждого такого представителя просили весьма влиятельные лица, близкие к русскому императорскому двору. Русский посол в Вене просил за корреспондента венской газеты «Neues Wiener Tagblatt»; бывший посол в Константинополе генерал-адъютант Н. П. Игнатьев за корреспондентов французской газеты «Figaro» (де-Вестина) и американской «New-York-Herald» (Мак-Гахана); бывший поверенный в делах А. И. Нелидов – за корреспондента «Kölnische Zeitung» доктора Шнейдера; генерал-майор Вердер – за корреспондента прусской военной газеты «Militär-Wochenblatt» капитана Дангауера (Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 198–199.)
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 199–200. Иностранцы корреспонденты не остались безучастны к подобным ограничениям и комментировали эти нововведения на страницах своих газет. В частности, на страницах газеты «Daily News» указывалось: «Список этот (имеется в виду список корреспондентов. – С. К.), однако, не считается утвержденным раз и навсегда, и, вероятно, всякий порядочный человек, заручившийся надлежащей рекомендацией и состоящий представителем одной из газет, пользующийся некоторым значением и известностью, имеет шансы быть допущенным. При составлении списка руководствовались, главным образом, беспристрастием, и всякому корреспонденту, являющемуся за справками, военное начальство не преминет сообщить, что не делает никакого различия между газетами, имеющими обыкновение отзываться враждебно об образе действий России, и теми, отзывы коих ей благоприятны. Когда права корреспондента на признание его таковым утверждены, возникает вопрос об удостоверении его личности. Для этого дозволение пишется на обратной стороне фотографической карточки корреспондента с приложением печати главной квартиры; дубликат фотографии представляется в канцелярию оной, где его вкладывают в книгу, предназначенную для справок и проч. Выдается дозволение на следующих условиях... Они (корреспонденты. – С. К.) могут, кажется, бранить Россию и русские сколько угодно, если это им вздумается, но не должны разглашать, что намереваются сделать русские военачальники. Писем не будут ни задерживать, ни вскрывать, но каждого корреспондента будут судить по его собственным статьям» (Хроника войны. Свод корреспонденций английской газеты «Daily News» : в 2 т. СПб., 1878. Т. 1. С. 154–155).
- 23 Там же.
- 24 В своих корреспондентских материалах Мак-Гахан писал: «Так как с корреспондентов, сопровождающих армию, берут честное слово, что они ничего не будут говорить о числе и передвижении войск, равно как и о предполагаемом плане действий, пока последние не перейдут в совершившиеся факты, я не могу сообщить вам чего-либо о месте расположения различных корпусов и скажу только, что большая часть их находится в Румынии» (Хроника войны. Свод корреспонденций английской газеты «Daily News». Т. 1. С. 114).
- 25 Н. В. Максимов в своей книге приводит любопытный диалог о высылке одного из корреспондентов газеты «Daily Telegraph»:
- А вы, милостивый государь, корреспондент какой газеты?
– Лондонского издания «Daily Telegraph»...
- Н-да? Ну, просим извинить; это самая враждебная к нам газета...
- В таком случае я буду писать из Бухареста... буду врать...
- Откуда хотите, только не из армии (Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн : в 2 ч. СПб., 1879. Ч. 1. С. 234)
- 26 Цит. по: Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878) : в 2 т. СПб., 1879. Т. 1. С. 16.
- 27 Немирович-Данченко В. И. Год войны. СПб., 1879. С. 128.

- ²⁸ Цит. по: *Апушкин В. А. Г. К. Градовский, гласность и война // Публицист и гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского. Пг., 1916. С. 95–96.*
- ²⁹ Корреспондент отмечал: «Вопрос о допущении корреспондентов в армию был одним из вопросов пущей важности, возникших при самом начале войны. Война застала нас в эпоху таких условий жизни, когда решение этого вопроса в отрицательном смысле могло только вызвать горькое для нас и постыдное глумление всей Европы. Я говорю: именно Европы, потому что русский человек легко мог бы примириться и на одних официальных донесениях. ... Во всяком случае печать должна пользоваться свободой слова». (*Максимов Н. В. Две войны... Ч. 1. С. 320–321.*)
- ³⁰ Война в Турции. Письма нашего корреспондента // *Нива. 1877. № 22. С. 358.* Корреспондент Н. Карзин, в частности, отмечал: «И вот настала война. Это было уже свое общее, кровное, народное дело... Не только исходя из нее, но и самый ход этого родного дела возбуждал громадный, всеобщий интерес... Все знали, что есть могучее средство такого знания – *печать...*» (*Война в Турции... С. 358.*)
- ³¹ *Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.*
- ³² *Максимов Н. В. Указ. соч. С. 328.*
- ³³ *Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. ; Максимов Н. В. Указ. соч. С. 328 ; Крестовский В. Указ. соч.*
- ³⁴ В числе корреспондентов были А. С. Суворин – «Новое время»; В. П. Буренин – «Новое время»; М. П. Федоров – «Новое время», «Петербургские ведомости», «Всемирная иллюстрация»; Н. Н. Карзин – «Новое время», «Нива»; А. Д. Иванов – «Новое время»; Н. В. Россоловский – «Новое время»; Мак-Гахан – «Голос»; А. В. Щербак – «Голос»; Е. Я. Утин – «Вестник Европы»; Н. В. Максимов – «Биржевые ведомости», «Петербургские ведомости»; Е. К. Рапп – «Русский мир»; Л. В. Шаховской – «Московский ведомости»; Д. К. Гирс – «Северный вестник»; В. И. Немирович-Данченко – «Наш век», «Новое время» ; Модзалевский – «Санкт-Петербургские Ведомости»; Комаров – «Санкт-Петербургские Ведомости»; Д. И. Иловайский – «Московские Ведомости»; Н. Карирова – «Новое время», «Дело»; Маслов – «Новое Время»; Федоров – «Русские Ведомости», «Всемирная Иллюстрация»; Сакальский – «Голос»; Стэнли – «Голос»; Георгиевич – «Русский Мир»; Мец – «Московские ведомости»; Байков – «Северный Вестник»; Сухотин – «Русский Инвалид»; Теохаров – «Русские Ведомости»; Г. К. Градовский – «Голос»; Е. М. Кочетов-Львов – «Московские Ведомости»; Н. Я. Ноколадзе – «Тифлисский Вестник»; В. В. Крестовский – «Правительственный Вестник»; А. К. Пузыревский – «Русский Инвалид»; Н. В. Каульбарс – «Русский Инвалид»; А. Н. Куропаткин – «Русский Инвалид»; Н. Е. Бранденбург – «Русский Инвалид»; А. Н. Маслов (Бежецкий) – «Новое Время».
- ³⁵ *Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 202–203.*
- ³⁶ См.: *Летучий военный листок. 1877–1878.*
- ³⁷ См.: *Шаховской Л. В. С театра войны (1877–1878). Два похода за Балканы. М., 1878.*
- ³⁸ *Золотарев В. А. Противоборство империй... С. 197.*
- ³⁹ *Воллан Г. А. де Очерки прошлого // Русская старина. 1916. Т. 165, № 3. С. 516–517.*
- ⁴⁰ В газете «Новое время» такая отповедь давалась русским корреспондентам: «Русский корреспондент на театре войны – явление совсем новое. Сравнивая эти корреспонденции с иностранными, видишь, как много не достает русскому корреспонденту. Последний иногда талантливее, бойчее, но у него не хватает той политической подготовки, которая есть у каждого иностранного корреспондента. Наш брат русский литератор примечает, как правило, весьма маленькие события будничной жизни. Иногда он представляет прекрасную картину, сделал несколько метких штрихов, выразил меткое замечание о какой-нибудь мелочи, но он постоянно остается на уровне той обстановки, в которую попал, мало над нею возвышаясь. Вследствие этого бытовая сторона постоянно выигрывает в русских корреспонденциях, по ним вы можете представить походную жизнь, можете знать много мелочей, постоянных спутников лагерной и боевой жизни, но от вас ускользает общий смысл событий» (*Новое время. 1877. № 481. С. 1.*)
- ⁴¹ *Мецкерский В. П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.*
- ⁴² *Максимов Н. В. Указ. соч. С. 335.*
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Новое время. 1877. № 481. С. 1.*
- ⁴⁵ *Куропаткин А. Н. С поля сражений // Сборник военных рассказов. Составленные офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. : в 5 т. СПб., 1879. Т. II. С. 216.*
- ⁴⁶ Например, корреспондент Максимов писал: «Наконец, меня обрадовали известием, что корреспондентов допустят. – А цензура будет? – спрашиваю. – Помилуйте, какая цензура! Раз допуская вас в армию, мы не только не намерены подчинять вас нашей цензуре, но готовы вам, как русскому корреспонденту, делать всевозможные предпочтения перед иностранцами. Я так и понял это буквально, понял и обрадовался. В самом деле, к чему цензура по отношению к нам – русским корреспондентам?» (*Максимов Н. В. Указ. соч. С. 335–336.*) В. Крестовский также отмечал: «Свобода корреспондентов в передвижении с места на место не будет стесняема...» (*Крестовский В. Двадцать месяцев... С. 170.*)
- ⁴⁷ И это несмотря на то, что «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- ⁴⁸ *Апушкин В. А. Г. К. Градовский, гласность... С. 97.*
- ⁴⁹ Чем же покорила воображение Алексея Сергеевича Суворина Настасья Каирова? Маловероятно, что внешнею, особенно если взглянуть на нее глазами петербургского репортера. Вот выдержка из судебной хроники: «На скамье подсудимых явилась женщина, среднего роста, смугловатая, с крупными и даже грубыми чертами лица, уже не первой молодости. Длинное, бледного цвета лицо с широкими скулами; грудь почти впалая» (*Голос. 1876. 29 апреля.*); Далее из судебной хроники: «Она женщина, обладающая в высшей сте-

пени сильным характером и необычайной энергией. Достаточно вспомнить, с каким самоотвержением и с какой энергией выручает она Великанова в Оренбурге: она выхлопывает ему субсидию в земстве, освобождает из-под ареста, увозит от всегда бдительных кредиторов, увозит из-под глаз его жены в Петербург, делает все возможное, чтобы позировать его деятельность; отучает его от худых привычек, меняет даже внешний вид этого человека и при всем этом увлекается им до последней крайности» (Голос. 1876. 2 мая).

⁵⁰ URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Каирова> (дата обращения : 10.06.2011).

⁵¹ Каирова А. В. Воспоминания газетного корреспондента о Болгарии // Колосья. 1888. № 3. С. 302.

⁵² Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972. С. 170.

⁵³ В частности, говорилось, что народу надлежало обращаться с жалобами к депутатам меджлиса, а не в газеты, журналисты же предупреждались, что «за применение слов против действий правительства» они будут привлекаться к строгой ответственности (Желтяков А. Д. Указ. соч. С. 171).

⁵⁴ Правительственный вестник. 1877. № 151. С. 3.

⁵⁵ Неделя. 1877. № 30. С. 984.

⁵⁶ В газете «Daily Telegraph» от 4 июля 1877 г. была помещена статья «Поведение русских войск в Румынии»,

в которой отмечалось: «Нельзя достаточно хвалить поведение русских войск в Румынии; до сих пор их нельзя упрекнуть ни в одном предосудительном поступке. Они исполнены вежливости и предупредительности со всеми. Как отдельные лица, так и учреждения платят за все наличными деньгами» (цит. по.: Анекдотические истории текущей войны. СПб., 1877. С. 8). Бухарестский корреспондент газеты «Temps» описывает в самых сочувственных выражениях прекрасное состояние и отличный дух русской армии: «... она (русская армия. – С. К.) превзошла самые смелые ожидания ... прекрасные отношения русских солдат и офицеров к населению Румынии» (Северный Вестник. 1877. № 8. С. 1).

⁵⁷ В частности, английские официальные лица лорд Дерби и сэр Генри Элиот отмечали, что именно болгары «подали туркам пример в деле злодейств и ужасов», значит, «обе стороны одинаково виноваты». (Мак-Гахан Я.-А. Зверства в Болгарии. СПб., 1877. С. 125). Сам корреспондент стоял на самых прогрессивных позициях, утверждая: «Если б кто-нибудь попытался в Англии ввести здешнюю систему налогов, то весь народ, как один человек, восстал бы против правительства. Зачем же осуждать бедных болгар за это...» (цит. по: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 15).

⁵⁸ Репортажи за освободительную войну 1877–1878 / под ред. Л. Генова. София, 1978. С. 9–10.

УДК 378.1-054.6

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ КИТАЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В МОСКВЕ (1925–1930 годы)

Е. В. Панин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ehonko@mail.ru

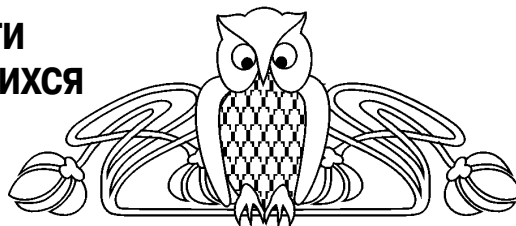
В статье рассматривается история создания и деятельности, а также отличительные черты Университета для трудящихся Китая, существовавшего в Москве в 1925–1930 годы. Анализируется политический, социальный, образовательный, возрастной состав его студенчества. Привлечен широкий круг источников, некоторые архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Советская Россия, интернациональные связи, Коммунистическая партия Китая, Гоминдан, Университет трудящихся Китая.

From the History of Creation and Activity of the University of the Chinese Workers in Moscow (1925–1930)

E. V. Panin

The article is devoted to the history of creation and activity, and also distinctive features of the University for Workers of China, existing in Moscow in 1925–1930. The political, social, educational, age structure of its students is analyzed. The wide range of the sources is involved, some archival materials are introduced in a scientific turn for the first time.

Key words: Soviet Russia, international communications, Communist party of China, Gomindan, University for Workers of China.

С самого начала революционных преобразований в Советской России руководство страны особое внимание уделяло вопросам развития национального образования, распространения своей идеологии в других странах, укрепления интернациональных связей.

Для этой цели уже в самые первые годы советской власти были созданы учебные заведения особого типа – коммунистические университеты для национальных меньшинств. Наиболее известные из них – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Это были интернациональные вузы, входившие в систему советско-партийного просвещения, где обучались представители разных национальностей не только из СССР, но и

из зарубежных государств. Так, в КУТВ в 1924 г. обучались представители 62 национальностей, в том числе студенты, прибывшие из других стран¹. В КУНМЗ и его Ленинградском филиале было образовано более десятка национальных секторов – литовский, латышский польский, немецкий, румынский и др.²

Одна из задач подобных вузов – подготовка советских и партийных кадров для населения национальных окраин, автономных республик и областей, национальных меньшинств Советской страны. Другая, не менее важная задача – подготовка кадров из числа зарубежных студентов для распространения революционных и коммунистических идей в их государствах.

Наряду с интернациональными вузами создавались коммунистические университеты для отдельных национальностей и национальных меньшинств – немцев, эстонцев, китайцев и некоторых других, – где также обучались граждане и не граждане СССР.

В данной работе речь пойдет об Университете для китайских трудящихся (УТК), функционировавшем в Москве в 1925–1930 годах. Цель статьи – показать мотивы создания этого учебного заведения, выявить его особенности, охарактеризовать структуру, учебный процесс, программы, студенческий состав.

Создание и деятельность Университета для китайских трудящихся на территории Советской России – тема, до недавнего времени недостаточно привлекавшая к себе внимание исследователей. Краткие упоминания об университете встречаются в некоторых работах общего характера, посвященных вопросам национальных отношений и интернациональных связей, развития национальных культур в СССР, подготовки национальных кадров партийных и советских работников. В частности, в монографии В. Г. Чеботаревой³ небольшой раздел посвящен становлению национального образования в России в 1925–1938 годах. В работе О. В. Залесской, исследующей положение китайских мигрантов на Дальнем Востоке в 1917–1938 гг., есть общие сведения и об УТК⁴. Аналогичные данные общего характера представлены в монографиях А. Г. Ларина⁵, в исследованиях В. Н. Усова⁶ и А. В. Панцова⁷.

В статьях Д. А. Спичак⁸, посвященных взаимоотношениям ВКП(б) и КПК, определенное место отведено подготовке кадров китайских революционеров в Советской стране. В мае 2010 г. была защищена кандидатская диссертация Д. А. Спичак на эту же тему⁹. Основное внимание автор уделяет политическим аспектам, в том числе и процессам большевизации китайских кадров. На сегодняшний день в российской историографии опубликованных монографических исследований, посвященных Университету трудящихся Китая, нет.

Основным источником для данной публикации послужили архивные материалы, извлечен-

ные из фонда 530 «Коммунистический университет для китайских трудящихся» Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ). В фонде отложились самые разнообразные делопроизводственные документы – отчеты, объяснительные записки, уставы университета разных лет, переписка с вышестоящими организациями и т. д. Некоторые из документов, использованных для написания статьи, вводятся в научный оборот впервые. Еще один вид привлекаемых источников – опубликованные протоколы заседаний Политбюро ВКП(б), переписка руководителей партии и правительства между собой, а также с руководителями китайской революции и Коминтерна¹⁰. Помимо указанных источников привлечены сведения из периодической печати¹¹ и воспоминания выпускника университета Шэн Юэ, изданные на русском языке в 2009 году¹². Автор воспоминаний в 1926–1930 гг. являлся студентом УТК, в Москве жил под псевдонимом Мицкевич. Вскоре после возвращения в Китай в 1934 г. он был арестован. Спасая свою жизнь и жизнь жены, тоже бывшей студентки университета, Шэн Юэ перешел из Компартии Китая (КПК) в партию Гоминьдан¹³. Эмигрировал в США, где состоял на дипломатической работе. Первое издание воспоминаний вышло в 1971 г. в США на английском языке.

Представители китайского национального меньшинства в Советской России¹⁴ имели возможность получить высшее образование практически в любом вузе государства, никаких ограничений на этот счет не существовало.

В коммунистические университеты СССР, наряду с представителями автономных республик и областей, национальных меньшинств (они получали места туда по квотам), охотно принимались, как правило, по рекомендации Коминтерна, участники коммунистического и революционного движения из других стран. На учебу в коммунистические вузы направлялись также студенты по рекомендациям зарубежных коммунистических партий.

Укреплению интернациональных связей, передаче своего опыта, идей и принципов революционной борьбы советское руководство отводило важное место в условиях установки большевиков на скорое осуществление мировой революции. В середине 1920-х гг. в Китае активно развивалось национально-освободительное революционное движение. В 1924 г. был создан единый национально-революционный фронт. На основе сотрудничества КПК с Гоминьданом и при помощи советских военных и политических советников было создано ядро Национально-революционной армии. Росло профсоюзное и крестьянское движение, началась вооруженная борьба против милитаристов. Успехи национально-революционных сил способствовали складыванию непосредственной революционной ситуации в общеитайском масштабе. С целью поддержки революции в Китае для

воспитания революционных кадров в советские вузы увеличивался прием лиц китайского происхождения. Так, в КУТВ существовал отдельный китайский сектор. По сведениям Д. А. Спичак, за период с 1921 по 1927 г. в этом университете прошло обучение (полностью или частично) 1119 китайцев¹⁵.

В связи с установлением более тесных отношений между ВКП(б), Гоминьданом и КПК в Политбюро ЦК ВКП(б) появилась идея создания специального вуза для китайских трудящихся¹⁶. Однако для того чтобы избежать обвинений в разжигании мировой революции, Политбюро 13 августа 1925 г. постановило: «Поручить Оргбюро еще раз рассмотреть вопрос о форме организации Университета трудящихся Китая, приняв во внимание нежелательность придания ему открыто государственного характера»¹⁷. То есть речь шла о создании закрытого (или полузакрытого) учебного заведения на государственные средства (Шэн Юэ в своих воспоминаниях неоднократно обращает внимание на то, что УТК был создан «по инициативе русских»¹⁸). 14 августа 1925 г. по решению Политбюро была созвана межведомственная комиссия, которая приняла решение о скорейшем открытии в Москве университета, которому было присвоено имя Сунь Ятсена¹⁹.

Одновременно было создано и Общество содействия университету, имевшее своей целью открытие данного учебного заведения. В архивах отсутствует упоминание о тех ведомствах, члены которых были представлены в этом обществе. Однако при знакомстве со списком его президиума можно сделать вывод о структурах, выступавших инициаторами создания данного вуза. В Общество содействия университету входило 17 человек, весьма авторитетных политических деятелей, в числе которых советский посол в Австрии А. А. Иоффе, член Политбюро, главный редактор «Правды» Н. И. Бухарин, вдова В. И. Ленина Н. К. Крупская (являвшаяся с 1924 г. членом Центральной контрольной комиссии), член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек, ректор КУТВ Г. И. Бройдо, Председатель Всесоюзного совета профсоюзов М. П. Томский, председатель ЦК Союза рабочих металлистов И. И. Лепсе, Генеральный секретарь Профинтерна А. С. Лозовский. Столь высокий статус участников общества говорит об особом внимании государства к созданию университета.

Новый вуз создавался с вполне определенной целью – помочь китайскому национально-революционному движению, в первую очередь правящей партии Гоминьдан. В обнаруженном в фонде РГАСПИ обращении (документ без названия, без подписи и с грифом «Совершенно секретно». – *Е. П.*) к китайским студентам говорится: «Университет имени Сунь Ятсена имеет своей задачей подготовку работников помочь национально-революционному движению, главным образом, Гоминьдану... Задачей Университета Общество (содействия. – *Е. П.*) считает передачу

китайской общественности всего опыта общественного движения в Европе, Америке и на Востоке, чтобы, таким образом, облегчить передовой китайской интеллигенции работу по руководству национально-освободительным движением Китая во все более усложняющихся международных условиях»²⁰.

Шэн Юэ в своих мемуарах пишет: «Официальное открытие УТК было второй вехой в “медовом месяце” тесного сотрудничества Советской России и Гоминьдана. Первой – было открытие ровно за полтора года до этого Военной школы Вампу, созданной с помощью русских в Кантоне в мае 1924 года»²¹.

Итак, Политбюро ставило весьма сжатые сроки для создания университета в Москве. В новое учебное заведение была переведена часть китайцев, обучавшихся в КУТВ. Однако основной контингент студентов составили китайцы, попавшие сюда через целенаправленные наборы в Китае. Первый набор составил 250 человек, часть которых прибыла в Москву к 1 ноября 1925 года.

Открытие Университета трудящихся Китая состоялось 7 ноября 1925 года. На торжественной церемонии присутствовал член Политбюро, член Исполкома Коминтерна Л. Д. Троцкий, который произнес перед собравшимися студентами речь о советско-китайской дружбе²².

Поскольку университет подчинялся непосредственно Наркомпросу, он был включен в систему советских государственно-бюджетных учреждений и ему было предоставлено достаточное финансирование. Ни Коммунистическая партия Китая, ни Гоминьдан материальной помощи вузу не оказывали, УТК существовал исключительно за счет средств Советского государства, которое, в частности, брало на себя все дорожные расходы будущих студентов, обеспечение их жильем, питанием, одеждой и стипендиями. Так, первый бюджет университета составил 550 тыс. рублей, а бюджет 1926 г. достиг уже 735 тыс. рублей²³. По прибытии в Москву будущие студенты были расселены в общежитии университета по адресу: ул. Волхонка, дом 16.

Первым ректором УТК стал Карл Бернгардович Радек (настоящее имя Кароль Собельзон) – советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения; в 1919–1924 гг. – член ЦК РКП(б); в 1920–1924 гг. – член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна, член редколлегии газет «Правда», «Известия» и др.

В ходе развернувшейся в СССР внутрипартийной борьбы ректор УТК оказался на стороне троцкистов. 4–5 апреля 1927 г. на собрании актива Московской парторганизации Н. И. Бухарин и И. В. Сталин сделали доклады о положении в Китае, настаивая на необходимости поддерживать дружественные отношения с Гоминьданом и Чан Кайши. Радек стал открыто оспаривать подобную позицию докладчиков. Этот факт, а также его под-

держка Троцкого привели к тому, что уже 6 апреля Радек был отстранен от исполнения обязанностей ректора, а в декабре того же года снят с должности и исключен из партии.

Вторым ректором университета стал Павел Миф (настоящие фамилия, имя и отчество – Михаил Александрович Фортус, 1901–1938 гг.) – член партии с 1917 г., участник Гражданской войны на Украине, член Дальневосточного секретариата Коминтерна, – который возглавлял университет в 1927–1929 годах. Как отмечает в своих мемуарах Шэн Юэ, этот очень молодой (26 лет), весьма высокомерный человек, любивший лесть и подбострастие, был крайне непопулярен среди студентов. В бытность проректором УТК (с 1925 по 1927 г.) он поддерживал контакты только с бегло говорящими по-русски студентами, которых впоследствии стали называть «группой 28 большевиков»²⁴. В годы руководства Павла Мифа в связи разрывом с Гоминьданом 17 сентября 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об изменении названия университета. 17 сентября 1928 г. было принято следующее постановление: «Ввиду слияния китсектора КУТВ с Университетом имени Сунь Ятсена принять предложение объединенного университета о присвоении названия “Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК)”»²⁵. На протяжении всего существования университета в среде его студенчества были весьма популярны идеи троцкизма. В этой связи в вузе в 1929 г. прошла массовая чистка по выявлению сторонников оппозиции. Ректор Павел Миф попросил освободить его от должности.

С 1929 по 1930 г. КУТК руководил Владимир Ильич Вегер (псевдоним – Поволжец, 1888–1945 гг.), сменивший П. Мифа 15 марта 1929 г. В. Вегер – член большевистской партии с 1904 г., организатор знаменитого рабочего восстания на Красной Пресне 1905 года. В 1919–1924 гг. руководил научно-учебной частью Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, а затем возглавлял Московскую областную секцию научных работников. С 1927 г. он являлся инструктором ЦК ВКП(б) и по совместительству ректором Промышленно-экономического института и Первого Московского промышленно-экономического техникума. Одновременно читал лекции и был профессором ряда других московских вузов – МГУ, МВТУ, Тимирязевской сельскохозяйственной академии²⁶. В отличие от предыдущего ректора он внимательно относился к студенческим нуждам, не был высокомерным, за что пользовался всеобщим уважением и популярностью среди студентов.

Таким образом, Политбюро ЦК партии уделяло самое пристальное внимание подбору руководителей вновь созданного вуза. Это были люди, преданные идеям революции и советской власти, с солидным революционным стажем, работавшие в аппарате ЦК ВКП(б) и образовательных учреждениях советско-партийной системы.

Уже упоминалось, что для обучения в университете студенты набирались в основном в Китае. Также приглашались молодые китайцы, проходившие обучение в европейских вузах. В УТК обучались и китайцы, проживавшие на территории Советского Союза. Отбор студентов в Китае проводился в три этапа. Первый включал заполнение регистрационной карточки с указанием основных биографических данных, происхождения, социального положения и т. д. Второй этап предусматривал написание сочинения на тему «Что такое национальная революция?». И третий этап – устное собеседование о текущих политических событиях. Из этого очевидно, что никакой специальной подготовки для обучения китайских студентов в Москве не требовалось. Помимо основной группы студентов, сдавших экзамены, более 30 человек первого набора (в большинстве своем это были близкие родственники влиятельных членов Гоминьдана) были отобраны лично советским советником при Гоминьдане М. И. Бородиным²⁷. Успешно прошедшие отбор будущие студенты были направлены в Москву. Добирались через Владивосток, причем путь через весь Советский Союз занимал десять суток.

Студенческий состав университета имел свои особенности. Анализ архивных материалов РГАСПИ позволяет судить о партийном, социальном составе и образовательном уровне студентов. Поскольку первоначально большинство студентов было членами партии Гоминьдан (из 250 студентов первого набора лишь 20% принадлежали к коммунистической молодежи), среди абитуриентов, наряду с рабочими и крестьянами, были представлены служащие, интеллигенция, военные и даже чиновники²⁸. Д. А. Спичак особо акцентирует внимание на том, что большая часть прибывших на учебу китайцев была непролетарского происхождения²⁹.

Шэн Юэ пишет о том, что после разрыва ВКП(б) с Гоминьданом, произошедшего в результате антикоммунистического переворота, устроенного Чан Кайши в Китае в 1927 г., социальный состав студенчества якобы резко меняется в сторону увеличения представителей рабочих и крестьян. Однако обнаруженные нами сведения на 13 февраля 1930 г. показывают, что среди 444 студентов рабочих было 125 человек (28%), крестьян – 11 (2,5%), учащихся – 218 (48,6%). К остальным категориям – представителям интеллигенции, чиновников, военных и ремесленников – принадлежал 61 человек (13,7%)³⁰. Эти данные свидетельствуют, что резкого изменения социального состава студенчества не произошло. Хотя после событий 1927 г. Политбюро ВКП(б) дало поручение руководству университета привлечь больше рабочих и крестьян, сделать это было чрезвычайно сложно, поскольку выходцы из тех социальных слоев, на которые опирались китайские коммунисты, не имели, как правило, даже начального образования.

Уровень образования будущих студентов был самым разным. В университете учились как имеющие законченное высшее образование (отучившиеся в вузах Китая, Франции и других стран), так и малообразованные крестьяне из сельской местности. Из общего числа студентов в 1925 г. среднее образование имели 40%, высшее незаконченное – 23%, высшее законченное – около 13% и низшее – 24%³¹. По имеющимся материалам за 1930 г., изменения в уровне образования поступивших студентов произошли незначительные. В частности, несколько понизился процент студентов с законченным высшим образованием (до 10,1%) и повысилось количество студентов с низшим образованием (до 28,1%). По-прежнему преобладали лица со средним и незаконченным высшим образованием³².

Абсолютное большинство студентов составляли мужчины. Как правило, китайские студенты брали себе русские псевдонимы. Возраст студентов также был самым разным. За одной партой могли сидеть 17-летний парень и 50-летний мужчина, возрастной ценз определен не был.

Изначально в университете существовали две самостоятельные партийные ячейки: Гоминьдана и Коммунистической партии Китая (КПК). 26 июля 1927 г. ЦИК партии Гоминьдан официально объявил о разрыве всех связей с университетом. «Университет Сунь Ятсена в Москве незаконно использовал имя партийного лидера Гоминьдана для прикрытия того, что занимался тайной заговорщической деятельностью против партии. Никакие организации не должны больше посылать студентов в Москву»³³, – говорилось в заявлении. В результате ячейка этой партии в университете прекратила свое существование.

В соответствии с принципом пролетарского интернационализма коммунист, к какой бы нации он не принадлежал, считался членом компартии той страны, в которой он находился. Однако до 1926 г. в УТК этот принцип практически игнорировался. Китайские студенты-коммунисты были членами не ВКП(б), а Московской секции КПК. Как вспоминает Шэн Юэ, в секции существовал полный авторитарный контроль партийного руководства над всей жизнью студентов. Это «царство террора», «атмосфера подавленного раздражения и глубокой ненависти» вызывали протест со стороны учащихся³⁴. Очевидно, этот факт привел к роспуску Московской секции КПК, в результате чего некоторые из ее руководителей вернулись в Китай. Партком Хамовнического района Москвы направил в университет партийных организаторов, приступивших к созданию организации ВКП(б) среди китайских студентов. То есть шли целенаправленные и активные процессы большевизации китайских студентов.

Основная цель пребывания китайских студентов в Москве – получение образования. В ходе учебного процесса китайцы испытывали целый

ряд трудностей. Первая проблема, с которой они столкнулись, – овладение русским языком. Несмотря на природное упорство и трудолюбие, русский язык китайцам давался нелегко. За весь период пребывания в университете предполагалось не менее 1000 часов занятий по русскому языку. Весьма серьезное внимание уделялось военному делу (также около 1000 часов).

Согласно первому Уставу университета, принятому в 1925 г., срок обучения в нем составлял 2 года. За это время студенты должны были изучить следующие дисциплины:

- иностранные языки: прежде всего русский, в качестве второго языка – на выбор английский, французский, немецкий;
- историю: историю развития общественных формаций, историю развития китайского, российского и западного революционного движения – всего 5 различных курсов;
- философию: курс исторического и диалектического материализма;
- политэкономия;
- экономическую географию;
- основы ленинизма по курсу лекций И. В. Сталина для Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова;

– военное дело. Оно преподавалось на самом высоком уровне военными специалистами, включало как теоретическую подготовку, так и практические занятия по использованию разного рода оружия и летние полевые сборы в армейских гарнизонах Подмосковья³⁵.

В качестве преподавателей в университет привлекались крупные деятели Советского государства и партии, Коминтерна, преподаватели других коммунистических вузов страны, Института красной профессуры.

В 1926–1927 учебном году в УТК работало 62 преподавателя³⁶. Многие из них получали высокий оклад на уровне партмаксимума (225 рублей в месяц). Для сравнения – средняя зарплата в СССР в 1926 г. составляла порядка 60 рублей в месяц. К. Радек читал студентам курс лекций по истории китайского революционного движения, А. С. Лозовский – по истории рабочего движения. Б. Шумяцкий (псевдоним Андрей Червонный, в 1926–1928 гг. – ректор КУТВ) подготовил и читал два курса – «История русской революции» и «История западных революционных движений». Китайские студенты в обязательном порядке изучали «Азбуку коммунизма» Е. А. Преображенского и Н. И. Бухарина. Однако работы Сунь Ятсена, чье имя носил вуз, почему-то не входили в учебную программу.

Университет находился под особо пристальным вниманием власти. И. В. Сталин интересовался его жизнью и тем, как студенты овладевают знаниями. 15 мая 1927 г. состоялась его встреча со студентами УТК. Сталин приехал в вуз и выступил перед ними, отвечая на их вопросы о китайской революции. Об этом вспоминает Шэн Юэ. От-

веты Сталина на вопросы студентов позже были опубликованы³⁷.

С 1928–1929 учебного года было введено трехгодичное обучение студентов. Помимо основной программы предусматривалось два подготовительных курса для адаптации китайских студентов к жизни в Москве и обучения русскому языку. Таким образом, общий срок учебы в университете должен был составлять 5 лет. Всего к этому времени в университете функционировало 16 кафедр, из которых 9 относились к следующим трем «разрядам»: партийные, исторические и экономические науки. Помимо них в университете были организованы кафедры исторического материализма, советского права и государственного строительства (госстроя), естествознания и математики, языков, военного дела и истории профсоюзного движения³⁸. То есть очевидна направленность учебных программ на изучение дисциплин общественно-политического характера.

Особенность возрастного, партийного состава студенчества, разный уровень образования, знания русского языка максимально учитывались в учебном процессе. С учетом всех этих факторов формировались студенческие группы. Так, была особая группа – «возрастная» – для членов партии с большим стажем. Существовали и так называемые подготовительные группы-классы для малообразованных студентов. Занятия в них велись, как правило, старшекурсниками. В частности, в одной из таких групп работал Шэн Юэ³⁹. Студентов, хорошо владеющих русским языком, использовали в качестве переводчиков на лекциях, за что платили им неплохую зарплату – до 175 рублей в месяц⁴⁰.

Следует особо отметить политическую активность китайских студентов. На протяжении всего времени существования УТК – КУТК в нем проходили многочисленные дискуссии по различным политическим вопросам, заседания, собрания. Например, согласно отчету за первый триместр⁴¹ 1927 г., «на каждый рабочий день приходится 2½ заседания – собрания ... Очень часты собрания Гоминьдана, комсомола и вообще студенческие собрания. Слишком много заседаний руководящих органов»⁴².

Важной характеристикой политических настроений в университете является массовое участие студентов в троцкистских кружках. В 1926 г. троцкистские кружки в университете функционировали легально, переживая период своего расцвета. Несмотря на отстранение в апреле 1927 г. К. Радека – сторонника Троцкого – с поста ректора, троцкистские идеи продолжали существовать в вузе. В 1927 г. его последователей в УТК не стало меньше, они лишь перешли на нелегальное положение, продолжая активную деятельность. В этой связи в вузе в 1927 и 1929 гг. прошли чистки по выявлению сторонников троцкизма. Многие студенты и преподаватели были исключены из

университета, некоторые отправлены в Китай или репрессированы. В Записке в ЦК ВКП(б) делегации китайской компартии при ИККИ от 9 апреля 1930 г. говорилось о том, что изначально в университете большинство составляли члены партии Гоминьдан. К концу 1920-х гг., несмотря на проведенную чистку (речь идет о чистке, начатой в КУТК в осеннем семестре 1929 г.), троцкистская организация университета превратилась в центр деятельности троцкистов-китайцев Москвы. Согласно этому же документу остатки гоминьдановцев и троцкисты вели среди китайских студентов контрреволюционную работу, разрушая и разлагая коммунистические партийные организации, стараясь дискредитировать руководство Коминтерна, ВКП(б) и КПК⁴³.

Таким образом, политические дискуссии занимали достаточно важное место в московской жизни китайских студентов. Руководство университета и страны внимательно отслеживало происходящие там события⁴⁴.

Университет для китайский трудящихся в Москве просуществовал недолго – немногим более 5 лет. За эти годы, по сведениям А. Г. Ларина и О. В. Залеской, обучение в нем прошло около 1600 китайцев, не менее 500 – в КУТВ. Из 118 высших руководителей КПК 1920–1940-х гг., обучавшихся за границей, примерно 70% пришлось на СССР⁴⁵.

Университет внес заметный вклад в национально-освободительное движение Китая, подготовил целую плеяду будущих известных политиков страны, способствовал укреплению сотрудничества между двумя крупнейшими государствами – СССР и Китаем. Университет для трудящихся Китая окончили известные политические деятели разных лет. Из числа его выпускников вышли 4 генсека ЦК КПК (Ван Мин, Цинь Бансянь, Чжан Вынтъян, Дэн Сяопин), председатель КНР У Ланьфу, лидер Гоминьдана и президент Тайваня в 1978–1988 годы Цзян Цзинго, маршал Е Цзяньин, министры, парламентарии.

Итак, в середине 1920-х гг. в СССР было создано уникальное государственное специфическое учебное заведение полузакрытого типа, готовившее кадры революционеров для Китая. Поскольку государство не хотело раскрывать истинных мотивов создания этого университета, официально созданием УТК занимался не Наркомпрос, а специальное Общество содействия. Университет трудящихся Китая имел ряд особенностей. Среди них – упрощенная структура университета (без факультетов), деление учебного года на три (а не два) семестра, наличие учебных программ, ориентированных на общественно-политические дисциплины, неоднородный во многих отношениях студенческий состав (по социальному статусу, уровню образования, возрасту, преобладанию мужчин). Непродолжительная деятельность этого высшего учебного заведения свидетельствует о переходе большевиков от призывов и лозунгов о

мировой революции к практическому осуществлению своих замыслов.

Судьба этого вуза, по нашему мнению, связана не только с международной ситуацией и событиями в Китае в изучаемый отрезок времени, но и с характером проводимой в СССР национальной политики. В 1930-е гг. в ходе национальных репрессий многие преподаватели и студенты КУТ подверглись преследованиям. Отказ советских идеологов от доктринальной установки на скорое свершение мировой революции – еще одна немаловажная причина перемен в национальной политике. И хотя крупнейшие интернациональные вузы – КУНМЗ и КУТВ – продолжали существовать до 1936 и 1938 гг. соответственно, поворот в этом вопросе произошел в самом начале 1930-х годов. Индикатором такого поворота, на наш взгляд, может служить закрытие Коммунистического университета трудящихся Китая в апреле 1930 года.

Примечания

- 1 Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнаца. 1917–1923 (вместо отчета). М., 1924. С. 159.
- 2 См.: Жизнь национальностей. 1923. № 1. С. 259.
- 3 См.: Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008.
- 4 См.: Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 51–52.
- 5 См.: Ларин А. Г. Китайцы в России: вчера и сегодня. М., 2003; Он же. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
- 6 См.: Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.
- 7 См.: Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция. М., 2001.
- 8 См.: Спичак Д. А. О подготовке в Советской России будущих руководящих кадров Китайской Народной Республики // 60 лет КНР. 60-летие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009) : тез. докл. XIII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2009. С. 203–204; Она же. Китайские студенты Москвы и сталинские репрессии 30-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2005. № 2. С. 43–55.
- 9 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров компартии Китая и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- 10 См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994.
- 11 Жизнь национальностей. 1923, 1924 гг.
- 12 Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. М., 2009.
- 13 Гоминьдан – национальная (некоторые исследователи называют ее националистической) партия Китая, игравшая руководящую роль в революции 1911 г. и правившая на большей части страны с 1926 г. по 1949 год.
- 14 По переписи населения 1926 г. в СССР проживало более 10 тыс. китайцев (см.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Отдел 1. М., 1929. С. 8–14.). Эти сведения нельзя считать абсолютно точными, они учитывали лишь граждан СССР. В СССР проживало гораздо большее количество китайских переселенцев. Так, О. В. Залеская на 1926 г. только по Дальнему Востоку приводит следующую цифру осевших там китайцев – 72 005 человек (см.: Залеская О. В. Указ. соч. С. 345).
- 15 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 14.
- 16 См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994. С. 534.
- 17 Там же. С. 587.
- 18 Шэн Юэ. Указ. соч.
- 19 Сунь Ятсен – основатель и руководитель национальной партии Гоминьдан (создана в 1912 г.). К моменту создания УТК его уже не было в живых (умер 12 марта 1925 г.).
- 20 РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- 21 Шэн Юэ. Указ. соч. С. 45.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 66. Прим.
- 24 Позднее они сыграли важную роль во внутрипартийной борьбе в Китае, поставив под свой контроль ЦК КПК.
- 25 Цит. по: Шэн Юэ. Указ. соч. С. 61.
- 26 Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма : в 5 т. Т. 5, вып. 2. М., 1933.
- 27 Бородин Михаил Маркович (Грузенберг) (1884–1951) – с 1923 по 1927 г. – политический советник ЦИК Гоминьдана. После антикоммунистического переворота Чан Кайши отозван в Москву, где затем работал в Наркомате труда, в ТАСС, в 1941–1949 гг. – главный редактор Совинформбюро. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом арестован в 1949 г. Умер в исправительно-трудовом лагере в 1951 году.
- 28 РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 89. Л. 145.
- 29 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 15.
- 30 См.: РГАСПИ. Оп. 1. Д. 69. Л. 19. Процентное соотношение подсчитано автором.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Шэн Юэ. Указ. соч. С. 60–61.
- 34 Там же. С. 122.
- 35 См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–9об.
- 36 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 17.
- 37 См.: Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. Т. 9. М., 1952. С. 239–268; Шэн Юэ. Указ. соч. С. 177.
- 38 См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 55. Л. 16 об.
- 39 См.: Шэн Юэ. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 85.

⁴¹ Учебный год в УТК делился на 3 части – триместра.

⁴² См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 47. Л. 37.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 68. Л. 7–8.

⁴⁴ Подробнее о троцкистских кружках в УТК см.: Панцов А. В. Указ. соч. Гл. II.

⁴⁵ См.: Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. С. 133; Залеская О. В. Указ. соч. С. 52.

УДК 940.5

ИДЕИНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОБОРСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ПЕРИОДА РЕЖИМА САНАЦИИ В ПОЛЬШЕ

И. К. Ким

Волгоградский государственный педагогический университет
E-mail: kokes@mail.ru

Статья посвящена политическим идеям, которые являлись основой для сотрудничества и противоборства политических сил в Польше периода режима санации (1926–1939 годы). Выявляются идеи, которые могли сблизить отдельные политические силы или вести к их соперничеству.

Ключевые слова: история Польши, внутренняя политика, история идей, режим санации, политические партии.

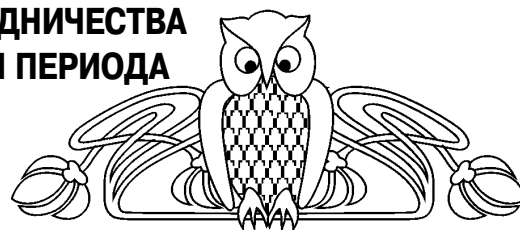
The Ideological and Political Basis of Cooperation and Confrontation Political Forces during the Sanacja Regime in Poland

I. K. Kim

Article is devoted to policy ideas that were base for cooperation and confrontation between political forces in Poland during the sanacja regime (1926–1939). Identified ideas that could sat-licking certain political forces or lead to their rivalry.

Key words: Polish history, domestic politics, history of ideas, sanacja regime, political parties.

Внутриполитические отношения в Польше в период режима санации (1926–1939 гг.) отличались сложностью расстановки и взаимоотношений основных польских политических сил (лагерей и партий, их представляющих). С майского переворота 1926 г. в стране формируется новый правящий санационный (пилсудчиковский) лагерь, включивший в себя группировки разных идейных направлений – от консерваторов до социалистов. Созданный в 1928 г. предвыборный Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББВР) стал до 1935 г. основной политической организацией правящего лагеря, а с 1937 г. таковым стал Лагерь национального единства (ОЗН). Из санационного лагеря накануне войны выдвинулось оппозиционное Стронництво демократычне (СД), объединившее часть левых пилсудчиков. Оппозиция санации была представлена партиями четырёх политических лагерей. Правонационалистический лагерь эндэции возглавлял с 1926 г. Лагерь Великой Польши (ОВП), а с 1928 г. – Стронництво народове (СН), от которого в 1934 г. отделился Национально-

дикальный лагерь (ОНР). Демократические силы представляли лагерь: центристский в составе Польского стронництва христианской демократии (ПСХД) и Национальной рабочей партии (НПР), объединившиеся в 1937 г. в Стронництво працы (СП); людовский (крестьянский), в который входили центристский «Пяст» и левые партии «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), объединившиеся в 1931 г. в Стронництво людове (СЛ); социалистический, олицетворяемый Польской социалистической партией (ППС).

Крайне непросто выявить факторы, в зависимости от которых эти силы готовы были идти на сотрудничество или противоборствовать друг с другом. В статье анализируются идейно-политические основы, содержащиеся в их программных документах, позволявшие вышеназванным силам сблизиться или бороться. При этом программные положения не стоит абсолютизировать: у ряда партий программы обновлялись нечасто, а тактика в деятельности партий нередко брала верх над стратегическими программными установками.

У основных польских политических сил было не много программных положений, по которым существовал консенсус. Таковым было прежде всего признание ценности самого факта существования независимого Польского государства. Декларация ББВР гласила: «Работа, выполненная правительством Маршала Пилсудского, убеждает нас, что найден соответствующий путь, ведущий к мощи Государства и благополучию его граждан»¹. В декларации же ОЗН расставлялись несколько иные акценты: «Государство является единственной формой правильного существования бытия нации», в качестве ведущей идеи назывались «оборонительная сила и мощь Государства»². В программе СН указывалось: «Польская нация является создателем Польского государства и единственным постоянным источником его силы. Противопоставление принципа государственности и национального принципа ошибочно и губительно»³. ПСХД декларировало себя сторонником «сильного правительства» и

противником «всякой антигосударственной деятельности, подрывающей основы государства»⁴. «Самой высшей организационной формой Нации является суверенное государство. Оно не является самоцелью. Оно эманация Нации...»⁵, – утверждалось в программе СП. За укрепление государства выступали и левые: одной из своих главных задач «Вызволене» были «укрепление и защита целостности и независимости» Польского государства, а СХ заявляло, что «стоит на почве польской государственности»⁶.

Из признания ценности государства вытекал негативизм в отношении подрывной антигосударственной деятельности, который вёл к антикоммунизму. Последний декларировался проправительственными силами, в частности ПП, заявлявшей, что «мы будем беспощадно бороться против коммунизма»⁷, или ОЗН: «Коммунизм в своих основах, целях и методах настолько чужд польскому духу, что в Польше нет для него места. Коммунистическая Польша перестала бы быть Польшей»⁸. Идеолог СН Е. Гертых в своей программной по характеру книге провозглашал: «Евреи, масонство и коммунизм – это триединый лагерь наших главных противников»⁹. Даже ППС ответственность за распространение фашизма объяснял ослаблением рабочего класса «из-за безгранично легкомысленной тактики коммунизма»¹⁰.

Большинство иных идей могло как сближать, так и разделять отдельные политические силы. Разница в понимании роли государства отличала санационный лагерь от других политических сил – для него государство представлялось высшей ценностью, в рамках которого должно осуществляться развитие нации. Развитию и укреплению государства мешала, в соответствии с пилсудчиковскими идеями, как говорилось в декларации ББВР, «разъярённая партийность», то есть политические партии, деятели которых ранее «уничтожали веру Нации в её собственные силы, убеждали в чужих заслугах, чужим богам били поклоны, интриговали против собственного Государства», а теперь стремятся к этому вернуться¹¹.

Для эндеции государство было формой организации высшей общности – польской нации. ОВП декларировал для поляков в качестве цели «стать великой нацией», государство которой «должно быть организованным», с иерархичностью и суровой дисциплиной, без чего «нация является беспомощным телом, неспособным на какие-нибудь действия»¹². Идеолог СН Е. Гертых утверждал, что партия строит «национальный порядок»¹³.

Демократической оппозиции государство виделось выразителем и защитником интересов всех его граждан (центристам) или же трудящихся слоёв населения (левым: людовцам прежде всего крестьянства, а социалистам – рабочего класса). ПСХД, позиционируя себя как республиканскую партию, заявляло о стремлении «обеспечить всем

гражданам независимо от пола всё большее участие в управлении общественными делами...»¹⁴.

Отношение отдельных политических сил к государству обуславливало и их отношение к демократии. Санация в целом, яростно осуждая всевластие политических партий, выступала с позиций всё более явного авторитаризма. Для эндеции характерен был ещё больший антидемократизм, в чём, особенно со второй половины 1930-х гг., было заметно сходство с санацией. Демократические же силы отстаивали принципы демократического устройства, что было важной основой для их сотрудничества. НПР заявляло, что стоит «на почве демократии», «на почве республиканского строя»¹⁵. «Пяст» обращался «к самым высоким в Польше идеям демократии», «Вызволене» полагало, что силу и развитие Польши обеспечит «республиканский строй – народно-демократический». СЛ в программе 1931 г. заявляло, что стоит на позиции «республиканского строя, установленного конституцией»; «республиканско-демократический строй»¹⁶ требовала эта партия в программе 1935 года. СД настаивала на требовании «опоры внутренней политики Государства на принципах демократии»¹⁷. Высшим достижением демократических партий было создание центристскими и левыми партиями в 1930 г. блока Центролев для борьбы против диктатуры Ю. Пилсудского. В резолюции конгресса блока говорилось о решимости вести борьбу «вплоть до того, как будет устранена диктатура, вплоть до возвращения уважения к закону»¹⁸.

Отношение к католицизму могло как сближать, так и отдалять партии друг от друга. Санация эволюционировала от неупоминания этой проблемы к признанию в декларации ОЗН её важности: «Католический Костёл должен быть окружён соответствующей опекой»¹⁹. Исповедование католицизма являлось для эндеции критерием принадлежности к польской нации. ОВП утверждал, что «римско-католическая религия должна занимать положение религии господствующей, тесно связанной с государством»²⁰. Это открывало эндеции возможности для сближения как с санацией, так и с ПСХД. Последняя делала упор на важность католицизма для поляков и приоритетное положение этой конфессии, на «воплощение христианских принципов в государственной, общественной, экономической и культурной жизни нации»²¹. «Католическая религия должна занимать первое место среди допускаемых в Польше вероисповеданий»²², – говорилось в программе СП. Для левых партий провозглашение равноправия конфессий отдаляло их от центристов, несмотря на приверженность демократическим идеям и тех и других.

Отношение к национальным меньшинствам также серьёзно влияло на характер взаимоотношений польских политических сил. Санационный лагерь развивался от признания прав национальных меньшинств до роста национализма и уме-

ренного антисемитизма. Это давало основания для выводов о возрастающем его идейном сходстве с лагерем эндеции, исходившем из признания славянских меньшинств младшими по отношению к полякам, негативизма в отношении немцев, декларирувавшем открытый антисемитизм. Е. Гертых называл евреев одним из главных противников эндеции. Центристские силы высказывались за равенство поляков со славянскими меньшинствами и умеренный антисемитизм. В программе СП говорилось: «Еврейский вопрос имеет у нас отдельное, постоянно обостряющееся значение»; благополучие польской нации и государства страдает от «численного избытка евреев», в связи с чем власти и общество «должны сотрудничать в реализации плановой массовой эмиграции евреев»²³. Левые силы последовательно высказывались за равноправие наций, что отдаляло их от прочих лагерей.

Отношение к радикализму также отличало отдельные партии: лишь часть их декларировала себя как радикальные. Таковой называла себя проправительственная ПП, уточняя: «Ошибался бы тот, кто радикализм, вооружённый чувством действительности и государственным чувством, отождествляет с развязыванием революции»²⁴. СХ характеризовала себя «классовой организацией крестьян радикального характера»²⁵. Партией, деклариовавшей свою революционность, была ППС. Программа партии 1937 г. нацеливала партию на борьбу «за полную смену общественного строя», за «ликвидацию эксплуатации и подавления всякого рода»²⁶. Левые крестьянские «Вызволене» и СХ выступали за аграрную реформу без выкупа земли.

Проблема связей с международными организациями и подверженности внешнему влиянию также разделяла партии. Большинство их выступало против любого внешнего воздействия на внутривнутриполитические отношения. ПП утверждала, что революцию, «совершенную при чужой помощи, мы считали попросту предательством, которое должно было бы привести к новым разделам»²⁷. СН отвергало «зависимость от всяких международных организаций, явных, как социально-политические интернационалы, или же тайных, как масонство»²⁸. Отрицательно характеризовал Е. Гертых лидеров центристов за их стремление «опереть Польшу на западные “великие демократии”»²⁹. ОНР в своей программе шёл ещё дальше, говоря о решительной борьбе со всем, что угрожает целостности польской нации, называя «коммунистические, масонские и капиталистические международные организации»³⁰. Центристы, которых правые постоянно обвиняли в связях с международным масонством, отрицали свою связь с внешними силами. СП, например, заявляло о том, что оно отвергает «оскорбляющее нас слепое подражание разным, модным сегодня чуждым примерам», хотя и стремилось гармонизировать свои идеологию и деятельность «с самым

близким для нас всегда миром западной культуры – христианской»³¹. Лишь ППС, декларируя свою приверженность марксистскому принципу пролетарского интернационализма, заявляла в программе 1937 г.: «В связи с трудящимися массами всего мира как член Социалистического рабочего интернационала, Польская социалистическая партия стремится к созданию Польской социалистической республики...»³².

Существенным различием между лагерями были взгляды на структурирование польского общества и попытки идентифицировать себя с точки зрения своей социальной базы. В зависимости от этого каждая партия стремилась указать на те слои, интересы которых она защищает. По государственно-политической принадлежности определяла свою базу санации, выражая её в нечётких формулировках о своих сторонниках – приверженцах государственных идей Пилсудского. «Мы обращаемся к тем в нации, кто хочет быть одним из сознательных созидателей сегодняшнего дня и будущего Польши, кто желает внутреннюю жизнь Польши нацелить на стиль и уровень достойный великой нации...»³³, – говорилось в декларации ОЗН.

По этническому признаку делили польское общество эндеция и частично центр, постепенно к этому склонялась и санация. СН заявляло, что «служит благу нации как исторической целостности»³⁴. ННР в своей программе указывала на «разделение человечества на нации, а те на общественные классы», признавая «общность общенациональных интересов польского пролетариата с иными общественными классами нации» и позиционируя себя «одновременно как национальную партию, так и рабочую партию». Признавая борьбу между классами, ННР подчёркивала, что ведёт её «в общегосударственных границах, не возносит её, однако, до абсолютного принципа»³⁵. Но и такая трактовка классовый борьбы отдаляла эту партию даже от ПСХД, заявлявшей, что «принципиально отвергает борьбу классов и господство одного класса над другим»³⁶. В программе же созданного из этих партий единого СП заявлялось: «Самой высшей естественной общностью является Нация», а «Польша является национальным государством и польская Нация является в нём хозяином»³⁷. Приверженность национализму не препятствовала острому противоборству СН и ОНР: идеолог первого Е. Гертых обвинял ОНР в «компроматации национальной идеи и Национального Лагеря»³⁸. Между партиями правые и центра имели место расхождения по вопросу, кто наиболее полно отстаивает интересы польской нации. Последнее становилось как основой для сотрудничества эндеции и центристов до 1930-х, санации и отдельных группировок эндеции в конце 1930-х гг., так и для враждебности эндеции к левым за якобы имевший место их отказ отстаивать интересы именно польской нации.

Критерий структурирования общества по вероисповеданию использовал прежде всего ПСХД и в меньшей степени – эндеция. Декларирование защиты интересов католической церкви и католиков поощряло и сближение (эндеция и центр – до 1930-х гг., хотя велись дискуссии, кто в большей степени отстаивает католические ценности, при этом первые делали упор на поляках-католиках, вторые же – на приоритете христианских ценностей в общественно-политической жизни), и враждебность (эндеция и левые).

Левые декларировали в своих программах классовый подход к структурированию общества. «Вызволене» заявляло, что является «политической организацией сельского населения», а СХ – «классовой организацией крестьян», объединённое СЛ в своей программе 1931 г. характеризовало себя «политической организацией сельского населения, польских крестьян»³⁹. ППС в программе 1920 г. характеризовала себя «выразительницей потребностей и стремлений рабочего класса», а в программе 1937 г. говорила уже о борьбе партии за «освобождение трудящихся масс от пут насилия и эксплуатации», поскольку социалистическое движение объединяет «значительную часть крестьянства, а также трудовой интеллигенции, охватило безработных, к нему обращают надежды большие группы молодёжи»⁴⁰. Классовый подход и сходство социальной базы могли вести как к враждебности партий (выход из ППС в 1928 г. пилсудчиковской «бывшей Революционной фракции» (ППСДФР), соперничество «Вызволене» и СХ до 1931 г. за мелкое и среднее крестьянство, а ННР и ППС – за рабочих, конкуренция между людовскими партиями и ППС за трудящиеся слои деревни), так и сближению их вплоть до объединения (людовцы с 1931 г.).

Отстаивание интересов трудящихся левыми партиями позволяло им сотрудничать с другими подобными партиями. «Вызволене» заявляло о стремлении поддерживать с рабочими организациями «отношения братства и дружбы», вести борьбу за создание народной Польши через «создание крестьянско-рабочего правительства». СХ провозглашало стремление «жить в дружбе и согласии» с теми, кто работает («рабочие, ремесленники, трудовая интеллигенция»). СЛ в программе 1931 г. говорило, что партия «поддержит правильные требования рабочих масс», не противоречащие, в частности, «благу государства». В то же время основой будущего аграрного строя, по СЛ, должна стать «индивидуальное самостоятельное земледельческое хозяйство, основанное на частной собственности»⁴¹. Последнее положение вступало в противоречие с программными установками ППС, предполагавшими, что социалистическая Польша «возьмёт в свои руки средства производства и коммуникации»⁴². ППС высказывалась за создание рабоче-крестьянского правительства.

Отношение к санации, санационному режиму и его создателю Ю. Пилсудскому наиболее чётким образом разделяло основные партии на правящий лагерь и оппозицию. Прежде всего санацию и оппозицию разделяли отношение к Пилсудскому и оценка степени важности существования Польского государства. Именно позитивное отношение к Пилсудскому и его деятельности, а также признание Польского государства высшей ценностью стало главным фактором сближения и объединения в единый санационный лагерь группировок разных идейных направлений. Статус санации как правящего лагеря стимулировал сближение с ней группировок сторонников Пилсудского в оппозиционных партиях, преимущественно левых и центристских. Часть таких группировок вошла в состав ББВР, декларируя идеи, часто несоместимые друг с другом. ПП заявляла: «...Мы стоим в ряду демократических партий», – что не очень соответствовало общей линии ББВР. ППСДФР же провозглашала идеи социальной революции: «Победоносная социальная революция даст возможность социалистической, экономической, политической и культурной перестройки жизни народов», в стремлении к чему партия «объединяет свои усилия с акцией сознательного пролетариата всех стран», стремится «к социалистическому правлению, опирающемуся на трудящиеся массы города и деревни»⁴³. Это коренным образом противоречило идеям консервативных и части правонационалистических сил, также оказавшихся в лагере санации. Объединяли разнородные группировки в ББВР положения декларации Блока о том, что деятельность правительства Пилсудского «убеждает нас, что найден соответствующий путь, ведущий к мощи Государства и благополучию его граждан» и «сотрудничество с правительством Маршала Пилсудского является для каждого гражданина наказом патриотической обязанности и государственной мудрости»⁴⁴, а также утверждение в декларации ОЗН: «Сегодняшняя Польша является делом Юзефа Пилсудского»⁴⁵.

В то же время позитивное отношение к Пилсудскому не остановило перехода в оппозицию санационному лагерю части левых пилсудчиков. Охарактеризовав в программной декларации СД Пилсудского как «строителя польского Государства»⁴⁶, эта часть пилсудчиков заявила о своём неприятии эволюции санационного лагеря после его смерти.

Тем самым приверженность сходным идеям разных сил не обязательно вела эти силы к сближению, это воспринималось как основание для противоборства. Представляется, что наиболее существенным, системным различием между этими силами было отношение к Пилсудскому и его государственным идеям, что делило политические силы на правящий лагерь санации и оппозицию. Существовали и иные линии раздела, проходящие уже внутри оппозиции, частично затрагивая и санацию. Оппозицию разделяло

отношение к демократии, национальным меньшинствам, причём в направлении правонационалистической оппозиции эволюционировала часть санационного лагеря. Отношение к католицизму осложняло отношения между демократическими левыми и центристскими партиями, но создавало почву для сотрудничества центристов и правых. Делили политические силы отношение к радикализму и к связям с международными организациями, а также взгляды на структурирование польского общества. В то же время в правящем санационном лагере могли ужиться группировки, идейно отличные друг от друга.

Примечания

- 1 WIP. Wszystkie stronnictwa. 1928. № 3. S. 46.
- 2 Gazeta Polska. 22.02.1937.
- 3 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych (1918–1939). Warszawa, 1963. S. 192.
- 4 Polonia. 12.10.1931.
- 5 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. T. III. Pułtusk, 1998. S. 245.
- 6 Lato S., Stankiewicz W. Programy Stronnictw Ludowych. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1969. S. 224, 281.
- 7 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 144.
- 8 Gazeta Polska. 22.02.1937.
- 9 Giertych J. O wyjście z kryzysu. Warszawa, 1938. S. 152.
- 10 Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego. 1878–1984. Warszawa, 1986. S. 235.
- 11 WIP. Wszystkie stronnictwa. 1928. № 3. S. 45.
- 12 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 168–169.
- 13 Giertych J. Op. cit. S. 32.
- 14 Polonia. 12.10.1931.
- 15 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 95.
- 16 Lato S., Stankiewicz W. Op. cit. S. 225, 256, 299, 314.
- 17 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 253.
- 18 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 232.
- 19 Gazeta Polska. 22.02.1937.
- 20 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 169.
- 21 Polonia. 12.10.1931.
- 22 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 248.
- 23 Ibid. S. 248–249.
- 24 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 144.
- 25 Lato S., Stankiewicz W. Op. cit. S. 281.
- 26 Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego. 1878–1984. S. 232.
- 27 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 144.
- 28 Ibid. S. 191.
- 29 Giertych J. Op. cit. S. 108.
- 30 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 211.
- 31 Ibid. S. 245.
- 32 Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego. S. 232.
- 33 Gazeta Polska. 22.02.1937.
- 34 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 191.
- 35 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 92.
- 36 Polonia. 12.10.1931.
- 37 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 245, 248.
- 38 Giertych J. Op. cit. S. 92.
- 39 Lato S., Stankiewicz W. Op. cit. S. 224, 281, 299.
- 40 Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego. S. 143, 232, 237.
- 41 Lato S., Stankiewicz W. Op. cit. S. 230–231, 282, 313, 315.
- 42 Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego. S. 232.
- 43 Wybór dokumentów programowych głównych partii i organizacji politycznych. S. 145, 221–222.
- 44 WIP. Wszystkie stronnictwa. 1928. № 3. S. 46.
- 45 Gazeta Polska. 22.02.1937.
- 46 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. S. 252.

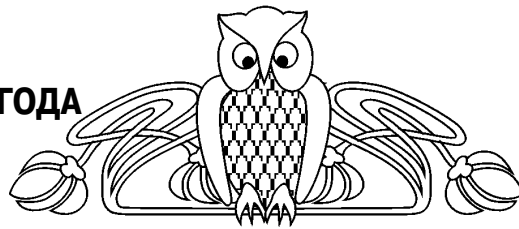

УДК 94 (73)

СРАЖЕНИЕ ЗА МИДУЭЙ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ 4–6 ИЮНЯ 1942 ГОДА

С. О. Буранок

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: witch-king-1@mail.ru

В статье проанализирована оценка прессой США сражения за Мидуэй. Рассмотрена специфика мнений и выявлены источники формирования взглядов общества.

Ключевые слова: Мидуэй, общественное мнение, Тихоокеанская война.

**The Battle of Midway in the Estimates of the U. S. Press
June 4–6, 1942**

S. O. Buranok

In article of an estimation of press of the USA of Battle of Midway are analyzed. Specificity this opinions is revealed. Sources of formation of opinions and estimations are considered.

Key words: Midway, Public Opinion, Pacific War.

В историографии Тихоокеанской войны события второй половины 1942 г. занимают особое место: как западные историки, так и большинство отечественных исследователей определяют битву у атолла Мидуэй и кампанию на Гуадалканале как сражения, изменившие ход войны. Но стоит отметить, что в советской историографии сражение за Мидуэй подчёркнуто называли не *решающим*, а лишь *стабилизирующим*, приведшим к равновесию на Тихом океане¹.

Характерно, что в американской и британской исторической науке статус *решающей битвы* практически всегда закрепляется только за Мидуэем. Сражение в Коралловом море трактуется как своеобразная подготовка к генеральному сражению, а Гуадалканал – как развитие достигнутых успехов. С. Далл пишет о Мидуэе как о «действительно решающей битве», делая ударение на первом слове². Другие авторы подбирали образные выражения – «поворот прилива» (Ван Дер Ват)³, «когда дым битвы развеялся, для Восходящего солнца начался закат» (Г. Прандж)⁴, – а также совершенно простые определения: «первое действительно сокрушительное поражение японцев» (С. Морисон)⁵; «решающая битва» (Э. Поттер)⁶; «...перелом в войне. Поворотный пункт, предопределивший окончательное поражение Японии» (Б. Лиддел Гарт)⁷.

Такая единодушная оценка американской победы историками исходит прежде всего из последствий Мидуэя для Тихоокеанской войны и оценки данных событий современниками. Их интерес к анализу сражения 4–6 июня 1942 г. был очень высоким.

Вопрос о восприятии американской общественностью сражения за Мидуэй – ключевого

момента Тихоокеанской войны – является слабо изученным. В отечественной историографии до сих пор не показано, какое влияние оказала победа 4 июня на общественное мнение, как изменилась оценка войны, как проходило информационное обеспечение сражения⁸.

В американской историографии тоже нет специальных исследований, посвящённых обозначенной теме. Лишь в общих чертах описывается освещение битвы в прессе. Так, отмечает С. Э. Морисон, публикации «New York Times» периода 9–13 июня создавали в обществе неверное впечатление, что сражение было выиграно «летающими крепостями» и другими самолётами берегового базирования⁹.

Таким образом, не существует анализа сообщений прессы о сражении, не рассмотрена эволюция оценки общественности, не выявлены информационные связи процесса создания образа сражения за Мидуэй. Учитывая роль данной битвы, её влияние на ход Тихоокеанской войны, можно заключить, что названные проблемы являются важными и актуальными для исторической науки.

Первая информация о победе над японцами появилась в американской прессе уже 5 июня, ещё до завершения операции. Крупнейшие американские издания, ссылаясь на слова адмирала Нимица и бюллетень военно-морского министерства¹⁰, охарактеризовали Мидуэй как безусловную победу ВМС США, но, скорее, локального характера. Так, «Los Angeles Times» даёт заголовок: «Японский авианосец и линкор разбиты в рейде на Мидуэй», но в самой статье указывается, что японские корабли только повреждены и «наступление противника продолжается»¹¹.

Такую новость редакторы «Pittsburgh Press» посчитали настоящей сенсацией. Выпуск от 5 июня снабжён крупным заголовком: «Японские военные корабли повреждены в сражении у острова Мидуэй»¹². На второй странице данного издания опубликована карта Тихого океана с указанием довоенных владений Японии и нового оборонительного периметра империи. Мидуэй и Алеутские острова отмечены на ней как место 25-го крупного сражения за первые полгода войны¹³.

Публикация подобной карты сразу давала возможность читателям понять роль Мидуэя как для американской обороны, так и для японского наступления, а это наилучшая возможность про-

демонстрировать значимость и важность развернувшегося сражения.

Очень похожий характер носят и публикации 5 июня в «Chicago Daily Tribune»: «Два больших корабля япошек искалечены», – говорится в передовице, а в заметке уточняется, что речь идёт о повреждении авианосца и линкора, другие корабли, «возможно, получили попадания, и, возможно, японцы понесли большие потери в самолётах»¹⁴.

Эта же тема стала центральной для издания «Deseret News» в Солт Лэйк Сити, только с заменой «двух больших кораблей» на «два огромных»¹⁵. В «Youngstown Vindicator» повреждение двух или более транспортов отмечается, но главный акцент газета штата Огайо делает на внезапном нападении японцев на Мидуэй: «Янки отбивают атаку Мидуэя», – сообщает передовица издания. А в статье, посвящённой обороне острова, указывается: «В 6.35 Мидуэй был атакован японскими палубными самолётами. Нападение отражали все вооружённые силы, составляющие местную оборону. Большая часть атакующих самолётов была сбита. Материальный ущерб инфраструктуре острова минимален»¹⁶.

Следуя той же логике, «Washington Reporter» утверждает, что «совместными действиями вооружённые силы США сокрушили огромный флот противника у Мидуэя»¹⁷. Подобный вывод журналисты делают из заявления военно-морского министерства о «больших потерях японцев в самолётах» и прекращении атак на Мидуэй. В «Daily Boston Globe» осторожный официальный материал, по примеру других изданий, снабжают сенсационным заголовком: «Японский флот разорван в битве за Мидуэй»¹⁸.

Видно, что уже 5 июня (в первый день освещения битвы в периодической печати) начинает формироваться образ полной победы США: настойчивые и частые упоминания японских потерь как в кораблях, так и в самолётах при отсутствии или минимуме потерь вооружённых сил США.

«Hartford Courant» в этот день публикует идентичную «Chicago Daily Tribune» и другим изданиям статью, но с более скромным заголовком: «Два японских корабля повреждены»¹⁹. А журналисты «Christian Science Monitor Magazine» решили не упоминать о нанесённом ущербе и ограничились словами, что вооружённые силы США остановили японское наступление у Мидуэя²⁰.

Из представленных газет хорошо видны действия американских издателей и журналистов в начальный период формирования представлений и образов будущего «перелома Тихоокеанской войны»: имея в распоряжении очень скудные сведения, редакторы публикуют официальные сообщения ВМС без изменений, стараясь приукрасить информацию заголовками. Эта тенденция хорошо просматривается в тех передовицах, где повреждённые японские корабли определяются словами, имеющими усиливающую эмоционально-смыс-

ловую нагрузку: «разбиты», «искалечены» и т. п. Благодаря этому исходная новость о бомбовых попаданиях в два корабля приобрела совершенно иной, более внушительный, «победный» оттенок.

Очень показателен здесь выпуск «Spokane Daily Chronicle» с заголовком: «Гарнизон Мидуэя уничтожил огромное число самолётов противника»²¹. Кроме данной сенсации, газета содержит традиционную информацию о повреждённых авианосце, линкоре и «многих других кораблях» японского флота. Завершается обзор словами адмирала Нимица: «Наш флот продолжает наносить удары по врагу»²².

Важно отметить, что уже в первый день создания информационного обеспечения сражения в плане подачи материала пресса разделяется на две группы: первая, судя по заголовкам 5 июня, концентрирует внимание на японских повреждённых кораблях, т. е. на материальном факторе; вторая группа – это газеты, отдающие предпочтение мнению о срыве плана японского наступления, его «остановке», т. е. оперативно-стратегическому фактору.

Мотивы, которыми руководствовались представители обеих групп, вполне понятны: после нападения на Пёрл-Харбор американским журналистам нечасто доводилось писать о реальных повреждениях сразу двух кораблей противника. И упустить такой случай СМИ не могли. С другой стороны, ещё реже удавалось силам союзников не допустить реализации японских планов, а в прессе активно освещалось только одно событие такого рода – атака на атолл Уэйк. Поэтому события 5 июня (в том виде, как они предстали перед журналистами) показались весьма удобными для демонстрации стратегических успехов на Тихом океане.

Наиболее дальновидно и практично в этом плане поступила редакция «New York Times», сделав 5 июня акцент сразу на двух первоначальных итогах сражения. Газета выходит с заголовком «Мидуэй атакован. Корабли противника повреждены». Основная статья Роберта Трамбулла – «Остров США бомбят; Защитники отразили мощное наступление сильного флота с помощью авиации флота»²³. Текст статьи представляет собой традиционное для 5 июня сообщение о повреждении японских авианосца и линкора, со ссылкой на Нимица.

В этом же номере издания опубликована статья ведущего военного обозревателя Хэнсона Болдуина, в которой проводится мысль, что нападение на Датч-Харбор 3–4 июня и атака на Мидуэй есть части единой японской операции²⁴. Эта тенденция свойственна большинству периодических изданий, вышедших 5 июня²⁵. В статье Роджера Грина (военного редактора «Ассошиэйтед пресс»), которую напечатали многие газеты, количество ударов японского флота в июньской операции существенно расширяется: это и Мидуэй, и Аляска, и Мадагаскар, где «специальные

японские субмарины» торпедировали британские линкор и транспорт²⁶.

Это показывает как значение японской операции, так и её масштаб, что в сумме с сообщениями о её срыве придаёт американской победе ещё большую значимость, причём не только для Тихоокеанского региона.

В целом в номере «New York Times» можно наблюдать баланс в освещении как материально-го, так и стратегического значения сражения за Мидуэй при сохранении общего весьма сдержанного тона публикаций, характерного для прессы 5 июня.

Такой настрой журналистам был передан от главнокомандующего Тихоокеанским флотом США адмирала Нимица, который, по мнению историка Э. Поттера, «оценивал события дня (имеется в виду ключевой день операции – 4 июня. – С. Б.) с осторожным оптимизмом²⁷. В свою очередь, обозначенный «осторожный оптимизм» сформировался у адмирала под влиянием очень кратких и не совсем конкретных донесений адмирала Р. Спрюэнса²⁸.

На следующий день в прессе начался процесс эволюции общего тона и характера публикаций от настороженно-сдержанного до восторженного. На первой полосе «New York Times» публикуется статья одного из наиболее авторитетных обозревателей Роберта Трамбулла «Наши великолепные лётчики»²⁹. В статье привелись слова адмирала Нимица о том, что 4–6 июня у о. Мидуэй «была одержана великолепная, впечатляющая победа» и «японский флот отступил, понеся тяжёлые потери, включая несколько повреждённых авианосцев, линкоров и крейсеров»³⁰.

Помимо данного материала, на первой полосе опубликована редакторская статья «План вторжения раскрыт», в которой делается предположение, что японцы собирались произвести высадку десанта на Миудэй, так как адмирал Нимиц упомянул в своём коммюнике «флотилию транспортов противника»³¹. Этот, на первый взгляд, весьма незначительный эпизод в создании образа сражения очень показателен: уже на второй день освещения Мидуэя в СМИ журналисты пытаются понять подлинные причины борьбы за далёкий остров. Источником информации, как и ранее, послужили данные из Пёрл-Харбора от 5 июня, а также бюллетень военно-морского министерства от 4 июня, где впервые сообщалось, что Мидуэй атакован японским авианосцем, но без каких-либо подробностей³². «New York Times» была не единственной газетой, которая опубликовала новости о победе.

«Chicago Daily Tribune» вышла с восклицанием на передовице: «Японцы отбиты у Мидуэя!»³³. А далее со слов адмирала Нимица сообщалось, что флот противника понёс тяжёлые потери, в том числе и в авианосцах. Но в чикагском издании оценка сражения имела предположительный оттенок: «Великая воздушная и морская битва,

предположительно над Мидуэем, возможно, сегодня завершилась»³⁴.

«Hartford Courant», как и другие американские издания в этот день, концентрирует внимание на двух темах: японских потерях и завершении операции. Газета выходит с заголовком: «Великая битва за Мидуэй затихает», а потери «Токийского флота» охарактеризованы как «большие и очень тяжёлые во всех классах кораблей: авианосцах, линкорах, крейсерах и транспортах»³⁵.

Практически идентичный заголовок украшает передовицу «Los Angeles Times»: «Тяжёлые потери флота японцев в великой битве за Мидуэй», под которыми подразумеваются повреждения «как минимум 8 крупных кораблей»³⁶. В номере этого дня содержится ещё одна важная мысль: «неудачные рейды японцев на Гавайи и Аляску» могут стать точкой отсчёта американского наступления, но с уверенностью об этом можно будет говорить только после получения полных сведений о сражениях³⁷.

Сместить акцент с тактических результатов битвы на оперативно-стратегические решили и журналисты «Christian Science Monitor Magazine» и «The Sun»: «Японский флот отступает от Мидуэя»³⁸.

Нельзя не отметить значительных успехов американских журналистов в демонстрации обществу крайне важного, даже определяющего характера сражения за Мидуэй. Для этого использовались самые разнообразные средства – публикация списков японских потерь, сообщения об отступлении японского флота и погоне за ним, заявления о срыве планов противника, – но одним из наиболее эффективных методов стала публикация о предполагаемых действиях японцев после Мидуэя, в случае их победы, а не американской.

В газете «News and Courier» это сделано самым наглядным и простым способом – с помощью карты, на которой представлена схема японских ударов в период Мидуэйской операции, а главное, предполагаемые японские операции после Мидуэя. По заявлению журналистов, это мнение «военно-морского эксперта»³⁹.

Всего на карте обозначено 5 японских ударов: 1) Алеутские острова и Датч-Харбор; 2) Северная часть Тихого океана; 3) Мидуэй; 4) Гавайи; 5) острова Фиджи и Самоа. И указано, что в случае успеха этих действий Япония пойдёт дальше и нанесёт удары по западному побережью США – Лос-Анджелесу, Сан-Франциско и даже Панамскому каналу.

Это одна из первых попыток в прессе понять и представить общественности японский план захвата Мидуэя и последующих действий. Если в СМИ предыдущего дня высказывались лишь предположения относительно целей Японии, то 6 июня появилась стройная, аргументированная, правдоподобная версия. В последующие дни она приобретёт новые детали и благодаря журналистам будет активно развиваться.

Видно, что большинство публикаций 6 июня насыщено оптимизмом, в заметках и статьях прослеживается уверенность американских журналистов в победе, причём СМИ немедленно показывают значение этой победы, называя её великой, хотя в плане освящения японских потерь практически ничего не изменилось по сравнению с предыдущим днём. Пока газеты вслед за штабом Тихоокеанского флота пишут только о повреждённых кораблях противника, не переводя их в разряд потопленных или потерянных. На этом фоне новость о неудачном завершении японской операции (отказ от планов) выглядит более впечатляющей, поэтому 6 июня редакторы отдают ей предпочтение на первых полосах своих изданий.

Можно отметить ещё ряд характерных черт, присущих американской прессе 6 июня.

Во-первых, в этот день сражение за Мидуэй завершилось. Эту дату определяют военные США в своих отчётах: адмирал Нимиц⁴⁰, командир авианосца «Энтерпрайз» кэптен Дж. Мюррей⁴¹, кэптены Э. Букмастер и М. Митшер⁴². Но в образе битвы, создаваемом СМИ, 6 июня – кульминация операции. О её завершении никто не пишет.

Во-вторых, в периодической печати США за весь период реального хода сражения (4–6 июня 1942 г.) так и не был обнародован состав японского флота – СМИ ограничились упоминаниями, что у противника было неизвестное число авианосцев, линкоров, крейсеров, транспортов. Противостоящие им американские силы оставались для общественности полной загадкой. Дело с командующими обстояло похожим образом: было известно, что Тихоокеанским флотом США руководит Нимиц, но кто командует японскими соединениями при Мидуэе – неизвестно.

В-третьих, ход сражения для прессы был абсолютно не ясен, кроме того факта, что палубные японские самолёты нанесли удар по Мидуэю, понесли потери, а затем (причём даже неизвестно, какое время спустя) были повреждены и корабли Императорского флота Японии. Какие силы и соединения армии, флота или ВВС США отличались, периодическая печать 4–6 июня так и не выяснила.

В сумме данные факторы создали весьма благоприятную базу для появления оригинальных версий и трактовок сражения, а также самых откровенных слухов, домыслов, предположений.

Такой характер материала и отсутствие содержательных источников информации заставляют газеты США отложить публикацию объёмных статей на более поздний срок, ограничившись в период 4–6 июня яркими заголовками к небольшим заметкам о сражении за Мидуэй.

Примечания

¹ См.: Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980. С. 371. Коренной перелом связывали только с Гуадалканалом. История Второй мировой войны: в 12 т. М., 1975. Т. 6. С. 252–257.

² Далл С. Боевой путь Императорского японского флота. Екатеринбург, 1997. URL: <http://militera.lib.ru/h/dull/index.html> (дата обращения : 10.05.2011).

³ Van der Vat D. The Pacific Campaign: World War II, the U. S. – Japanese Naval War, 1941–1945. N. Y., 1991. P. 204.

⁴ Prange G. W. Miracle at Midway // Reader's Digest. 1972. December. P. 156.

⁵ Морисон С. Э. Коралловое море, Мидуэй и действия подводных лодок: весна-лето 1942 г. М. ; СПб., 2003. С. 231.

⁶ Поммер Э. Адмирал Нимиц. СПб. ; М., 2003. С. 188.

⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М. ; СПб., 2002. С. 385.

⁸ Даже в монографии Р. Ф. Иванова и Н. К. Петровой, посвящённой общественно-политическим силам в годы войны, эти вопросы остались без ответа. См.: Иванов Р. Ф., Петрова Н. К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995.

⁹ Морисон С. Э. Восходящее солнце над Тихим океаном: 1941 – апрель 1942 / пер. с англ. М. ; СПб., 2002. С. 232.

¹⁰ Navy Department Communiqués 1–300 and Pertinent Press Releases: December 10, 1941 to March 5, 1943. Washington, 1943. P. 56.

¹¹ Los Angeles Times. 1942. June 5. P. 1.

¹² Pittsburgh Press. 1942. June 5. P. 1.

¹³ Ibid. P. 2.

¹⁴ Chicago Daily Tribune. 1942. June 5. P. 1.

¹⁵ Deseret News. 1942. June 5. P. 1.

¹⁶ Youngstown Vindicator. 1942. June 5. P. 1.

¹⁷ Washington Reporter. 1942. June 5. P. 1.

¹⁸ Daily Boston Globe. 1942. June 5. P. 1.

¹⁹ Hartford Courant. 1942. June 5. P. 1.

²⁰ Christian Science Monitor Magazine. 1942. June 5. P. 1.

²¹ Spokane Daily Chronicle. 1942. June 5. P. 1.

²² Ibid. P. 1.

²³ New York Times. 1942. June 5. P. 1.

²⁴ Ibid. P. 3.

²⁵ Pittsburgh Press. 1942. June 5. P. 1 ; Youngstown Vindicator. 1942. June 5. P. 1 ; Deseret News. 1942. June 5. P. 1 ; Christian Science Monitor Magazine. 1942. June 5. P. 1 ; Spokane Daily Chronicle. 1942. June 5. P. 1.

²⁶ Sarasota Herald-Tribune. 1942. June 5. P. 1, 2.

²⁷ Поммер Э. Указ. соч. С. 179.

²⁸ Commander in Chief, Pacific Fleet report, Serial 01849 of 28 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park; War Diary NAS Midway. National Archives and Records Administration. Pacific Region (San Bruno, CA). Record Group 313.

²⁹ New York Times. 1942. June 6. P. 1.

³⁰ Ibid. P. 1.

³¹ Ibid.

³² Navy Department Communiqués ... P. 56.

³³ Chicago Daily Tribune. 1942. June 6. P. 1.

³⁴ Ibid. P. 1–2.

³⁵ Hartford Courant. 1942. June 6. P. 1.

- ³⁶ Los Angeles Times. 1942. June 6. P. 1.
³⁷ Ibid. P. 3.
³⁸ Christian Science Monitor Magazine. 1942. June 6. P. 1 ; The Sun. 1942. June 6. P. 1.
³⁹ News and Courier. 1942. June 6. P. 1.
⁴⁰ Commander in Chief, Pacific Fleet report, Serial 01849 of 28 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park ; Nimitz Chester W. Collection. University of the Pacific. University Library. Box 1.
⁴¹ U. S. S. Enterprise Action Report, Battle of Midway Island, Serial 0133, June 4–6, 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park.
⁴² U. S. S. Hornet Report of Action, 4–6 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park ; U. S. S. Yorktown Report of Action, 4–6 June 1942. World War II action reports, Modern Military Branch, National Archives and Records Administration, College Park.

УДК 32.019.51(73)

АМЕРИКАНСКИЕ СМИ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1947 ГОДУ

Н. Н. Бонцевич

Саратовский государственный университет
E-mail: bontsevitch@yahoo.com

В настоящей статье анализируется характер публикаций об СССР в ведущих американских периодических изданиях разной политической направленности за 1947 г. Автор исследует, как и почему изменилось отношение популярных американских СМИ к Советской России по сравнению с 1946 г. и как эти изменения повлияли на формирование нового образа бывшего союзника на страницах прессы. Работа построена на использовании широкого круга периодического материала, включая и научную периодику. **Ключевые слова:** внешнеполитическая стратегия США, либеральная и консервативная печать, Генри Люс, стереотипы о России, план Маршалла.

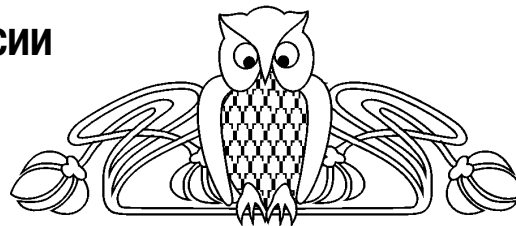
The American Press about the Soviet Russia in 1947

N. N. Boncevic

In the present paper the content of the leading American periodicals of different political views about the Soviet Union for 1947 is analyzed. The author explores how and why the popular American periodicals' attitude has been changed since 1946 and how these changes affected making new images of the recent ally in press. The author used a wide range of periodicals including research one for writing this paper.

Keywords: American foreign policy strategy, liberal and conservative press, Henry Luce, stereotypes about Russia, Marshall Plan.

Как известно, неотъемлемой характеристикой холодной войны является высокий накал идеологического противостояния наряду с политическим, военным, экономическим. Его в условиях глобального противоборства двух сверхдержав обеспечивала пропаганда, институционализованный в масштабах государства. Если для тоталитарного СССР к началу холодной войны пропаганда представляла собой хорошо отлаженную функцию государства, то американским властям только еще предстояло озаботиться этим вопросом. Специальный комитет с пропагандистскими

функциями в Конгрессе США был создан только в сентябре 1947 г. и нацелен на продвижение плана Маршалла в массы, т. е. говорить о пропаганде в США с участием всех значимых информационных каналов в 1946 и 1947 г. не приходится. Вместе с тем в американском обществе происходил заметный сдвиг в восприятии своего союзника во Второй мировой войне. Между 1945 и 1947 г. численность тех, кто начал относиться к России как к «агрессору», увеличилась с 38 до 66%¹. Госсекретарь Д. Маршалл отмечал в одной из своих публичных речей в ноябре 1947 г.: «Сегодня, спустя два года, нас обвиняют во враждебности к Советскому Союзу и русскому народу, что свидетельствует о совершенном изменении нашего отношения к русским по сравнению с 1945 годом»².

В отсутствие пропагандистской функции у американского государства задачу репрезентации нового образа советского союзника весьма успешно выполнила пресса. На ведущих периодических изданиях, внимательно отслеживавших все происходящее во внутренней и внешней политике администрации Трумэна, в полной мере лежит ответственность за первые признаки охлаждения американской общественности к СССР и русским.

В этой связи интересно было бы проследить, как и под воздействием каких факторов менялся тон публикаций ведущих газет и журналов разной политической направленности по отношению к СССР в 1947 году.

Складывается впечатление, что до тех пор, пока американская администрация определялась с контурами своей послевоенной внешней политики, симпатии общественности были на стороне «русских союзников», а «дядя Джо» вызывал уважение у простых американцев³. Весь 1946 г., несмотря на тревожные сигналы⁴, дипломатический тон США в переговорах с СССР продолжал оставаться мягким и носил уговаривающий харак-

тер. И только пресса, даже либеральная, с трудом скрывала растущее раздражение от поведения советских представителей на международных конференциях. Так, например, «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью «Больше реализма в отношениях с Россией», где писала: «Наиважнейший фактор современных международных отношений есть растущий российский национализм», и что «Россия извлекает слишком большую одностороннюю выгоду из ситуации»⁵.

Консервативная пресса, хоть и признавала значимость этапа сотрудничества двух стран, привнесшего больше толерантности во взаимоотношения их народов, характеризовала будущее американо-советских отношений как соперничество. «Мнение о том, что Россия понимает только язык силы ... теперь общепринятое», – констатировала «Крисчиан Сенчури»⁶. О характере намерений советского руководства в отношении некоторых европейских стран та же газета еще летом 1945 г. писала: «Сталин ясно дал понять в ситуации с Польшей, что он не потерпит политического влияния никакой другой страны, кроме СССР, в этом регионе». «Советские лидеры уверены, что предоставленные сами себе государства Европы (Венгрия, Чехословакия, Греция и др.) будут тяготеть к России благодаря действию “politics of attraction”»⁷.

В конечных суждениях и либеральная, и консервативная пресса в 1946 г. была едина: несмотря на то что «стена между Россией и всем остальным миром ... сохранится еще долго»⁸, ни одна из сверхдержав не хочет новой войны, поэтому мир, пусть и вооруженный, – это задача будущих отношений. «Не существует очевидных причин, исключающих возможность иметь дело с Россией»⁹. «... мы можем, если хотим, преуспеть вместе с Россией в деле достижения взаимных преимуществ для обеих стран и пользы всего мира», «... нам следует направить наши объединенные усилия для достижения этой цели»¹⁰. «... не должно быть непреодолимых трудностей в том, чтобы жить в мире с Россией»¹¹. «Русские – не враги, но и не друзья. Самое большее, на что мы можем рассчитывать в отношениях с ними в ближайшие несколько лет, – это вооруженный мир»¹².

Как справедливо отмечают отечественные историки-американисты, ясной разграничительной линией в американской политике в отношении Советского Союза стало возвращение из Москвы госсекретаря Джорджа Маршалла 26 апреля 1947 года. Маршалл докладывал президенту Трумэну, что «дипломатия не может преодолеть противоречия, что с русскими невозможно работать, что хаос им удобен, а коллапс Европы служит их интересам»¹³. Ранее, 12 марта 1947 г., президент Трумэн озвучил внешнеполитическую доктрину «сдерживания» СССР в своей речи перед американским конгрессом. Это означало, что советы и рекомендации, которые направил в

Вашингтон в феврале 1946 г. поверенный в делах США в Москве, дипломат и историк Джордж Кеннан, были учтены ближайшим окружением президента. Это означало также, что с изоляционистским прошлым Америки было покончено и правительство выразило готовность примерить на себя роль лидера в международных отношениях.

Как только администрация Трумэна определилась с целями своей внешней политики, потребовалось идеологическое обоснование сделанного выбора. Сразу в нескольких авторитетных научных журналах появляются статьи, в которых делается попытка дать научное объяснение повороту во внешней политике США.

Влиятельный в сфере международной проблематики журнал «Форин Аффферз» в июле 1947 г. поместил статью «Истоки советского поведения», авторство которой приписывают Джорджу Кеннану за сходство содержания с текстом его длинной телеграммы. Статья приобрела необычайную популярность, ее обсудили практически все ведущие периодические издания в стране. А редакторы «Лайф» сочли ее содержание официальной точкой зрения администрации по вопросам отношений с СССР.

Статья неслучайно вызвала неподдельный интерес в интеллектуальных кругах Америки. В ней Кеннан довольно успешно реализовал попытку выявить политико-психологические и идейно-культурные истоки внешней политики СССР, мотивов поведения его руководства.

Кеннан подметил в поведении советского сталинского руководства нечто, объясняющее растущее беспокойство американцев. Фанатичное властолюбие, граничащее с цеплянием за власть, желание любой ценой обезопасить себя от политической конкуренции и стойкое неприятие каких-либо компромиссов в политике. Все эти качества, по мнению автора «Истоков», превращают высшее руководство Советского государства в непредсказуемых партнеров в международной политике, готовых с легкостью поступиться принципами ради политической выгоды. «Это означает, что истина не неизменна, а фактически создается самими советскими лидерами для любых целей и намерений. Она может изменяться каждую неделю или каждый месяц. Она перестает быть абсолютной и непреложной и не вытекает из объективной реальности»¹⁴.

Другой особенностью психологии советского руководства, по мнению Кеннана, являлось восприятие капиталистической системы как имманентно враждебной и экспансионистской, но внутренне непрочной. Данное представление «оказывает глубокое воздействие на поведение России как члена международного сообщества», считает Кеннан. В Москве полагают, что «цели капиталистического мира антагонистичны советскому режиму и, следовательно, интересам народов, контролируемых им». «Их идеология учит, что окружающий мир враждебен им, и что

их долгом является – свергнуть когда-нибудь стоящие у власти политические силы за пределами их страны». «Эти характерные черты советской политики, как и принципы их породившие, составляют внутреннюю сущность советской власти и будут присутствовать до тех пор, пока эта внутренняя сущность не изменится»¹⁵.

Подчеркивая антагонистичность мировосприятия в качестве сущностной характеристики менталитета советских лидеров, Кеннан, тем не менее, делал ставку на эволюционное разрешение идеологического конфликта двух сверхдержав в результате «естественной смерти» коммунистического тоталитарного режима. Он полагал, что советская система неизбежно рухнет под тяжестью неразрешимых внутренних проблем. Поэтому единственно правильной стратегией для Вашингтона будет не военный конфликт, а постепенное, терпеливое сдерживание и ограничение по всем направлениям, считал известный дипломат. Он характеризовал эту стратегию как «искусное и бдительное применение контрсилы в ряде постоянно меняющихся географических и политических точек, соответствующих изменениям и маневрам советской политики»¹⁶.

В главном Кеннан призывал использовать дипломатическое, политическое и экономическое давление, сдерживая советский экспансионизм, а также «воздействовать силой примера, способного вызвать уважение и доверие со стороны мира к ценностям американской демократии и неустанно демонстрировать привлекательность американской цивилизации, питающей в людях надежду и ставящей перед ними положительные цели»¹⁷.

Предложенный Кеннаном вариант стратегии сдерживания не стал, однако, практической политикой вашингтонской администрации. Сторонники более решительных действий в госдепартаменте и военном ведомстве пришли к единому мнению, что у Сталина имелся «большой замысел» мировой экспансии, соответственно, сдерживание должно было носить тотальный характер. Джордж Кеннан, кстати, был с этим не согласен. По его мнению, советское руководство действовало спонтанно, реагируя на то, что оно воспринимало как угрозу. И чем решительнее вел себя Вашингтон, тем менее безопасно ощущала и, соответственно, более агрессивно вела себя Москва¹⁸.

Статья «Истоки советского поведения» в «Форин Аффферз» стала первым обстоятельным аналитическим эссе, выполненным главой внешнеполитического планирования госдепартамента Джорджем Кеннаном, в котором причина поворота от мягкой дипломатии к жесткому сдерживанию выглядела исторически и политически обоснованной. Журналистами и особенно редакторами ведущих периодических изданий страны статья была воспринята как официальная позиция власти, признавшей невозможность партнерских отношений с Советами. В ней увидели призыв официального

Вашингтона не стесняться резких высказываний в адрес вчерашнего союзника, который к весне 1947 г. превратился в серьезную помеху на пути реализации грандиозных внешнеэкономических планов американского правительства.

Обстоятельное исследование о социальных факторах, лежащих в основе враждебного отношения американцев к русским, появилось в конце 1947 г. в «Американском социологическом журнале» – влиятельном научном издании данного направления. Автор исследования, социолог из Гарварда Артур Дэвис вынес на обсуждение проблему взаимной неприязни двух государств и народов, утверждая, что это именно так в качестве исходного постулата¹⁹.

Причину взаимной неприязни американцев и русских автор исследования объясняет действием двух стереотипов, которые, как он утверждает, глубоко укоренились в сознании американцев и нигде не исчезли за годы военного сотрудничества. Это стереотипы о том, что Россия – страна-загадка и что русские – нецивилизованный народ. В механизме стереотипизации представлений о России главным являлось действие оценочных, эмоциональных, субъективных факторов, нежели объективных, считает Дэвис. Иными словами, все, что не соответствовало представлениям американцев о правильном общественном и государственном устройстве, т. е. о том, что являлось для них привычным, стандартным, воспринималось как чуждое и даже враждебное. «Многие американцы думают об СССР исключительно в образах длиннющих очередей, принудительных трудовых лагерей и всеобъемлющей секретной полиции», – писал влиятельнейший корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Сайрус Сульцбергер в еженедельном информационном обозрении к этой газете «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» в 1945 году²⁰.

Продуктом в высшей мере субъективного взгляда на культуру целого народа Дэвис считает стереотип о нецивилизованности русских. Действительно, американцы очень долго воспринимали Россию как отсталую крестьянскую страну, гораздо дольше, чем она продолжала оставаться таковой. Причину укорененности данного стереотипа в глубинах бессознательного коллективной памяти американцев ученый объясняет всегда присутствовавшим в национальном характере желанием унижить потенциального соперника.

Показательно, что при всей антагонистичности основных принципов общественного устройства двух стран – индивидуализм versus коллективизм, права и свободы versus полное бесправие, многообразие автономных общественных образований versus коллективистские формы самоорганизации, религиозность versus атеизм – американцы подсознательно всегда считали Советскую Россию своим конкурентом. Причина – универсальность принципов переустройства общества, которое провозгласили большевики, вооруженные марксистским учением. По боль-

шуму счету, коммунисты в России провозгласили те же самые идеалы развития, что и американцы, только в другой форме – равенство, уничтожение привилегий отдельных классов, решение проблем этнических меньшинств, безработицы и пр.

Появление государства, провозгласившего на весь мир альтернативный американскому идеал развития, моментально превратило Россию в объект перцепции *non grata* из-за опасения, что в каких-то моментах американский путь развития окажется хуже, чем большевистский. Чтобы этого не произошло и самосознание нации не пострадало, и понадобился стереотип «неполноценного народа», приниженного по отношению к достоинствам американской культуры. Появились соответствующие эпитеты-ярлыки – «тоталитарная автократия» вместо «социалистическое государство», «варварский народ», «безбожная Россия» и др.²¹

Уверенность американцев в собственном превосходстве сделала их нетерпимыми к любым намекам на его утрату. Эта довольно опасная черта национальной психологии своей оборотной стороной имеет комплекс отличника: при всей видимости дружественного поведения конкуренту всегда отведено второе место.

Если вспомнить, что одной из важнейших целей стереотипизации является упрощение представлений о чужой культуре с тем, чтобы сделать поведение человека другой культурной системы понятным, а следовательно, прогнозируемым, то становится очевидным, почему американцам, испытывающим постоянную потребность подстегнуть свое национальное эго, так нужны были стереотипы.

Отмечая иррациональную природу стереотипов о России в американском обществе, Дэвис признает, что существуют и вполне объективные факторы, объясняющие невозможность диалога двух культур. Эти факторы легко обнаружить, если сравнить две социальные системы, – российскую и американскую.

Трудно найти два других типа общественного устройства, пишет Дэвис, которые были бы столь антагонистичны в своих главных принципах. Россия твердо стоит на позиции отрицания главного стержня капитализма – прибыли. Советская экономика управляется государством через систему планирования и последующего контроля. Американская экономика функционирует по законам рынка. Здесь лучше всего чувствуют себя большой бизнес и его акулы в лице трестов, картелей и других организационных форм слияния капитала²².

Разнонаправленность конечных идеалов экономического и политического развития двух стран обусловила, по мнению Дэвиса, ситуацию, когда диалог культур оказался весьма затруднителен. Мыслящему глубоко в контексте этики радикального индивидуализма американцу трудно понять русскую вовлеченность в коллективистские формы активности – политической, производ-

ственной, общественной. Тем более что большая часть активности, предоставленной в Америке индивидам, в России политизирована.

Социолог Дэвис утверждает, что идеальной средой для распространения враждебных настроений, направленных вовне, на другую страну и народ, является наличие внутренней напряженности и противоречий в обществе. Американское общество начала XX в. было именно таким, быстро меняющимся, обретающим современное индустриальное лицо. Здесь неизбежно возникли противоречия между сторонниками модернизации и их противниками. К первым относили себя все, кто был связан с наукой, идеологией либерализма, атеизмом, новой моралью. Сторонники традиционных ценностей чувствовали себя незащищенными в острой конкурентной борьбе за социальный статус в обновляющейся среде²³.

В сложившихся условиях Советский Союз являлся идеальным громоотводом для многих американских страхов и противоречий, делает вывод Дэвис. После революции 1917 г. новые порядки в России вызывали у традиционалистски настроенной части американского общества стойкое неприятие. Воинствующий атеизм, сексуальная распущенность, авторитарное правление, которые выделялись в обновляющемся российском обществе, мгновенно обрастали в Америке звучными эпитетами: «безбожная Россия», «свободная любовь», «красный фашизм».

Отчасти антирусские настроения в американском обществе были связаны со стереотипом «нежелательного иммигранта». К таковым причисляли выходцев из Восточной и Южной Европы по причине их низкого социального статуса в американской экономике. Чужими в иммигрантской семье Америки они были еще и по причине ортодоксальности своей веры, делавшей их изгоями в глазах самоуверенных протестантов. В коллективном бессознательном американцев, продолжает Дэвис, славяне-европейцы всегда незримыми нитями были связаны с Россией и весь негатив от их восприятия автоматически переносился на нее²⁴.

В заключение своего исследования Артур Дэвис делает вывод о том, что любое общество, в котором существуют внутренние противоречия, связанные с несовершенством социальной стратификации, нуждается в объединяющем императиве, способном преобразовать внутреннюю напряженность и направить ее вовне, на своего рода «козла отпущения». Таким «козлом отпущения» для послевоенной Америки, переполненной сомнениями по поводу своего экономического будущего и как никогда нуждавшейся в объединяющем начале, стала малоизвестная Россия.

Медовый месяц американских СМИ по отношению к советскому союзнику продлился недолго. Уже в 1946 г. периодическая печать разной политической направленности буквально разразилась журналистскими и редакторскими

эссе «разоблачительного» характера об СССР и русских. Но критика была больше похожа на попытку пожурить своего вчерашнего союзника, указать на недостойное поведение, и все это ради одной единственной цели – сотрудничества в целях поддержания мира. В 1947 г. суждения и оценка действий СССР на международной арене становятся более жесткими и категоричными.

Либеральная пресса, долгие годы оставшаяся на нейтральных позициях по отношению к СССР, пыталась проанализировать охлаждение в отношениях союзников, взглянув на ситуацию с позиции русских. Получилась далеко не радужная картина упущенных возможностей и разочарований. Как писала «Нью Рипаблик», если бы продлилось сотрудничество великих держав после окончания войны, то, возможно, и в самом советском обществе наступило бы облегчение, связанное с отсутствием тревоги за безопасность страны. Но этого не случилось и место прежних тревог и напряженности заняли новые. Доктрина Трумэна была преподнесена советскими СМИ в самом невыгодном свете – как «наступление», предпринятое Западом не только против коммунизма, но и против европейского социализма. Пропаганда снова оживила в памяти слегка забытые страхи по поводу «капиталистического окружения» и западного империализма. Заговорили о разделе мира на «два лагеря»²⁵.

Еженедельник «Нью Йорк Таймс Мэгэзин» выразил сожаление, что растущее недоверие двух народов, подпитываемое давно сложившимися стереотипами-заблуждениями, навряд ли поспособствует преодолению растущего охлаждения в отношениях двух народов, и прежде всего ложных перцепций друг о друге. Говоря о фундаментальных принципах развития, которые взяты на вооружение руководством СССР и США, авторы статьи отмечают: «Контраст так очевиден, что может послужить почвой исключительно для разногласий, и менее всего для взаимопонимания»²⁶. Следовательно, разность идеологических установок в политике двух стран была признана либеральным еженедельником фатально предполагающей конфликт.

Либеральный «Атлантик Мансли» в самом начале 1947 г. в статье с «говорящим» названием «Последний шанс» обратился к консервативному большинству конгресса со словами тревоги за будущее Америки и мира перед лицом «новой экспансионистской политики СССР». Обвинив конгресс в нерешительности и приверженности прежней провинциальной внешней политике, авторы статьи призывают власти осознать, наконец, масштабы опасности нависшей над миром «красной угрозы» и начать процесс консолидации со всеми некоммунистическими силами, включая и американских левых. Политические амбиции должны уступить в противоборстве, в котором на карту поставлена не просто судьба политической демократии в одной стране, но судьба западной цивилизации в целом,

считают авторы статьи²⁷. Чтобы усилить ощущение тревоги и стимулировать политическую элиту к более решительным действиям, авторы прибегли к неоднократному повторению в тексте эмоционально окрашенного слова «вызов» применительно к внешней политике СССР.

В отличие от либеральных изданий консервативная пресса в 1947 г. была настроена более решительно в попытках показать истинное лицо советской власти и убедить правящую элиту и американскую общественность в опасности, от нее исходящей. На категоричный вопрос «Что делать с Россией?» популярнейший информационный гид «Ридерс Дайджест» в сентябрьском номере за 1947 г. объявил первоочередной дипломатической задачей для правительства США «сдерживать советскую экспансию». «Если оставить Россию без контроля, то неизбежно она распространит свое влияние в Европе, в Азии и, возможно, в Южной Америке, и этот процесс экспансии может растянуться до конца столетия...»²⁸. «Отношения двух стран впали в состояние долговременного кризиса», – пишет автор статьи и обвиняет руководство СССР в цинизме и двуличии, ловком манипулировании добрыми намерениями западных стран. В качестве подтверждения приводятся слова из речи Сталина начала 1930-х гг.: «Мы не уступим ни дюйма нашей собственной земли. Мы не захватим ни фута чужой земли». В этом изречении, саркастично замечает автор статьи, должно было бы быть уточнение типа «мы не захватим ни фута чужой земли, за исключением восточной Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Петсамо, Карельского перешейка, Бессарабии, Кенигсберга, восточной Чехословакии, Курил, Южного Сахалина, Порт Артура и пр.»²⁹.

Еще одно популярное в стране консервативное издание «Сэттардей Ивнинг Пост» разместило статью, изобличающую психологию советского руководства, в чем, по мнению автора, лежит основная причина неудавшегося диалога двух стран. Национализм и догматизм – две характерные черты менталитета советского лидера – сводят на нет переговорные процессы между двумя странами. «Каждый советский лидер в известном смысле страдает раздвоением личности: с одной стороны, это политик-реалист, озабоченный решением насущной проблемы безопасности; с другой – марксист, социалист, адепт конкретной теоретической доктрины». Присутствие политической философии как некоего руководящего, базового начала в основе реальной политики Советского государства заметно усложняет понимание окружающими того, что составляет сферу жизненно важных государственных интересов Советского государства, а где абстрактные теоретические лозунги, используемые в пропагандистских целях, пишет автор статьи³⁰.

Консервативная периодика в 1947 г. снова вернулась к довоенным параллелям советского и фашистского режимов, на этот раз в деле органи-

зации агентурной сети по всему миру. «Гитлеровская пятая колонна почти не заметна по сравнению со сталинской», – пишет «Ридерс Дайджест». 12 млн членов агентурной сети по всему миру – такого не знал ни один режим в мировой истории. Параллели с царским режимом, напротив, названы некорректными по причине отсутствия универсалистской идеологии в основе внешней политики царизма³¹. Все чаще политический строй в СССР определяется как «тоталитарный деспотизм»³². «Россия продолжает оставаться полицейским государством, каким она всегда была»³³, – писала либеральная «Нэйшн» в марте 1947 года.

Сообщения об успехах довоенного индустриального развития СССР и преимуществах социалистической системы в социальной сфере³⁴ сменились чередой откровений об истинном положении дел в советском обществе, особенностях жизни и быта советских граждан. Картины «беспросветной бедности»³⁵ советских людей с трудом увязываются с образами героев, доблестных защитников, спасших мир от фашистской угрозы, сконструированными американскими СМИ в годы войны. По свидетельству очевидцев, которых цитирует «Кольерс», «не хватает еды, одежды, жилья и не видно просвета. Цены высоки, заработная плата низка. Единственное, что в избытке, так это каторжный труд»³⁶. Даже имея деньги, зачастую невозможно купить товары первой необходимости – спички, соль, керосин, не говоря уже о фруктах или конфетах, – сообщает «Ридерс Дайджест». Система продовольственных пайков не спасает от голода, так как неэффективна. Неудивительно, что, попадая из страны хронического дефицита в зарубежный продовольственный рай, русские люди о некоторых промышленных товарах не имеют представления. Даже представители партийной элиты, которые, как казалось, всегда имели свободный доступ к дефицитным товарам в СССР, были замечены в казусных ситуациях на Западе. Авторы сообщают о случае, когда жены высших чинов Красной армии надели ночные сорочки на официальный прием, приняв их за вечерние платья³⁷.

Также американцы узнали, что, помимо хронического недостатка продовольствия, в Советской России ужасные жилищные условия. Самым доступным видом жилья являются так называемые коммуналки, где на несколько семей – одна кухня и один санузел. Быт обитателей коммуналок не назовешь комфортным: примус вместо плиты, из всех коммунальных благ только электричество.

Ужасные подробности эксплуатации детского труда в СССР поведал своим читателям «Ридерс Дайджест». «Под предлогом реализации программы трудовой дисциплины власти ежегодно “вербуют” детей старше 13 лет. Миллионы мальчиков и девочек, вырванных из своих семей, трудятся на заводах и шахтах наравне со взрослыми. 70 процентов этих детей работают на заводских

станках. Их легко узнать по черной униформе, которая всегда грязная и сильно изношенная. Только немногие из них имеют сносную обувь. Большинство измождены и больны. Дети живут в бараках в условиях почти военной дисциплины. Один только вид еды, которой их кормят, вызывает приступы тошноты», – сообщает издание³⁸.

В репрезентации американских СМИ система бесплатных социальных благ, которыми так гордилась советская власть, не только неконкурентоспособна, но и далека от того, чтобы быть признанной эффективной: старые переполненные больницы с грубым и небрежным обращением медперсонала, нехватка необходимых медикаментов; школы, работающие по 2-сменной системе; переполненный общественный транспорт; длинные очереди в магазинах. С этой стороны социалистического настоящего американский обыватель вряд ли был знаком даже из прессы. Спекуляция и воровство стали почти неотъемлемыми спутниками советской реальности, существует опасность перемещаться в темное время суток, сообщает «Кольерс». Глянец победных репортажей о достижениях советского реформирования моментально становится эфемерным после сообщений о том, как новая аристократия бесклассового советского общества пожинает плоды строящегося социализма. Отдельная квартира, загородная дача, обширный ассортимент продуктов питания и промтоваров, приобретенных в специальных магазинах, отпуск на лучших курортах страны, качественное медицинское обслуживание, образование и пр. – таков неполный перечень благ, доступных для особой касты людей, входящих во власть или приближенных к ней³⁹.

Еженедельник «Лайф», претендовавший на лидерство в деле политического просвещения американцев и формирования общественного мнения по целому кругу внутри- и внешнеполитических проблем, и в 1947 г. остался верен избранной тактике. Подкрепляя мнение руководства корпорации «Тайм», и прежде всего ее главы Генри Люса, отраженное в редакторской колонке, команда Люса добивалась стопроцентного результата в репрезентации нужных образов и получении требуемого отношения среднего класса Америки к той или иной проблеме. В 1946 г. Люс проделал огромную работу, пытаясь убедить общество не рассчитывать на долгий и стабильный мир без особых усилий со своей стороны и подготавливая, таким образом, к смене внешнеполитического курса США⁴⁰.

1947 г. «Лайф» открыл статью под названием «Странный союз» генерал-майора армии США в отставке Джона Дина – автора книги с тем же названием. Дин, возглавлявший американскую военную миссию в СССР в 1943 г., описал в своей книге впечатления от общения с высшим военным руководством Советского Союза в ходе официальных и неформальных встреч. Советские генералы вызвали у Дина противоречивые чувства: одни по-

разили умением говорить фантастические вещи, глядя прямо в глаза, другие – откровенной тупостью, третьи – искусством перехода от дружеского расположения к необыкновенной холодности и отчуждению. О генерале Антонове, заместителе начальника Генштаба, Дин пишет как о самом вменяемом из тех, с кем ему довелось общаться. Но при этом отмечает: «У меня никогда не было более надменно холодного приема. Ни малейшего проблеска радушия в тот момент, когда он пожимал мне руку и приглашал присесть». От общения с высшим военным руководством СССР у Дина осталось ощущение бесконечной двусмысленности, которой, как он заявляет, стоит опасаться и в будущих дипломатических отношениях двух стран. Американский генерал сравнил поведение Советского Союза во внешней политике с наездником на ретивой кобыле, который то дает возможность пуститься вскачь, то резко сдерживает поводья⁴¹.

Люс одним из первых из числа издателей умеренно-консервативного толка заявил со страниц своей прессы о том, что советско-американский диалог по вопросам послевоенного устройства мира исчерпал себя. «Они не договорились и не договорятся, потому что политический и дипломатический конфликт между Россией и Западом – уже реальность», – писал Люс в мае 1946 года⁴². В начале следующего, 1947 г. он назвал политику Советского Союза агрессией и призвал активно ее сдерживать. Хотя важнее этих действий считал задачу ликвидации экономических и политических идей, лежащих в основе советского экспансионизма: «Две цели есть у американской внешней политики в 1947 г.: предотвратить следующую войну и выиграть ее. Поскольку Россия олицетворяет собой идеологию, то одних только военных средств для борьбы с ней будет явно недостаточно, как и просто дипломатии. Чтобы и предотвратить, и выиграть войну, мы должны продемонстрировать многомиллионному народу, что наша идеология и наша система лучше»⁴³.

В 1946 г. Люс неоднократно со страниц своих изданий резко высказывался в адрес американских властей по поводу отсутствия четкой внешнеполитической концепции, определяющей поведение США на международной арене. Его сомнениям, казалось, пришел конец, когда новым госсекретарем был назначен Дж. Маршалл, а его заместителем – У. Клейтон. Именно с этой командой политиков Люс связывал надежды на воплощение в жизнь своей давней мечты – политико-философской концепции, основные положения которой он изложил в 1941 г. в «Американском веке». В 1941 г. Люс писал об Америке: настало «наше время быть центром цивилизации», «воплощением идеалов свободы и справедливости», «добрым самаритянином», чудесным образом помогающим народам подняться с колен и достичь вершин благополучия⁴⁴. И хотя американцы того или нет,

но им придется «принять (лидерство. – Н. Б.) от всего сердца и воспользоваться благоприятной возможностью быть самой могучей и жизненно важной державой в мире и, как следствие этого, быть готовыми с полной мерой ответственности оказывать влияние на весь остальной мир в целях, представляющих наш интерес, и средствами, которые мы считаем необходимыми»⁴⁵. «Не существует другой возможности выживания американской цивилизации как выживания в качестве мировой силы»⁴⁶. В начале 1947 г. Люс лишь подтвердил свои прежние намерения: «Особая роль Америки в следующем десятилетии состоит в том, чтобы разрушать старые принципы, делиться не богатством, а талантом его создавать, помочь миру снова вздохнуть свободно»⁴⁷.

С весны 1947 г. и до его окончания редакторский коллектив «Лайф» пытался убедить американцев в правильности и своевременности политики экономической помощи Европе и возможного ее объединения в «федерацию, наподобие той, что была в Америке сразу после войны за независимость»⁴⁸. То есть еще до официального оглашения программы экономической помощи европейским странам, известной как план Маршалла, продвижение идеи началось на страницах популярной прессы Генри Люса.

Люс высоко оценил новую экономическую дипломатию госдепартамента, он увидел далеко идущие политические последствия от реализации плана Маршалла. «Госсекретарь отважился на разрыв, его стратегия заставила русских раскрыть истинную природу вероломной игры, которую они ведут», – писал Люс. «Американцы и весь Западный мир должны извлечь урок и не допустить в будущем двойной игры со стороны русских»⁴⁹.

Европейскую политику СССР Люс считал разрушительной, несущей хаос и коллапс цивилизации. «План Молотова – это план разделения Европы. Советские власти, запретив своим европейским сателлитам участвовать в программе Маршалла, обрекли эти страны на экономическую стагнацию. Большинство стран Восточной Европы – аграрные, они нуждаются преимущественно в промышленных товарах, которых катастрофически не хватает самим Советам». «Коммунизация хотя бы части Европы опасна и противоестественна, – пишет Люс, – потому что эти страны не имеют ни экономического, ни политического, ни морального родства с Россией». «Исторически они – часть западного мира. Здесь всегда были сильны не только католические, но и протестантские корни, идеи западного образования, управления. Все это исчезнет в процессе коммунизации», – делает свой прогноз известный издатель⁵⁰.

Люс пишет о двух программах, двух стратегиях экономического развития Европы, американской и советской, как абсолютно противоположных по своим конечным целям. Экономическая автаркия, к которой стремится СССР, представ-

ляет угрозу для западных экономических ценностей. Если американцы принимают этот вызов, а для Льюса это очевидно – «судьба Америки – это часть мировой судьбы»⁵¹, – то необходимо взять на себя ответственность за экономическое восстановление всей Европы – Восточной и Западной. Западная Европа – это только начало на пути к единому миру. «Мы принимаем вызов», – пишет Льюс. Эти слова следует понимать как утверждение начала новой эпохи в развитии международных отношений, эпохи глобального присутствия Америки в мире⁵².

В исходе советско-американского противостояния за Европу Льюс не сомневается: «Если Западная Европа, включая нашу половину Германии, сможет вернуться к производству товара на экспорт, то это окажет воздействие на ту часть Европы, которая оказалась за “железным занавесом”, в направлении восстановления прежних торговых связей. Народы, населяющие Восточную Европу, принадлежат к нашему миру, и они это знают»⁵³.

Некоторые консервативные издания также высказались за вариант «федерации всех стран вне зоны советского доминирования» в качестве выхода из долговременного американо-советского кризиса. Речь шла прежде всего об объединении Европы под покровительством США как главного инвестора и «достижении превосходства силы, военной, экономической и моральной, над коммунистической империей»⁵⁴.

Льюс, кстати, также полагал, что одного только сдерживания, предписанного доктриной «сдерживания» президента Трумэна, недостаточно. Может быть, поэтому обсуждению этой доктрины не нашлось места в его аналитической колонке. Льюсу гораздо ближе была позиция сторонников силовой дипломатии в госдепартаменте, которые рассчитывали через достижение значительного военного превосходства и осуществление эффективного контроля ядерного оружия добиться глобального присутствия в мире. Поэтому внушительные по размеру статьи расходов на военные нужды из американского бюджета (одна треть) Льюс считал вполне обоснованными и убеждал в этом своего читателя⁵⁵.

Таким образом, проделанный анализ содержания публикаций об СССР в американской периодической печати разной политической направленности за 1947 г. свидетельствует о том, что тон их заметно изменился по сравнению с предыдущим годом. Если в 1946 г. публикации об СССР только начали приобретать «разоблачительный» характер и касалось это преимущественно исхода встреч на высшем уровне по вопросам послевоенного мироустройства, то в 1947 г. тон сообщений о России стал заметно жестче и категоричнее. Самое большее, на что отваживались издатели в 1946 г., было указать на «недостойное» поведение своего партнера по переговорам. При этом чувствовался общий

настрой прессы, даже консервативной, на долгосрочное сотрудничество с Советской Россией в целях поддержания и укрепления мира. В 1947 г. иллюзии по поводу возможной кооперации двух стран на международной арене рассеялись и пресса разразилась шквалом негатива в адрес СССР. В текстах о России заметно больше стало метафор, призванных вызвать у читателя определенное мнение об объекте восприятия. А такие негативно окрашенные эпитеты, как «коммунистическая империя», «советский тоталитаризм», «тоталитарная деспотия» и др., являлись эффективным средством насаждения нового образа вчерашнего союзника.

Среди объективных причин, вызвавших усиление критики в адрес СССР, следует назвать охлаждение во взаимоотношениях двух стран в результате невозможности договориться по поводу послевоенного устройства Европы, а также формирование новой внешнеполитической стратегии США, которая приобрела четкие контуры к лету 1947 года. Были и субъективные причины иррационального характера. Их прекрасно охарактеризовал американский социолог Артур Дэвис, который указал на живучесть в коллективном бессознательном американского народа стереотипов-заблуждений о далекой и малопонятной стране и наличие внутренней напряженности в американском обществе, обусловленной целым рядом противоречий социально-экономического характера. Советский Союз стал идеальным громоотводом для многих американских сомнений и страхов.

Из всего спектра политически ориентированной печати США на нейтральных позициях по отношению к Советской России в рассматриваемый период оставалась только либеральная пресса, но и она очень скоро включилась в общий антисоветский хор периодики.

Примечания

- ¹ Уткин А. Политическая консолидация с обеих сторон [электронный ресурс] URL: http://www.erlib.com/Анатолий_Уткин/Мировая_холодная_война/2/ (дата обращения : 03.03.2011).
- ² Marshall G. C. European Recovery and Peace Treaties // Vital Speeches of the Day. 1947. December 1. P. 100.
- ³ Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 [электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/FULTON.HTM> (дата обращения : 03.03.2011).
- ⁴ Отказ советской стороны объяснить свои действия в Маньчжурии после официального обращения государственного департамента США, а также отказ вывести свои войска из Ирана, тогда как США и Англия свои обязательства по выводу войск выполнили в срок.
- ⁵ James E. L. A More Realistic Basis for Russian Relations. Speeches of Burnes, Vandenberg and Dulles Open the

- Diplomatic Path to Better Appreciation // The New York Times. 1946. March 3.
- ⁶ *Marble S. D.* The Pathology of Power // The Christian Century. 1946. November 6. P. 1338.
- ⁷ Ascendant Russia // The Christian Century. 1945. June 6. P. 672.
- ⁸ No Rest for the Weary Russians // The Reader's Digest. 1946. December. P. 108.
- ⁹ *Bess D.* Can we Live with Russia // The Saturday Evening Post. 1945. July 7. P. 86.
- ¹⁰ *Mundt K. E.* «Can we Get along with Russia?» // Vital Speeches of the Day. 1946. № 17. P. 522.
- ¹¹ Dealing with the Russians // The Commonweal. 1946. April 5. P. 621.
- ¹² *Atkinson B.* Russia 1946 // Life. 1946. July 22. P. 8.
- ¹³ См.: *Уткин А.* Указ. соч.
- ¹⁴ The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. № 4, Vol. 25. P. 573.
- ¹⁵ Ibid. P. 572.
- ¹⁶ Ibid. P. 576.
- ¹⁷ См. об этом подробнее: *Кеннан Д. Ф.* Америка и русское будущее [электронный ресурс]. URL : <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/KENNAN.HTM> (дата обращения :).
- ¹⁸ *Лукьянов Ф.* Истоки агрессивного поведения [электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2007-06/12380-istoki-agressivnogo-povedeniya> (дата обращения : 03.03.2011).
- ¹⁹ *Davis A. K.* Some Sources of Hostility to Russia // The American Journal of Sociology. 1947. № 3, Vol. 53. P. 174–183.
- ²⁰ We Need to Know the Russians Better // The New York Times Magazine. 1945. July 8. P. 5.
- ²¹ *Davis A. K.* Op. cit. P. 177.
- ²² Ibid. P. 176.
- ²³ Ibid. P. 178.
- ²⁴ Ibid. P. 180.
- ²⁵ *Kendrick A.* How Peace Looks to the Russians // The New Republic. 1947. November 17. P. 19.
- ²⁶ *Salisbury H. E.* Russian Fallacies about Us – and Vice Versa // The New York Times Magazine. 1947. April 6. P. 12, 13, 56, 58.
- ²⁷ *Alsop J., Alsop S.* Last Chance // The Atlantic Monthly. 1947. January. P. 37–38.
- ²⁸ *Chamberlin W. H.* The Permanent Crisis // The Reader's Digest. 1947. September. P. 39.
- ²⁹ Ibid. P. 40.
- ³⁰ *Snow E.* Why We Don't Understand Russia // The Saturday Evening Post. 1947. February 15. P. 137.
- ³¹ *Chamberlin W. H.* Op. cit. P. 40–41.
- ³² *Gillispie C. C.* Have We a Future? // The Christian Century. 1947. April 23. P. 521.
- ³³ *Laski H. J.* Why Does Russia Act that Way? // The Nation. 1947. March 1. P. 240.
- ³⁴ См., например: The USSR // Life. 1943. March 29 ; *Duranty W.* Is the Russian Revolution Over? // The New York Times Magazine. 1944. July 30 ; *Sulzberger C. L.* U. S. and USSR – the Two Giants Compared // The New York Times Magazine. 1945. September 2.
- ³⁵ *Hutchison K.* Russia's Vicious Circle // The Nation. 1947. July 19. P. 75.
- ³⁶ *Hottelet R. C.* Ivan is Tired // Collier's. 1947. March 15. P. 22.
- ³⁷ *Alexeiev N.* I Didn't Want My Children to Grow Up in Soviet Russia // The Reader's Digest. 1947. June. P. 14.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Hottelet R. C.* Op. cit. P. 84.
- ⁴⁰ См. об этом подробнее: *Бонцевич Н. Н.* На пути к другой России: как изменился имидж СССР на страницах прессы Генри Льюса в 1946 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(7). С. 41–45.
- ⁴¹ *Dean J. R.* The Strange Alliance // Life. 1947. January 20. P. 99–100.
- ⁴² Why Kid Around? There is no «Misunderstanding» between Russia and the West. There is a Conflict // Life. 1946. May 27. P. 36.
- ⁴³ Editorial // Life. 1947. January 6. P. 18.
- ⁴⁴ *Luce H. R.* The American Century // Jessup J. K. The Ideas of Henry Luce. N. Y., 1969. P. 117–120.
- ⁴⁵ Ibid. P. 113.
- ⁴⁶ Цит. по: *Herzstein R. E.* Henry R. Luce. A Political Portrait of the Man Who Created the American Century. N. Y., 1994. P. 177.
- ⁴⁷ Editorial // Life. 1947. January 20. P. 34.
- ⁴⁸ Ibid. March 17. P. 38.
- ⁴⁹ Ibid. July 14. P. 32.
- ⁵⁰ Ibid. November 17. P. 40.
- ⁵¹ Ibid. May 26. P. 36.
- ⁵² Ibid. November 17. P. 40.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Chamberlin W. H.* Op. cit. P. 43.
- ⁵⁵ Editorial // Life. 1947. September 22. P. 38.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)084.1

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГЛАСНЫХ ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ АСТРАХАНСКОЙ, ОРЕНБУРГСКОЙ И СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ, ИЗБРАННЫХ В АВГУСТЕ–ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

Н. М. Куталевский

Оренбургский государственный педагогический университет
E-mail: ceame@rambler.ru

В статье анализируются итоги выборов руководителей волостных земских собраний, состоявшихся в юго-восточных губерниях России на завершающем этапе Февральской революции. Автор рассмотрел социально-политическую структуру состава волостных земских гласных, классифицировал земские собрания по уровню демократичности и представительности, а также отметил значение результатов соответствующей избирательной кампании для развития земств и российского общества в конце 1917 г. и в последующее время.

Ключевые слова: земство, революция, реформа, выборы, гласные, социальная структура.

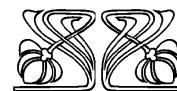
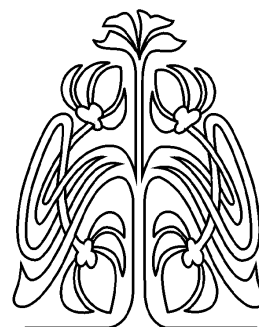
Social Composition of the Members of the Volost Zemskiy Assemblies of Astrakhan, Orenburg and Stavropol Provinces Elected in August–October of 1917

N. M. Kutalevsky

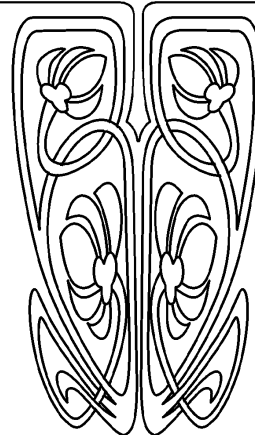
In the article the results of election of the heads of Volost Zemskiy Assemblies taken place in the South-Eastern provinces of Russia at the end of the February Revolution are analyzed. The author has considered the social and political structure of Volost Zemskiy members, has classified the Zemskiy Assemblies according to the level of democracy and presence as well as has emphasized the importance of the results of the corresponding election campaign for the development of the Zemstvos and Russian society at the end of 1917 and later.

Key words: zemstvo, revolution, reform, election, members of Municipal Dumas, social structure.

Современная Россия остро нуждается в построении и всестороннем развитии правового государства, гражданского общества и демократических институтов. В этой связи особую актуальность приобретает изучение отечественного и зарубежного исторического опыта формирования местного общественного самоуправления, составной частью которого являются события, связанные с созданием и обновлением земских учреждений в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Возникнув в 1913 г. и просуществовав до сосредоточения всей власти в руках Советов и большевиков, эти органы внесли определённый вклад в ликвидацию феодальных и утверждение буржуазно-капиталистических отношений в политической, социально-экономической и культурной сферах. В 1917 г. земства подверглись значительной демократической модернизации, но не смогли выйти из глубокого кризиса и заручиться поддержкой широких народных масс и в конечном счёте вплотную приблизились к своему краху. Настоящая статья посвящена рассмотрению социально-политического облика волостных земских собраний, сформированных в процессе реализации волостной реформы Временного правительства, и раскрытию на этой основе отдельных предпосылок, обусловивших стремительное уничтожение системы земского управления после Октябрьской революции.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К началу 1917 г., благодаря консервативной политике царских властей, земские учреждения подошли, находясь в крайне тяжелом положении, базируясь на недемократической избирательной системе, подчиняясь представителям власти имущих верхов, не имея Всероссийского центра и первичных (волостных и поселковых) подразделений, располагая небольшими правами и финансовыми ресурсами, обладая многими другими антидемократическими чертами и недостатками¹.

После свержения царского режима, учитывая кризисное состояние земств, стремясь превратить соответствующие учреждения в основу буржуазного правопорядка, рассчитывая не допустить укрепления революционно-радикальных общественно-политических сил, надеясь упрочить свои позиции и сохранить контроль над ситуацией, Временное правительство было вынуждено пойти на коренную реформу земского управления и, непосредственно, на создание волостных земских собраний. Действуя в этом направлении, 21 мая 1917 г. руководители Временного правительства утвердили «Положение о волостных земских учреждениях», а затем издали ряд инструкций и «наказов» по выборам волостных гласных (т. е. членов волостных земских собраний) на основе всеобщего избирательного права². Вследствие того что обозначенная реформа не была подкреплена революционно-демократическими преобразованиями в социально-экономической сфере и земства не получили полномочий по оперативному и последовательному разрешению аграрного и других подобных вопросов, выборы гласных волостных земских собраний в августе–октябре 1917 г. прошли во многом замедленно, неорганизованно и при низкой явке избирателей (на участки для голосования в среднем пришло около 35% лиц, имевших на то право)³. Данное обстоятельство в совокупности с антидемократическими действиями ответственных должностных лиц по проведению в надлежащие органы максимального числа представителей и сторонников власть имущих слоёв общества чрезвычайно негативно отразилось на качественных результатах земской волостной избирательной кампании.

Представители демократических общественно-политических сил, сторонники левых эсеров и отчасти большевиков, выразители интересов трудящихся масс вследствие негативного отношения к соответствующей реформе и игнорирования процедуры выборов, а также противодействия власти имущих верхов общества смогли победить на выборах земских гласных лишь в нескольких отдельных волостях рассматриваемых юго-восточных губерний России. В их числе, в частности, значилась Пироковская волость Енотаевского уезда Астраханской губернии, где все 20 мест в земском собрании заняли «чернорабочие», трудившиеся на рыбных промыслах и в хозяйствах крупных землевладельцев⁴. Все они были русскими по национальности и имели начальное

образование⁵. В Хошеутовское волостное земское собрание Красноярского уезда той же губернии прошли 29 рядовых рыбаков и один рыбопромышленник-торговец (Ильясов)⁶. Значительное число малоимущих рыбаков оказалось избрано в Тишковское, Никольское, Разночинское и Зеленгинское волостные земские собрания Астраханской губернии⁷.

В Зобовское волостное земское собрание Оренбургского уезда вошли 33 чернорабочих, русских по национальности, и 1 мулла⁸. Из них 26 имели образование, а 7 были неграмотными⁹. Гласными Авзяно-Петровского волостного земского собрания Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии стали: 6 чернорабочих местного горнорудного завода, 3 кузнеца, 2 работника прииска, 1 каменщик, 1 сапожник, 1 маслобойщик, 1 агроном, 1 земский страховый агент, 1 счетовод, 1 учитель, 1 начальник почтово-телеграфной конторы, 1 член потребительского общества, 1 торговец, 1 сельский староста, 1 священник¹⁰. В состав Тирлянского волостного земского собрания того же уезда были избраны: 7 слесарей местного горнорудного предприятия, 3 чернорабочих, 2 кузнеца, 2 жестянщика, 2 столяра, 1 каменщик, 1 электромонтер, 1 машинист, 1 техник, 1 чертежник, 6 служащих, 1 врач, 1 учитель, 1 торговец, 6 крестьян¹¹. В Белорецком волостном земском собрании около трети мест заняли также рабочие¹². Схожий состав получили земские собрания Узьанской волости Верхнеуральского уезда и Миасской – Троицкой¹³.

В Старомарьевском волостном земском собрании Ставропольского уезда по результатам выборов обязанности гласных были возложены исключительно на «чернорабочих», русских по национальности, малограмотных¹⁴. Аналогичный состав получили также Николаевское, Александровское, Томузловское и Новоселицкое волостные земские собрания Ставропольской губернии¹⁵.

Наряду с вышеизложенным, в нескольких волостях – там, где выборы проходили не на основе мажоритарной, а на базе пропорциональной системы, где позиции демократических сил были особенно слабы, а ресурсы их противников, напротив, относительно значительны, – в земские гласные прошли представители высших слоёв власть имущих групп общества, выразители интересов средней и отчасти крупной буржуазии, сторонники кадетов и других либеральных партий. Так, в состав Кумызьякского волостного земского собрания Астраханского уезда были избраны: 11 скупщиков рыбы, 3 рыбопромышленника, 3 торговца, 2 ремесленника, 9 рыбаков, 1 учитель, 1 письмоводитель, 1 фармацевт и 1 аптекарь¹⁶. Эти лица имели начальное и среднее образование¹⁷. В Селитренное волостное земское собрание Енотаевского уезда вошли: 10 состоятельных скотоводов, 2 скотопромышленника, 1 рыбопромышленник, 8 зажиточных

рыболовов, 1 «сенопромышленник», 1 торговец, 2 крестьянина, 1 садовод и 2 чернорабочих¹⁸. В Сасыкольское волостное земское собрание того же уезда прошли: 44 состоятельных скотовода, 3 садовода, 1 торговец и 1 учитель¹⁹. Членами Петропавловского волостного земского собрания Красноярского уезда были избраны исключительно рыбопромышленники, русские по национальности, грамотные²⁰. В Сеитовское волостное земское собрание того же уезда избиратели провели 7 торговцев, 3 скотовода, 9 лиц, занимавшихся рыбным промыслом, 1 промышленника, 1 землевладельца, 1 учителя, 3 мусульманских священнослужителя (муллы)²¹.

В Оренбургской губернии несколько крупных землевладельцев, торговцев и заводчиков были избраны в Аллабердинское, Троицкое, Верхнеуральское, Белорецкое и некоторые другие волостные земские собрания²².

В Ставропольской губернии, в Белоглинском волостном земском собрании Медвеженского уезда, по результатам волеизъявления граждан места гласных заняли: 1 владелец мыловаренного завода, 2 крупных купца, 1 судебный исполнитель и несколько зажиточных крестьян²³.

В целом вышеуказанный «пролетарский» и «буржуазный» состав получили не более 30% волостных земских собраний, сформированных в августе–октябре 1917 года²⁴. Благодаря равнодушному, а порой негативному отношению трудящихся масс к соответствующей реформе и избирательной кампании, а также антиреволюционной политике правящих верхов и специфике расстановки общественных сил на местах в большинстве волостей в рассматриваемый период на выборах победили преимущественно представители мелкобуржуазных социально-политических групп, зажиточные слои сельчан и горожан, сторонники меньшевиков, правых эсеров и трудовиков, приверженцы умеренных буржуазно-демократических реформ и соответствующего пути общественного развития. Так, в частности, в гласные земского собрания Линейной волости Астраханского уезда оказались избранными 12 состоятельных крестьян, 6 торговцев, 5 рыбопромышленников, 2 садовода и 1 бахчевод²⁵. В Яндыковское волостное земское собрание того же уезда по результатам выборов прошли: 25 крестьян-середняков, 3 скотовода, 2 рыболова, 1 волостной писарь, 1 кузнец²⁶. В Княжевском волостном земском собрании Енотаевского уезда места гласных были заняты 2 «хлебопашцами», 8 скотоводами, 7 рыболовами, 5 торговцами, 3 чернорабочими²⁷. В Теплинское волостное земское собрание Красноярского уезда вошли: 34 состоятельных рыботорговца, 2 крестьянина, 1 служащий, 1 письмоводитель, 1 учитель, 1 дьякон²⁸. В Валуевское волостное земское собрание Черноярского уезда были выбраны 29 зажиточных «хлебопашцев», а в Уланское собрание того же уезда – 18 скотоводов и 2 торговца²⁹. В

Верхне-Ахтубинское собрание Царёвского уезда прошли: 28 крестьян, 4 приказчика, 1 торговец, 1 садовод, 1 письмоводитель³⁰. Аналогичный мелкобуржуазный состав получили также Астраханское, Икряницкое, Зеленгинское, Лаганское, Промысловское, Самоедовское, Тишковское, Цветновское и большинство других волостных земских собраний Астраханской губернии³¹.

В Оренбургском уезде представители мелкобуржуазных общественно-политических сил, крестьяне-середняки и т. п. заняли доминирующие позиции – в частности, в Аллабердинском, Рождественском и Троицком волостных земских собраниях³². В Белорецкое волостное земское собрание Уральского уезда было избрано 50 гласных, из которых 50% являлись средне- и высокооплачиваемыми служащими местного горнорудного завода, 34% – рядовыми рабочими, 4% – крестьянами, 12% – разночинцами (учителями, фельдшерами и т. п.)³³. Они представляли различные общественные и политические организации: местное отделение «Крестьянского союза», профсоюз служащих, союз женщин, совет рабочих депутатов, партии социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков)³⁴. Образовательный уровень данных гласных был следующим: высшее образование имели 4 человека, среднее – 7, начальное или домашнее – 39³⁵. Среди гласных значились 3 женщины и 46 мужчин³⁶. В Сыростанской волости Троицкого уезда в члены земского собрания прошли «местные землеробы-трудовики» и «сочувствующие социалистам-революционерам»³⁷. В гласные данного собрания прошла одна женщина – учительница А. С. Носкова³⁸.

В Ставропольской губернии в состав Среднегорлыкского волостного земского собрания Медвеженского уезда были избраны 34 состоятельных крестьянина, 3 торговца, 1 коллежский асессор, 1 врач, 1 фельдшер, 1 учитель, 1 портной, 1 рабочий³⁹. В Хачинское волостное земское собрание Медвеженского уезда прошли 24 крестьянина и 1 счетовод⁴⁰. В Ивановское волостное собрание того же уезда вошли 16 представителей крестьян-середняков, 5 уполномоченных зажиточных крестьян («кулаков»), 10 доверенных местного «комитета общественной безопасности» и совета крестьянских депутатов⁴¹. В гласные Киевского волостного земского собрания Благодаринского уезда были выбраны преимущественно крестьяне-середняки и иногородние зажиточные так называемые сельские хозяева⁴². Исключительно из «хлебопашцев» – обеспеченных крестьян – оказались также составлены земские собрания Дмитриевской, Ладбалковской, Летницкой, Лопатинской и Чернолесской волостей Ставропольской губернии⁴³.

Подводя общий итог характеристике социального состава волостных земских собраний Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний, необходимо отметить, что в целом, за

исключением нескольких отдельных случаев, господствующие позиции в данных органах заняли представители власти имущих групп общества, сторонники буржуазно-демократических реформ и приверженцы антиреволюционного пути политического и социально-экономического развития. В сравнении с составом губернских и уездных земств, а также классовым обликом высших государственных органов рассматриваемого революционного, и особенно дореволюционного периода, волостные земские собрания получили более демократичный, представительный и прогрессивный характер. Однако, будучи созданными под непосредственным руководством Временного правительства и его подчиненных, волостные земские собрания по своему составу в большинстве случаев не являлись последовательно демократическими институтами местного управления (т. е. органами управления обществом посредством трудящихся и в интересах трудящихся). В классовом и политическом отношении, на фоне многих так называемых исполнительных комитетов, комитетов безопасности, советов и других подобных общественных организаций, волостные земские собрания отличались более правоконсервативной направленностью и, в конечном счёте, не соответствовали революционно-демократическим интересам и потребностям широких народных масс (рядовых, материально необеспеченных крестьян, рабочих и служащих). Вследствие этого обстоятельства волостные земства изначально не могли рассчитывать на поддержку основной части населения России в целом и её юго-восточных губерний в частности и, как следствие, были обречены на крайне неэффективное функционирование. Результаты выборов волостных земских гласных в совокупности с прочими проблемами в деле реализации земской реформы Временного правительства, возникшими в рассматриваемый период, способствовали нарушению общего хода модернизации системы государственного и местного управления, деформации процесса построения подлинно демократической системы общественного самоуправления, ущемлению коренных интересов народных масс в соответствующей сфере, сохранению и углублению кризисных явлений в экономике и других областях общественной жизни, обострению социальных противоречий, ослаблению позиций земств и сторонников буржуазно-демократических отношений, упрочению позиций революционно-радикальных сил. Своёобразным логическим продолжением подобного развития событий явились Октябрьская революция и связанные с ней радикальные социальные потрясения, приведшие к уничтожению земств и прочих подобных органов, а также к ликвидации зачатков демократического правопорядка, сосредоточению всей власти в руках большевиков, возникновению тоталитаризма и «казарменного социализма».

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64. Л. 12–45; Д. 181. Л. 7–54; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 49–71.
- 2 ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 166А. Л. 71–144; Вестник Временного правительства. 1917. 28 мая. С. 1–3.
- 3 ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 21–44; Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 41–52; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 330А. Д. 149–164; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 224–229.
- 4 ГАСК. Ф. Р393. Оп. 5. Д. 646. Л. 25–27.
- 5 Там же.
- 6 ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3; ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 65–67.
- 7 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–67; Д. 646. Л. 1–77; ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 41. Л. 8–9.
- 8 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 38–42.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 22–25.
- 11 Там же. Л. 18–20.
- 12 Оренбургское земское дело. 1917. № 55. С. 3.
- 13 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 1–42; ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 258–262; Оренбургское земское дело. 1917. № 83. С. 2–4.
- 14 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 708. Л. 1–4.
- 15 ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120; Судавцов Н. Д. Ставропольское земство в революции 1917 г. Ставрополь, 1999. С. 144, 160.
- 16 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 6–12.
- 17 Там же.
- 18 Там же. Д. 646. Л. 20–24.
- 19 Там же. Л. 39–40.
- 20 Там же. Л. 47–48.
- 21 Там же. Л. 39–40.
- 22 Там же. Д. 677. Л. 1–47; Оренбургское земское дело. 1917. № 55. С. 3; № 56. С. 4.
- 23 ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 131–142; Судавцов Н. Д. Указ. соч. С. 160.
- 24 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–44; Д. 677. Л. 1–47; Д. 708. Л. 1–4.
- 25 Там же. Д. 646. Л. 7–8; ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 2. Л. 205–208.
- 26 ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 15.
- 27 Там же. Д. 645. Л. 30–38.
- 28 Там же. Л. 62–65.
- 29 Там же. Д. 646. Л. 56–58.
- 30 Там же. Л. 118–121.
- 31 Там же. Д. 645. Л. 1–26; ГААО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–205.
- 32 Оренбургское земское дело. 1917. № 55. С. 4; № 56. С. 4.

³³ Оренбургское земское дело. 1917. № 55. С. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. № 60. С. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 135–152 ; Судавцов Н. Д. Указ. соч. С. 160.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 708. Л. 3–4.

⁴¹ Северокавказское слово. 1917. 10 сентября. С. 4.

⁴² Там же. 27 сентября. С. 4.

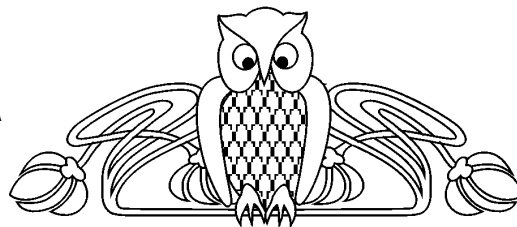
⁴³ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 229–241 ; ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 708. Л. 1–4.

УДК 656.121 (470.44–25) (09)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА САРАТОВА

Д. Ю. Курмакаева

Саратовский государственный университет
E-mail: KurmakaevaDY@mail.ru

В настоящей публикации исследуются особенности становления общественного транспорта в Саратове, ставшего важнейшей составляющей повседневной жизни людей. Автор изучает урбанизационные процессы в дореволюционный период на основе новых архивных данных с применением современных методологических принципов.

Ключевые слова: урбанизация, социальная история, повседневность, общественный транспорт, извозничий промысел, конка, электрический трамвай.

From the History of the Development of Public Transport Saratov

D. Yu. Kurmakaeva

In this publication we study the peculiarities of public transport in Saratov, which has become an essential part of everyday life. The author examines urbanization processes in pre-revolutionary period, based on new archival data using the modern methodological principles.

Key words: urbanization, social history, everyday life, public transportation, cab work, horse-drawn tram, electric tram.

В последнее время одним из популярных направлений в мировой исторической науке стала социальная история, в центре внимания которой оказываются человек и его положение в обществе, повседневной жизни и быту. Исследование повседневности охватывает все сферы человеческой обыденности. Интерес к изучению проблем частной жизни и повседневности людей разных социальных групп стал общей чертой современной гуманизированной науки¹.

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих «историко-антропологического поворота», начавшегося в гуманитарных науках в конце 60-х гг. XX века. Это направление активно развивается и в российской исторической науке, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, научные конференции, посвященные данной проблематике².

В повседневной жизни людей понятие «общественный транспорт» является одной из составляющих уровня благоустроенности и развития городской инфраструктуры. Транспортная сеть – неотъемлемая часть всей городской системы³.

Основным видом транспорта в XIX в. по всей России, и в Саратове в частности, был извозничий промысел. В России им занимались ещё в XVII веке. Кроме пассажирских существовали ломовые извозчики, перевозившие тяжелые и объемистые грузы: соль, муку, дрова, сено, мебель и прочее. В 1850 г. в нашем городе насчитывалось более 100 извозчиков, а спустя сорок лет число легковых, ломовых и зимников перевалило за 1500⁴.

Стоянки легковых извозчиков находились в наиболее людных местах – на площадях, у базаров, на пересечениях центральных оживленных улиц, у железнодорожного вокзала. Летом лошади запрягались в пролетку. Колеса у нее были на железном ободе или на шинах из твердой резины. У экипажей особо преуспевающих владельцев встречались «дутые» шины. Их пролетки блестели лаком, сбруя лошадей украшалась металлическими бляхами. Сами извозчики обычно надевали синий кафтан с ярким кушаком, а на голову – шляпу наподобие цилиндра с лентой и пряжкой. Зимой использовались сани с отороченным мехом пологом, покрывавшим седока⁵.

Помимо основной функции – перевозки пассажиров по городу, – извозчики подчас были своеобразными агентами отдельных постоянных дворов, номеров, гостиниц, поставляя их владельцам клиентуру.

Существовала определенная плата за проезд (такса), выше которой взимать не полагалось, однако её мало кто соблюдал, особенно среди самих извозчиков. Официальная такса на извозчика устанавливалась городской управой. В Вольске Саратовской губернии, к примеру, плата за проезд была фиксированной и составляла 20–25 коп. в один конец. Больше этой суммы извозчики не

имели права требовать с пассажира⁶. В 1912 г. в Саратове плата за проезд составляла 40 коп. Но сплошь и рядом такса нарушалась. С извозчиками советовали торговаться⁷.

Извозчий промысел в Саратове в конце XIX в., по мнению В. Н. Семенова, был развит очень широко: в 1887 г. числилось 786 легковых извозчиков, 695 ломовых и 82 зимника⁸. Однако этого было явно недостаточно для растущего города. В воспоминаниях Н. Ф. Иванова, одного из членов Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), отмечается, что «извозчиков было так мало, что отыскать дрожки стоило большого труда и не всегда удавалось. В ненастье улицы превращались в грязное болото, в котором беспомощно барахтались пешеходы и воза. Переправа через улицу совершалась таким способом: встречный мужик за пятак «на ассигнации» переносил через болото детей и барынь – на руках, а мужчин – на спине»⁹.

В соответствии с решением городской управы извозчики должны были следить за тем, чтобы лошади и экипаж – как легкий, так и тяжелый – находились в «приличном и всегда исправном виде». Кроме того, предписывалось уважительное и вежливое отношение извозчика к пассажирам. В случае нарушения этого правила извозчик лишался права въезда на биржу¹⁰.

Дороги в Саратове оставляли желать лучшего. В некоторых местах вода из земли пробивалась ключами, что приводило к ее застою и образованию луж. Лошадей из трясины приходилось вытаскивать веревками. В дождливое время многие саратовские улицы были непроездными¹¹.

Ежегодно с извозчиков взимался сбор. Он проводился на основании Положения о доходах и расходах Саратова от 16 марта 1839 года. Размер сбора по ст. 73 этого положения определялся для легковых извозчиков в 10 руб., а для ломовых – 8 руб. ассигнациями в год, что при перерасчете на серебро равнялось 2 руб. 86 коп. и 2 руб. 29 коп. в год соответственно. К примеру, за 1907 г. этого сбора поступило 5875 руб. 60 коп. В таком размере сбор с извозчиков в Саратове оставался неизменным в течение 79 лет, после чего городская управа увеличила его¹².

Долгое время извозчий промысел оставался единственным видом общественного транспорта. Между тем Саратов рос и развивался. По переписи 1861 г. население города составляло 74 тыс. чел., в 1880 г. – уже 115 тыс., а в 1897 г. – 137 тыс. человек¹³. Для удовлетворения потребностей растущего населения нужны были новые виды транспорта. Одним из таких новшеств стал пуск конки в Саратове.

История общественного рельсового транспорта в Саратове началась с конки. Для устройства в Саратове сети конно-железных дорог и для перевозки по ним пассажиров и грузов утверждалось «Акционерное общество конно-железных дорог в Саратове», был принят Устав общества, утверж-

денный Александром III 5 февраля 1888 года¹⁴. Договор на постройку линий конно-железной дороги был заключён 25 декабря 1885 г. между городской управой и частным лицом – Леонидом Петровичем Блюммером, выпускником Московского университета, журналистом и редактором. По концессионному договору Блюммер получал исключительные права на создание и эксплуатацию конно-железной дороги в Саратове в течение 40 лет, после чего был обязан отдать всю систему в пользование городу. Размер ежегодного платежа в городской бюджет определялся следующим образом: за первые десять лет – 1000 руб., вторые – 1500 руб., третьи – 2000 руб. и в четвёртое десятилетие – 2500 руб. Отметим и жёсткие условия строительства: согласно пункту 5 этого договора все работы по устройству рельсового полотна проводились так, чтобы движение по улицам не прерывалось, и в предельно сжатые сроки – на каждом маршруте не более двух месяцев¹⁵. В договоре также перечислялись улицы и маршруты будущей конки: 1) по Московской улице – со Старособорной площади до Ильинской улицы; 2) с той же улицы от пересечения ее с Ильинской до Московской площади и далее через последнюю до пассажирского железнодорожного вокзала; 3) по Никольской улице (ныне перекресток ул. Московской и Астраханской) от Московской до Константиновской и далее по Константиновской до Камышинской улицы (ныне ул. Рахова); 4) от Камышинской улицы по Константиновской через Полтавскую площадь и далее до товарной станции железной дороги; 5) от Московской улицы по Большой Сергиевской до Ильинской площади; 6) с Ильинской площади по Ильинской улице до Большой Горной улицы; 7) от товарной железнодорожной станции по Астраханской улице до пересечения ее с Московской и 8) по Большой Горной улице¹⁶.

Таким образом, «рельсовые пути» охватывали самые людные места и пункты значительных грузопотоков.

Пуск конки состоялся 1 мая 1887 года. Первоначально сеть состояла из двух линий: от железнодорожного вокзала по Московской улице до Старособорной (ныне Музейной) площади и по Большой Сергиевской улице (ныне улице Чернышевского) от Московской до Александровской (Горького). Время работы – с 7 утра до 10 вечера, с интервалом движения в 10 минут. Стоимость проезда составляла 5 коп. в первом классе и 3 коп. во втором. При этом линия по Московской улице делилась на две тарифные зоны. Максимально облегчённые двухсторонние вагоны конки представляли собой открытый кузов на двух осях без боковых стенок (крыша держалась на стойках). Вдоль бортов вагона крепилась широкая подножка, посредством которой осуществлялась посадка.

У железнодорожного вокзала вагоны делали кольцо, а около Гостиного двора на Старособорной площади существовал оборотный тупик. Лоша-

дей просто перепрягали с одного конца вагона на другой. Движение на линиях было левосторонним. Впоследствии количество линий конки увеличилось. Открылись маршруты по Ильинской улице (ныне Чапаева), по Астраханской улице до товарной железнодорожной станции (ныне станция Саратов-II), по Никольской (Радищева) от Московской до Константиновской (Советской) и далее по Константиновской до Народного театра (у нынешнего Саратовского драмтеатра им. Слонова)¹⁷.

Вскоре после открытия конки в Саратове в городскую думу поступила петиция городских извозчиков с просьбой закрыть ее, так как она лишила их заработка, потому что плата за проезд на конке была значительно ниже, чем у извозчика. Однако краевед В. Н. Семенов отмечает, что извозчики выступили в конкуренции¹⁸.

В 1888 г. умер основатель и владелец конки Леонид Петрович Блюммер и всё хозяйство перешло на баланс акционерного общества. На момент передачи капитал составлял 900 000 руб. Расходы на перевозку одного пассажира составляли 3,44–4,08 коп., а выручка кондуктора за день, соответственно, 290–412 руб. После смерти основателя конка ещё 20 лет успешно осуществляла массовые перевозки горожан. Так, в 1893 г. было перевезено 2 579 500 пассажиров, в 1896 г. – 3 452 000, а в 1900 г. – 5 473 000 пассажиров¹⁹. Тем не менее век конно-железнодорожной дороги подходил к концу и наступала эра трамвая.

Первое упоминание о трамвае в саратовской прессе датируется 1899 годом²⁰. По договору Саратовского городского управления с Бельгийским анонимным акционерным обществом «Взаимная компания трамваев» от 15 апреля 1905 г. последнее обязывалось приобрести у акционерного общества Саратовских конно-железных дорог всё принадлежащее ему предприятие со всеми правами и обязанностями по контракту от 25 декабря 1885 года. Со стороны Саратовской городской управы договор подписывал городской голова, коллежский секретарь, а от имени Бельгийского общества – инженер, главный директор одесских трамваев Реймонд Леодей²¹. По истечении срока концессии Акционерное общество «Взаимная компания трамваев» обязывалось передать городу безвозмездно и в исправном виде центральную станцию, сеть электрического освещения, устроенные им железные дороги со всеми строениями, мастерскими, передвижным составом²². В соответствии с договором, рассчитанным на 40 лет, саратовская трамвайная сеть должна была включать следующие линии:

1) Б. Горная: по Б. Горной от Затона до Астраханской улицы. Длина этой линии – 2 версты 300 саж.;

2) Московская: по Московской улице от пассажирского вокзала до Казанского взвоза, далее по Казанскому взвозу параллельно Затонской улице по берегу Волги до перевозной пристани в Покровскую слободу. Длина – 4 версты 250 саж.;

3) Константиновская: от угла Б. Горной по Никольской, Константиновской, вокруг сквера на Полтавской площади, по Астраханской до товарной станции и далее на соединение с линией на Дегтярной (Ильинской) площади. Длина линии – 5 верст²³;

4) Сергиевская: от угла Московской по Б. Сергиевской до Никольской, по Никольской, М. Сергиевской, Панкратьевской, вокруг сквера на Полтавской площади, по Царицынской до пассажирского вокзала;

5) Ильинская: от угла Б. Горной по Ильинской, Печальной, Садовой, Б. Сергиевской, через Дегтярную площадь, Солдатскую слободку;

6) Астраханская: от Полтавской площади по Астраханской до православного Воскресенского кладбища;

7) Бабушкинская: с берега Волги от пассажирских паромных пристаней по Бабушкину взвозу, Армянской и Никольской до Пассажа;

8) Александровская: от угла Б. Горной по Александровской до Александровской земской больницы²⁴.

Этот план трамвайных маршрутов постепенно осуществлялся, и к концу октября 1909 г. в Саратове действовали все трамвайные линии.

Кроме них планировалось организовать два круговых соединительных пути: на Театральной площади и у пассажирского вокзала.

Одновременно с постройкой городской сети предполагалось и устройство загородного трамвая протяженностью 12 верст с двумя конечными пунктами – на Трофимовском разъезде и Кумысной поляне. Тариф за проезд устанавливался следующий: внутри вагона за проезд по каждой из линий – 5 коп., за проезд на площадке вагона по линиям 1-й, 6-й, 7-й и 8-й по 3 коп. за каждую линию. Линии 2-я, 3-я, 4-я и 5-я делились для тарифа в 3 коп. каждая на 2 станции, и за проезд по каждой из этих станций на площадке вагона взималось по 3 копейки²⁵.

Плата за проезд по загородным линиям устанавливалась следующая: от Московской площади до станций Кузнецовская, Гуляевская, Тензюгская по 10 коп., до Трофимовского разъезда и далее – 15 копеек. До Кумысной поляны плата устанавливалась при подписании технических условий.

Пассажир имел право на бесплатный провоз ручной клади. Вагоны, которые отправлялись от вокзала и пристани и обратно, должны были иметь особые багажные отделения для перевозки грузов. Дети до шести лет по договору также перевозились бесплатно.

Для учащихся и учащихся в учебных заведениях Саратова и для служащих городского управления устанавливались абонементные книжки на проезд за половинную плату с правом пересадки²⁶.

После 11 часов вечера и до 6 часов утра по всем городским линиям взималась двойная плата,

кроме вагонов у народного театра в саду Сервье, где двойная плата устанавливалась после 12 часов ночи. Максимальные промежутки времени между отходом вагонов на разных линиях составляли 7, 5, 10 и 15 минут. Движение по всем трамвайным линиям осуществлялось при помощи электрической энергии ежедневно и непрерывно, за исключением случаев снежных заносов или ремонта пути.

Тарифы и расписание поездов были опубликованы и вывешены как в вагонах, так и в павильонах.

Скорость движения трамвая в городе составляла не менее 12 и не более 15 верст в час, а вне города – не менее 20 верст в час.

Движение электрического трамвая совершалось летом с 6, а зимой с 7 часов утра и до 10 часов вечера²⁷.

В 1907 г. «Бельгийское общество» развернуло строительство электрического трамвая. Директором саратовского трамвая стал Ю. Ф. де Вильде.

Первый трамвай в Саратове прошел 5 октября 1908 г. по Немецкой улице от железнодорожного вокзала до Волги. По этому поводу «Саратовский листок» писал: «Первый день движения трамвая прошел благополучно. С утра вагоны ходили пустые: выравнивалось движение во времени встречи и остановки вагонов. С 3 часов стали возить за плату. Публика хлынула на “новинку”, вагоны переполнились. Ни уговоры, ни замечания не действуют: мальчики цепляются за буфера и “катаются” в полувисячем положении, подвергаясь страшной опасности. Городская управа уже 9 октября разрешила движение трамвая по всей линии Вокзал – Волга»²⁸. В этот же день за провоз пассажиров на трамвае было выручено 200 руб., 10 октября – 400, 11-го – 300, 12-го – 650 руб. В первый день проехало больше 4000 пассажиров, во второй – больше 8000, в третий – 6000, в четвертый, т. е. 12 октября, в воскресенье – 13 000 пассажиров. В этот день, 12 октября, на обоих концах линии стояли огромные толпы и вагонами «завладевали с бою»; «дальше на всем протяжении линии нельзя было достать ни одного места». Ходило 11 вагонов²⁹.

Саратовский полицмейстер отдал распоряжение, чтобы ломовые и легковые извозчики для приучения лошадей к движению трамвая являлись на Астраханскую улицу³⁰.

В конце октября 1908 г. началось движение по Московской улице. В течение года открылось еще 6 маршрутов. За 5 лет было проложено 9 трамвайных линий, которые привлекали все больше пассажиров. В 1913 г. было перевезено 20 млн человек. С открытием трамвая конка теряла былую популярность. Трамвай отвлек пассажиров от конки, доходность которой «заметно понизилась»³¹.

На страницах газеты «Саратовский листок» появлялись разные заметки о ходе строительства трамвая, происшествий, связанных с ним и т. д.: «... за неправильное движение трамваев по дачной линии на бельгийцев составлены протоколы», «вагон трамвая наехал на телегу», «наскочил на бочку для полива городских улиц»³². В частности, отмечалось, что из-за распространения различных заболеваний эпидемиологическая служба города совершала проверки трамвайного хозяйства. Выяснилось, что вагоны и павильоны находились в сильно загрязненном виде, а директор трамвая не гарантировал соблюдения чистоты в вагонах, так как в договоре это не было оговорено. На 68 трамвайных вагонов к 1913 г. в Саратове имелось всего четыре чистильщика³³.

С 1915 г. на должность кондуктора трамвая стали принимать женщин. Им выдавалась специальная форма³⁴.

Для электроснабжения трамваев, освещения улиц и домов Акционерное общество построило центральную электростанцию, которая на протяжении многих лет, вплоть до 1929 г., т. е. ввода СарГРЭС в эксплуатацию, оставалась единственным источником энергоснабжения предприятий, организаций, учреждений города³⁵.

Период 1914–1917 гг. характеризуется снижением из года в год среднего выпуска вагонов на линию, уменьшением пробега и длины эксплуатационных линий, несмотря на все возрастающую потребность в развитии общественного транспорта вследствие ежегодного роста населения (таблица)³⁶.

В таблице показаны рост из года в год нагрузки на 1 вагон и увеличение количества пассажиров на 1 ваг./км. Если добавить, что ремонт и содержание подвижного состава и путевого хозяйства до этого находились не на должной высоте, а ремонт заключался в смене износившихся деталей, которые в основном привозились из-за границы, то

Трамвайное обслуживание населения г. Саратова в 1914–1917 годы

Показатель	Единица измерения	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Длина эксплуатационных линий	км	55	55	59	49
Среднее дневное кол-во вагонов в движении	шт.	62	65	50	47
Перевезено пассажиров	тыс. человек	22 277,0	25 896,0	26 512,0	25 408,0
Пробег	км	3724,0	3170,0	2235,0	1814,0

все это характеризует очень тяжелое техническое состояние всего трамвайного хозяйства.

Всего в 1917 г. в Саратове было в наличии 87 вагонов, из них 69 моторных и 18 прицепных.

Наличие и развитость городского общественного транспорта являются важнейшим аспектом, характеризующим повседневную жизнь людей. В период конца XIX в. – начала XX в. на примере Саратова видно, как один за другим появляются новые виды транспорта, но они не сменяют друг друга, а сосуществуют.

Примечания

- ¹ См.: *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 93.
- ² См.: *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998. М., 1999 ; *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. ; *Тяжельникова В. С.* Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М., 2002 ; *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004 ; *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993 ; *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. М., 1997 ; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского народа: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999 и др.
- ³ См.: Транспорт и городская среда. М., 1978. С. 6.
- ⁴ См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 386.
- ⁵ *Семенов В. Н.* В старину саратовскую. Саратов, 1994. С. 139.
- ⁶ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 90. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.
- ⁷ См.: Саратов в кармане. Путеводитель 1910 г. Саратов, 1910. С. 31.
- ⁸ *Семенов В. Н.* Указ. соч. С. 140.
- ⁹ Воспоминания Н. Ф. Иванова. «Рассказы из прошлого» // Земли родной минувшая судьба. Саратов, 2007. С. 207.
- ¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 117. Л. 2 об., 3.
- ¹¹ См.: Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 141–142.
- ¹² См.: Доклад городской управы об установлении сбора с экипажей и увеличении сбора с лошадей и извозчиков, а также платы за воду. Саратов, 1908. С. 5.
- ¹³ См.: Маршруты и судьбы. 110 лет саратовскому рельсовому транспорту. Саратов, 1997. С. 6.
- ¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 173. Оп. 1. Д. № 33. Л. 4 об.
- ¹⁵ URL: <http://www.sartram.ru> (дата обращения: 20.03.2011).
- ¹⁶ См.: Маршруты и судьбы. 110 лет саратовскому рельсовому транспорту. С. 6–7.
- ¹⁷ URL : <http://www.sartram.ru> (дата обращения: 20.03.2011).
- ¹⁸ См.: *Семенов В. Н.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁹ См.: Маршруты и судьбы. 110 лет саратовскому рельсовому транспорту. С. 9.
- ²⁰ См.: *Семенов В. Н.* Указ. соч. С. 136.
- ²¹ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2339. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 9 об.
- ²³ См.: Саратовский листок. 1908. № 221 от 11 октября.
- ²⁴ См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2085. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2339. Л. 2 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 25. Оп.1. Д. 2085. Л. 2, 3, 4.
- ²⁸ Саратовский листок. 1908. № 220 от 10 октября.
- ²⁹ Там же. № 223 от 14 октября.
- ³⁰ Там же. № 214 от 3 октября.
- ³¹ Там же. № 223 от 14 октября.
- ³² Саратовский вестник. 1913. № 145 от 5 июля ; № 160 от 24 июля ; № 169 от 4 августа.
- ³³ Там же. № 142 от 2 июля ; № 165 от 30 июля.
- ³⁴ Там же. 1915. № 43 от 22 февраля.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 2, 2 об., 3.
- ³⁶ См.: *Чолахян В. А.* Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 140 ; ГАСО. Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 4.

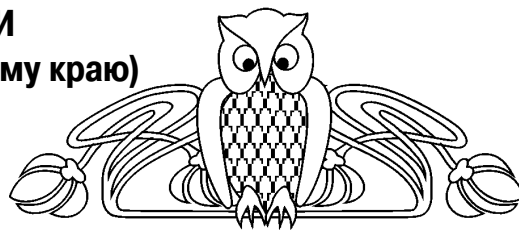

УДК 364(470.44)(09)

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ (с привлечением материала по Саратовскому краю)

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются основные направления социальной работы в России с догосударственных времен до начала XXI в., причем период с конца XVIII в. излагается на материалах Саратовской губернии. Статья основана на богатом фактическом материале, извлеченном из новейших работ общего характера, а также опубликованных и частично архивных источников.

Ключевые слова: благотворительность, богадельня, призрение, милостыня, социальное обеспечение, нищие, патронаж, попечительство, приют, инвалид, пенсия.

The History of Social Work in Russia (with Materials of Saratov's Region)

A. A. Gumenuk

In this article the ancient and modern social work in Russia was analyzed. The author shows the history of social work in Saratov's region since XVIII Century. Materials on the data of the rich actual sources including archives were prepared.

Key words: charity, poorhouse, social support, alms, social welfare, beggar, patronage, guardianship, orphanage, invalid, pension.

С начала 1990-х гг. в Российской Федерации начала формироваться современная социальная служба, однако на этом пути работники данной отрасли сталкиваются с многочисленными проблемами, не столько связанными с трудностями реформирования общества, сколько вызванными незнанием достоинств и недостатков истории социального обеспечения в России. Ликвидация такого пробела позволит ученым, политикам и профессионалам при выработке современных концепций развития служб социального обеспечения учесть позитивные и негативные моменты истории данной отрасли в стране. При этом важно принимать во внимание ситуацию не только в столицах и близлежащих регионах, но и в провинции. Такой подход позволит увидеть, как в реальности претворялись в жизнь те или иные законодательные инициативы российских властей. Вышеприведенные доводы и определили актуальность данной работы, цель которой состоит в создании экскурса в историю возникновения и развития в России – СССР – РФ социальной работы. При ее написании автором привлекались данные из новейших работ общего характера, а также опубликованные и частично архивные материалы по истории отрасли в Саратовском крае. Ценность данной работе, на наш взгляд, придает именно региональный компонент, поскольку до настоящего времени так и не появилось обобщающих

работ по истории служб социального обеспечения в Саратовском Поволжье.

История социальной работы в России насчитывает более тысячи лет, уходя своими корнями в глубокую древность¹. Началом ее следует считать договор 911 г. князя Олега с греками. Это были первые документальные свидетельства заботы государства о нуждающихся гражданах². Принятие христианства (988 г.) расширило возможности для осуществления помощи нуждающимся. Ее основная форма – благотворительность – получила теоретическое обоснование в виде христианского учения о любви и милосердии, обращенного ко всем людям. Расширение спектра помощи произошло уже при Владимире Красное Солнышко. В 996 г. он своим указом официально обязал духовенство заниматься общественным призрением, определив десятину (одну десятую часть от хлеба, скота, судебных пошлин и т. д.) на содержание богаделен, монастырей, церквей. Возложив тем самым заботу о нуждающихся на митрополита и других епископов, князь этим церковным указом положил начало церковной благотворительности на Руси³. Благотворительностью занимался и сам Владимир. Во время различных празднеств князь раздавал убогим, сиротам и вдовицам «великую милостыню» хлебом, мясом, рыбой, овощами, медом и квасом⁴. Неслучайно люди его нарекли отцом сострадания.

Известны и другие имена князей, выделявшихся широкой помощью бедным: брат Ярослава Владимировича князь тмутараканский Мстислав, Изяслав Ярославич и Всеволод Ярославич, а также князья тмутараканские Ростислав и Глеб. Они организовывали праздники для народа, выдавали деньги из казны, раздавали милостыню беднейшим слоям населения (своеобразное «хождение в народ», «милостыня с рук»), выкупали пленных из неволи⁵. Не менее милосердным был киевский князь Владимир Мономах (начало XII в.). Ему были характерны снисходительность к человеческим слабостям, щедрость и незлобивость. В «Поучении», написанном для своих сыновей, он призывал их заботиться о бедных, вдовах и сиротах: «... убогих не забывайте ... кормите, и вдовицу оправдайте сами, не давайте сильным погубить человека ... накормите бедного ... Больного посетите ...»⁶. В период татаро-монгольского нашествия большое распространение получили такие формы помощи русских князей населению,

как выкуп пленных и борьба с пожарами. Церкви и монастыри делали первые шаги по созданию институтов поддержки – больниц, богаделен, – закладывали основы медицинской помощи. Наблюдалось переплетение государственной и частной благотворительности.

В этот период на Руси начала формироваться правовая основа социальной помощи подрастающему поколению и женщинам. Так, в первом письменном своде законов «Русская Правда» решались вопросы о разделе наследства между детьми (в пользу младшего сына) и вдовствующей матерью: ее не могли прогнать со двора или отнять то, что было передано ей супругом⁷. Восемь из 37 статей «Русской Правды» были посвящены вопросам детской защищенности. Кроме того, этим сводом законов под княжеский и церковный патронаж принимались не только люди церкви, но и изгои, лица, вышедшие из своей социальной группы: крестьяне, ушедшие из общины, вольноотпущенные или выкупившиеся холопы, а также вдовы и старики. Основной задачей попечения являлось «питание», т. е. сохранение образа жизни подопечного⁸. Таким образом, «Русская Правда» явилась первым социальным законом, подобием социальной программы, причем многие ее положения были впервые разработаны именно на Руси⁹.

Социальное законодательство киевских князей способствовало утверждению в русской юридической практике основ социальной политики, последующие своды законов во многом строились по его образу и подобию. Иван IV Грозный издал новый свод законов – Судебник 1550 года. Относительно проблем общественного призрения в нем сообщалось, что при монастырях имеют право жить только нищие, питающиеся «... милостинею от Церкви Божьей»¹⁰. Это послужило началом формированию системы «нищепитательства» на Руси. Постепенно сложились определенные группы нищих, кормившиеся от различных институтов церкви: кладбищенские, соборные, монастырские, церковные, патриаршие.росло число монастырей с системой кормлений вокруг них. За один только XVII в. было основано 220 новых монастырей, а к началу XVIII в. их было 1201. В светской системе кормления также существовали свои разряды – дворцовые, дворовые, гулящие и леженки, – которые имели свою систему пропитания¹¹.

Социальная помощь государства стала институализироваться, создавались особые государственные учреждения – приказы. Так, Житный приказ ведал житными домами, где хранился запас зерна на случай голода. Полоняничный приказ контролировал процесс выкупа пленнных¹². Сбор денег в государстве для этого регламентировался Соборным уложением 1649 года¹³. Развивается идея государственного призрения, сформулированная в 1551 г. Стоглавым Собором¹⁴. Такие венценосные особы, как Федор Иоаннович, Борис Годунов¹⁵, Василий Шуйский, Михаил Федоро-

вич, Алексей Михайлович¹⁶, внесли большой вклад в развитие частной благотворительности. Милостыня, приобретя всеобщий характер, являлась своеобразной страховой системой для населения. Однако ее неконтролируемая раздача привела не к сокращению, а к росту нищеты. Положить этому конец был призван указ царя Федора Алексеевича «О призрении нищих и больных» (1682 г.), которым вводился дифференцированный подход к нуждающимся. Помощь должна была оказываться только тем, кто действительно в ней нуждался, а не притворялся нищим¹⁷. Эта и другие законодательные инициативы (указы 1691 г. и 1694 г.¹⁸) русских царей конца XVII – начала XVIII в. означали завершение эпохи «нищепитательства» в России. Трудоспособные нуждающиеся, как и в европейских странах, могли теперь рассчитывать на получение заработка, а те, кто предпочитал заниматься попрошайничеством, рисковали быть наказанными за туеядство.

С начала XVIII в. государственное призрение в России стало приобретать системный характер. Уже при Петре I началось создание системы общественного призрения, что выразилось в расширенном строительстве больниц, богаделен, сиротских и смиренных домов, домов для незаконнорожденных младенцев и прядильных домов¹⁹ для людей «праздно шатающихся и им подобных»²⁰. В начале 20-х гг. XVIII в. великим преобразователем России были изданы указы о призрении младших офицеров, что можно условно рассматривать как предтечу российского пенсионного законодательства²¹. Преемники Петра I в течение 30 лет акцентировали внимание не столько на помощи нуждающимся, сколько на борьбе с мнимыми, «шляющимися» нищими²².

Таким образом, Петром I и его преемниками, помимо организации государственного патронажа над нуждающимися, были созданы институты государственного контроля, призванные локализовать социальные болезни: профессиональное нищенство, детскую беспризорность, алкоголизм, проституцию. Система помощи нуждающимся перешла от самостоятельного существования под непосредственный патронаж и контроль государства. Появление названных форм развития социальной работы свидетельствовало о начале нового этапа в подходе государства к решению проблем обеспечения нуждающихся. Он отождествляется с началом европеизации в истории России.

При Екатерине II система общественного призрения в основном сложилась. На открытые ею согласно «Положению об учреждении губерний» от 7 ноября 1775 г. в 40 губерниях особые приказы общественного призрения возлагались обязанности по устройству и содержанию народных школ, сиротских домов, больниц, аптек, богаделен, домов для неизлечимо и психически больных, работных и смиренных домов. Возглавляли эти социальные учреждения губернаторы. При создании каждый приказ общественного призрения

получал из казны основной капитал – 15 тыс. рублей. Приказ имел право его увеличить за счет раздачи займов с процентами, принятия подаяний, различных хозяйственных доходов (плата за признание в заведениях, доходы с оброчных статей и т. д.), процентов от продажи игральные карт, разных штрафных, пенных, апелляционных денег, судебных вкладов, раздачи ссуд частным лицам «на правила сохранной казны императорского воспитательного дома», кредитных операций (к началу 1860-х гг. они приносили до миллиона рублей дохода). В случае необходимости приказам оказывалась помощь городами. Так, например, Саратовский приказ общественного призрения к 1 сентября 1857 г. располагал капиталом в размере 4 986 751 руб. 69 коп.²³ Не меньшими суммами располагали и приказы других губерний. На эти средства ими в начале 60-х гг. XIX в. содержались по всей территории страны 519 больниц, 33 дома умалишенных, 107 богаделен и домов инвалидов, 21 сиротский дом, 8 воспитательных домов, 16 училищ для детей канцелярских служащих, 4 фельдшерские школы, 27 смиренных и рабочих домов, т. е. всего 735 заведений и 34 их отделения²⁴. Таким образом, государство стремилось охватить социальной защитой все слои населения.

Однако вскоре стало ясно, что в стране в связи с многочисленными войнами полно калек и казенных средств на их содержание не хватает, приказы не могли помочь и сотой части нуждающихся. Возникла идея добровольно-обязательного попечения нуждающихся под присмотром государства, которая воплощалась в жизнь и благодаря участию в деле призрения членов императорской семьи – императора Александра I и императрицы Марии Федоровны. Первый стал инициатором создания благотворительной организации «Человеколюбивое общество», а вторая возглавила также благотворительное общество – Ведомство императрицы Марии²⁵.

В провинции право создания благотворительных и богоугодных учреждений было возложено на губернатора. Правительство же осуществляло функцию общего управления этим процессом²⁶. Однако институты социальной работы в российских губерниях в первой половине XIX в. развивались не так интенсивно, как в столичных и близких к ним регионах. Типичным примером в этом отношении является Саратовская губерния. Здесь в 1806 г. возникла богадельня «для страждущего человечества», открытая при созданной тогда же Александровской больнице²⁷. Располагалась она на первом этаже двухэтажного здания больницы и была разделена на две части по половому признаку. В начале позапрошлого века в ней насчитывалось три десятка мужчин и полтора десятка женщин, которые обрабатывали огород и разводили сад при больнице. За это они получали пропитание в больничной столовой и одежду от государства²⁸. Во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии

1813–1814 гг. в Саратове была создана комиссия помощи беженцам (осень 1812 г.), проводилась подписка в помощь «инвалидам, защитникам Отечества» (весна 1814 г.). Всего в пользу инвалидов было доставлено до 30 тыс. рублей²⁹. В 1830 г. в с. Николаевское (Николаевский городок) Мариинской волости Саратовского уезда была образована колония для семей подкидышей Московского воспитательного дома, который опекала царица Мария Федоровна. В середине столетия в колонии проживало 260 семейств. На казенный счет им были построены дома, каждая семья получила по 30 десятин земли, четыре лошади, четыре коровы, десяток овец и кур, давали им еще и крепостных из малолетних подкидышей. Подопечные императрицы освобождались от податей и повинностей, не считая обязанностей по уборке улиц, возке дров и засеву общественных запашек. Льготы эти действовали только 12 лет, по истечении которых поселенцы Николаевского городка стали государственными крестьянами³⁰.

В 1842 г. было создано губернское попечительство о детских приютах, куда входили губернатор, епископ Саратовский и Царицынский, губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами и городской голова. И уже на следующий год в Саратове был открыт первый такой приют, с 1877 г. именуемый Мариинским (в честь императрицы Марии Федоровны). Сироты, призриваемые в этом приюте, изучали арифметику, русский язык, занимались рукоделием – шитьем, вязанием, – стиркой, чисткой, глажкой белья, приготовлением пищи, посадкой овощей, прополкой и прочим³¹. Тем самым в губернии было положено начало призрению незаконнорожденных детей. Оказывалась помощь и пострадавшим от нередких эпидемий и эпидемических заболеваний. Так, в 1830–1831 гг. в связи с эпидемией холеры в губернии действовала особая комиссия по выявлению и признанию сирот к опеке над имуществом, оставшихся после умерших от холеры³².

Отмена крепостного права и последовавшая за ней серия буржуазных реформ 1860–1870-х гг., ускорив экономическое развитие России, дали существенный толчок развитию общественной и частной благотворительности. Этому благоприятствовали и изменения в законодательной базе. С 1862 г. для открытия благотворительного общества больше не требовалось высочайшего императорского соизволения, достаточно было получить разрешение в МВД. Этому министерству теперь и принадлежало заведение делом общественного призрения в стране и сосредоточивалось в Главном управлении по делам местного хозяйства по отделу народного здравия и общественного призрения. К тому же государством были введены налоговые льготы для предпринимателей-благотворителей. Налоги снижались с 18–25% до 12–15%, а на региональном уровне нередко практиковалось освобождение от уплаты

всех местных налогов³³. В результате за период с 1855 по 1897 г. число только благотворительных учреждений, подведомственных Императорскому человеколюбивому обществу, выросло с 45 до 210 единиц. Ежегодно общество оказывало помощь 150–160 тыс. человек, тратя в год свыше 1,5 млн рублей³⁴.

Государство санкционировало создание новых, ранее не развивавшихся благотворительных организаций. Так, в 1864 г. были созданы церковно-приходские попечительства, в 1882 г. в России был основан первый дом трудолюбия³⁵. Создание благотворительных и лечебных заведений входило в обязанность и появившихся на свет в ходе реформ всеобщих органов местного самоуправления, в частности городских³⁶. Не обошел этот процесс и Саратовскую губернию. Как и в любой провинции, развитие различных форм социальной работы зависело от воли губернаторов или городских голов. Люди, занимавшие в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. эти должности, оказались весьма небезразличными к проблемам нуждающихся. Так, саратовский городской голова Л. С. Масленников, занимавший этот пост в 1852–1857 и в 1861–1863 гг., открыл на иновещеском кладбище богадельню, а в районе современной «Стрелки» на собственные средства выстроил дома для бедных. По инициативе князя В. А. Щербатова, губернаторство которого пришлось на 1863–1869 гг., в Саратове стал функционировать учебно-заработный дом для нищих, возникло Общество попечения о раненых и больных воинах³⁷. За десять лет своего губернаторства член Государственного совета М. Н. Галкин-Враский учредил в губернском центре, как минимум, шесть богаделен³⁸, создал учебно-исправительный приют для несовершеннолетних преступников, которых обучали грамоте, Закону Божьему и сельскому хозяйству³⁹. Кроме того, в 1870–1879 гг. в Саратове согласно губернаторской воле были открыты учебно-заработный дом, где нашло приют до 100 детей, бесплатная столовая при братстве Св. Креста, общество вспомоществования недостаточным молодым людям, стремящимся к высшему образованию, попечительство о бедных при домово́й церкви Александровского ремесленного училища, детский приют Галкина-Враского, приют «Ясли»⁴⁰. Богадельни и дешевые столовые открывались в Саратове и при благосклонной поддержке губернатора А. А. Зубова и его супруги Марии Николаевны. Много внимания уделял благотворительности и А. И. Косич, губернатор в 1887–1891 гг. В эти годы в Саратове открылись семь богаделен, дом трудолюбия, общество вспомоществования нуждающимся литераторам. Он даже учредил специальное собрание для объединения и совершенствования их деятельности. В целом к 1895 г. только в Саратове насчитывалось 23 богадельни и более десяти различных попечительств и благотворительных обществ⁴¹. Эта сеть учреждений социальной защиты была расширена

в начале прошлого века благодаря стараниям П. А. Столыпина и его супруги Ольги Борисовны. Новые приюты и ночлежные дома появились не только в Саратове, но и в уездных центрах губернии⁴². Даже бродяги и лица, вернувшиеся из ссылки, имели право на получение помощи в учреждениях общественного призрения. Так, в 1910–1912 гг. в Саратовской губернии ежегодно призревало от пяти до десяти человек из этого контингента⁴³.

Как и раньше, проявлялась забота о нуждающихся в период различных бедствий. Например, саратовский губернатор С. П. Гагарин, занимавший этот пост с августа 1869 по октябрь 1870 г., переселял пострадавших от обвала Соколовой горы в Монастырскую и Солдатскую слободки⁴⁴. В пору губернаторства Ф. И. Тимирязева (1879–1882 гг.) пострадавшему от неурожая населению выдавались зерно на посев и продовольствие⁴⁵. Но самым страшным бедствием для губернии явился голод 1891 г., для борьбы с которым по инициативе губернатора А. И. Косича был создан особый комитет по продовольственному вопросу, открыты городские пекарни для продажи более дешевого хлеба, дешевая столовая и чайная в доме трудолюбия, состоятельные граждане Саратова, столицы, других городов страны вносили пожертвования на нужды голодающих. С этого времени (т. е. с 1891 г.) благотворительность в Саратовской губернии приобрела широкий размах и самобытные формы⁴⁶. Система управления существовавшими в губернии благотворительными организациями уже была не той, что в дореформенный период. В 1864 г. приказ общественного призрения был ликвидирован и все подведомственные ему учреждения⁴⁷ стали управляться врачебным отделением губернского правления. Продолжало действовать созданное в первой половине XIX в. губернское попечительство о детских приютах. Оно опекало два приюта для сирот и детей из беднейших семей, а в 1890 г. открыло приют для приходящих детей⁴⁸.

Широкую помощь нуждающимся получали от земских учреждений. Согласно утвержденному Александром II 1 января 1864 г. «Положению о губернских и уездных учреждениях», их социальная деятельность сводилась к заведению «земскими лечебными и благотворительными заведениями, попечение и призрение бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сирых и увечных ... способы прекращения нищенства; попечение о построении церквей ... участие ... в попечении о народном образовании, о народном здравии, о тюрьмах»⁴⁹. Реализуя этот документ, саратовское земское собрание только в 1879 г. на содержание земских благотворительных учреждений выделило 14 068 руб. 18¼ коп.⁵⁰ На средства губернского попечительства (195 руб. ежегодно) и земские деньги (5–6 тыс. руб. в год) существовал детский приют «Ясли». Эта помощь органов самоуправления позволила снизить в приюте смертность с 77 до 31%, организовать патронаж, т. е.

отдавать подкидышей на воспитание. За десять лет ассигнования земства достигли 37 тыс. руб., что дало возможность провести и необходимые ремонтные работы в здании приюта⁵¹. В целом в период с 1874 по 1890 г. саратовским земством ежегодно призревало 120 детей⁵². Заслугой земств явилось также превращение общественных работ в самостоятельную сферу социальной помощи государства, хотя первые попытки проведения этих работ относятся еще ко времени правления Б. Годунова. Они стали рассматриваться как одна из форм помощи населению в неурожайные и голодные годы. В начале XX в. в Саратовской губернии они проводились в весьма значительных масштабах. Так, с 1901 по 1904 г. на земские общественные работы в губернии было отпущено 785 тыс. руб., в 1905–1906 гг. – 2 120 622 руб., а в 1906–1908 гг. – 6 759 025 руб.⁵³ В годы Первой мировой войны на земства была возложена обязанность по лечению раненых, оказанию помощи семьям призванных на фронт, заботе о беженцах из западных губерний. Этим занимались местные комитеты Всероссийского земского союза и земские управы. Эти структуры обеспечивали нуждающихся вещами, оказывали медицинскую и юридическую помощь. Особая заслуга земств состояла в том, что они в условиях тяжелой политической и экономической ситуации в стране стали основной силой в решении проблем беженцев⁵⁴.

Церковь получила право организовать свою собственную благотворительность в учреждениях церковно-приходских попечительств и братств. Например, в августе 1879 г. в с. Вязовка Саратовского уезда появилось церковно-приходское попечительство, где служило 50 человек⁵⁵. В 1892 г. в Саратове было открыто отделение попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. В нем содержалось 50 слепых мальчиков, которые изучали пение и корзиночное дело⁵⁶. В разное время в состав организационных структур этого попечительства входили городские головы – М. Ф. Волков, М. П. Фролов, В. А. Коробов⁵⁷. Также известна благотворительная деятельность сельских попечительств при церквях сел Большая Куриловка Вольского уезда и Александровка Царицынского уезда, где на средства христианских общин были открыты бесплатная столовая для учеников церковно-приходской школы и убежище для дряхлых, престарелых и неспособных к труду прихожан. Благотворительной помощью также занимались саратовская община старообрядцев и балашовская община евангелистских христиан-баптистов. Долгое время действовали в Саратове общество милосердия при евангелистской церкви и евангелистское дамское благотворительное общество⁵⁸. Только за 1901–1902 гг. церковно-приходские попечительства губернии собрали на нужды благотворительных учреждений сумму в 331 379 руб. 69 коп., это было одним из самых крупных пожертвований в стране⁵⁹. Кроме того, каждое сословие организовывало помощь попав-

шим в нужду согражданам. Так, дворяне могли прибегнуть к помощи губернской дворянской кассы взаимопомощи, пансиона-приюта для дворянских детей, действовавших в каждом уезде дворянских опеков. Мещанское общество содержало на свои средства «дом призрения престарелых и дряхлых мещан». Свою богадельню имело также общество ремесленников⁶⁰. Крестьянские общества губернии оказывали посильную помощь нуждающимся односельчанам путем выдачи им по приговорам сельских сходов из сельских запасных магазинов пособий хлебом⁶¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. активную деятельность в губернии развернули различные благотворительные организации. В 1860 г. было создано саратовское Дамское попечительство о бедных, основанное в 1875 г. прибежище для престарелых и убогих женщин, гимназисток и солдатских дочерей. Призреваемые женщины обязывались работами, а девочки обучались наукам, рукоделию и домашнему хозяйству⁶². В 1888 г. было основано общество призрения бедных семейств во имя Св. Алексея, которое предоставляло бедным семействам бесплатные квартиры. В 1898 г. начало свою деятельность крупнейшее благотворительное общество Саратова – общество пособия бедным, которое, в частности, обеспечивало неимущих бесплатной пищей⁶³. В мае 1912 г. было учреждено общество попечения о беспризорных и нищенствующих детях. Оно открыло детский приют и небольшую учебную мастерскую при нем, обеспечило воспитанников одеждой и обувью⁶⁴. К этому времени в губернии существовали также благотворительный союз Саратовского братства Св. Креста, в учебно-заработном доме которого на 1 января 1879 г. воспитывалось 122 ребенка; основанное в 1873 г. Саратовское общество вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию. Большой вклад в развитие благотворительности и общественного призрения в губернии внесла интеллигенция. Так, по инициативе учителей и инженеров ртищевского железнодорожного узла в 1906 г. было создано ртищевское общество пособия бедным, открывшее на свои средства дешевую столовую и ночлежный дом для нищих. В годы Русско-турецкой и Первой мировой войн благотворительные общества брали на себя также заботу о раненых и больных воинах, семьях погибших солдат и офицеров, беженцах. Так, в период войны с Турцией (1877–1878 гг.) в российское общество Красного Креста в Петербург из Саратовской губернии в пользу больных и раненых было отправлено 139 896 руб. 86 коп. пожертвований. С началом Первой мировой войны в Саратове открылось отделение Всероссийского попечительства о пленных славянах, выдававшее пособия деньгами, вещами, продуктами, табаком, к праздникам военнослужащие получали подарки, была налажена бесперебойная доставка писем пленным⁶⁵.

Широкой благотворительной деятельностью отличались частные лица: дворяне, купцы губернии, осознававшие, что Господь Бог, дав им богатство в пользование, обязательно потребует по нему отчета. Это налагало на них моральное обязательство употребить часть средств на помощь нуждающимся. И действительно, с начала 1870-х гг. в Саратове в год открывались одна-две богадельни на их средства. Так, в 1878 г. на средства купца М. М. Устинова (125 тыс. руб.) была открыта богадельня, названная в его честь. Свои приюты и богадельни имели купцы Парусиновы, Горины, И. Е. Юшенков, П. П. Борисов-Морозов. В начале XX в. престарелые и одинокие саратовцы находили приют в 40 богадельнях. Под приюты для престарелых состоятельные саратовцы жертвовали даже свои дома. В частности, так поступили купцы И. Г. и В. И. Кузнецовы и Е. Я. Горинев, каждый из которых пожертвовал по 100 тыс. рублей. Частные пожертвования стали основой капитала «Лазаревской субботы», выдававшей одиноким и семейным неимущим гражданам небольшие пособия. Госпожа Родионова пожертвовала свой дом для саратовского Дома трудолюбия (существовал с 1899 г.), который открывал бесплатные столовые, временные приюты для детей, особенно в трудные неурожайные годы. На деньги саратовских купцов были открыты и содержались такие благотворительные организации, как общество призрения бедных семейств во имя преподобного Алексия, общество вспомоществования погорельцам и недостаточным вдовам и сиротам сел Вольского уезда (на средства графини О. Ф. Орловой-Денисовой) и т. д. Не был безучастен частный капитал и к нуждам голодающих. Для них именитые саратовцы на свои средства открывали бесплатные столовые (кн. Ф. А. Куракин, землевладелица М. В. Дурново). Кн. Прозоровский-Голицын, кн. М. А. Щербатова ежедневно обеспечивали пищей 600 крестьян из трех сел Саратовского уезда⁶⁶. 10 июля 1860 г. в Вольске на средства А. А. Брюханова был открыт детский приют. К 1885 г. в нем воспитывалась уже 71 девочка. Воспитанницы обучались Закону Божьему, основам арифметики, чистописанию, шитью и рукоделию⁶⁷. К началу XX в. частные лица оказывали помощь девяти детским приютам. Мариинскому детскому приюту оказывали помощь такие известные саратовцы, как П. Ф. Тюльпин, В. Я. Агафонов, П. В. и Н. П. Кокуевы и многие другие. Приют имени М. Н. Галкина-Враского получал немалые средства от купца первой гильдии К. Н. Багаева. На его средства в 1897 г. был открыт еще один детский приют. Купцы Гудковы также пожертвовали средства для организации детского приюта. Вообще детские приюты получили большое распространение в губернии. Только в 1899 г. в сельской местности было создано четыре таких приюта⁶⁸. В целом, по данным дооктябрьской статистики (на 1900 г.), на учреждения социальной работы в губернии из средств казны, земств, горо-

дов и сословных обществ расходовалось лишь 5% бюджета, а 95% – из средств частной благотворительности, т. е. из добровольных пожертвований. Пресса тех лет отмечала, что «редкий русский город имеет так много различных учреждений благотворительных и обществ, как Саратов»⁶⁹.

Таким образом, в начале XX в. система органов социальной работы в России и Саратовской губернии полностью сформировалась. Она включала в себя государственные, общественные и частные благотворительные учреждения, их многообразная деятельность сумела сгладить трудности повседневной жизни малоимущих слоев населения губернии и страны. С приходом к власти большевиков эта система подверглась кардинальному изменению.

Если в дореволюционной системе социальной защиты не были четко определены категории людей, имевших право на помощь, не совсем было ясно, из каких средств должны покрываться расходы по общественному призрению, не оговаривалась точно степень родства людей, обязанных содержать своих попавших в беду родственников⁷⁰, то молодое Советское государство своими первыми декретами постаралось ликвидировать эти недостатки своих предшественников. Так, с декабря 1917 г. было введено в действие «Положение о страховании на случай безработицы», согласно которому работодатели обязывались вносить во Всероссийский фонд безработицы не менее 3% средств, идущих на выплату заработной платы. В соответствии с декретом «О страховании на случай болезни» (декабрь 1917 г.) денежное пособие устанавливалось в размере полного заработка заболевшего. Наконец, 31 октября 1918 г. был принят декрет «О социальном обеспечении трудящихся», которым предусматривались выдача денежных пособий, пенсий и помощь «натурой»⁷¹. С этого момента в стране, и Саратовской губернии в частности, стала формироваться новая система социальной помощи населению. Эти обязанности в первые месяцы советской власти выполнял целый ряд организаций: подотдел социального обеспечения при губернском отделе труда («губсобеструд») Народного комиссариата труда, губернский отдел социального обеспечения, совет общественной помощи. И только последний сумел подчинить себе все организации и учреждения, оказывавшие ту или иную помощь нетрудоспособным. Весной 1918 г. этот совет был переименован в губернский комиссариат призрения⁷². В конце апреля 1918 г. ввиду несоответствия социалистическому пониманию задач социального обеспечения Народный комиссариат государственного призрения был переименован в Народный комиссариат народного обеспечения⁷³. В губерниях создавались отделы социального обеспечения (собесы). В Саратовской губернии собес был создан в 1919 г. и в течение этого и следующего года претерпел несколько реорганизаций, направленных на повышение

эффективности его работы. В результате губсобес стал крупнейшим отделом губисполкома, который в годы Гражданской войны весьма успешно справлялся с возложенными на него обязанностями по обеспечению нетрудоспособных, воспитанию детей до 16 лет⁷⁴, охране материнства, оказанию помощи беженцам, борьбе с нищенством, беспризорностью⁷⁵ и проституцией и т. д. Оказывалась помощь военнопленным, для которых собирались пожертвования деньгами и вещами⁷⁶.

Главное же внимание уделялось обеспечению инвалидов и семей лиц, призванных в армию. Для этого, в частности, с марта 1920 г. семьи призванных в армию красноармейцев стали получать натуральное пособие по карточкам «Красная Звезда», были освобождены от квартплаты⁷⁷. В конце 1918 г. в губернии насчитывалось 910 инвалидов, которые к концу 1920 г. размещались в 26 инвалидных домах и работали в семи мастерских. Предпринимались шаги по организации пенсионного обеспечения. С созданием осенью 1918 г. Всероссийского фонда социального обеспечения государственную пенсию стали получать все трудящиеся, работавшие по найму, фронтовики-инвалиды, их семьи, ремесленники и кустари. Если в 1918 г. по стране пенсией было обеспечено 105 тыс. гражданских лиц, в 1919 г. – около 233 тыс., то в 1920 г. – 500 тыс. человек. И это не считая пенсионного обеспечения почти 1,5 млн семей военнослужащих⁷⁸.

С тех пор организация социальной помощи нуждающимся в России перенесла немало трансформаций⁷⁹, но только в 1990-е гг. социальная работа в РФ была поставлена на профессиональную основу. В конце XX – начале XXI в. появилась возможность использования не только российского опыта в оказании помощи нуждающимся, но и зарубежного. Это позволит вывести функционирование российских институтов социальной работы на новый качественный уровень.

Примечания

- ¹ О развитии простейших форм социального права у восточных славян в догосударственный период см.: Социальная работа / под общ. ред. проф. В. И. Курбатова. Ростов н/Д, 1999. С. 9–10; Аганов Е. П. История социальной работы : учеб. пособие. М., 2010. С. 201–202.
- ² См.: Договор русских с греками // Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. С. 40–41.
- ³ См.: Стог А. Об общественном призрении в России (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе. М., 1995. С. 6.
- ⁴ Особенную щедрость к народу Владимир проявил после своего спасения в битве с печенегами под городом Василевом, когда приказал сварить большое количество меда и праздновал свое спасение восемь дней. Убогие в общем получили от князя большую сумму – 300 гривен (см.: Основы социальной работы: учебник / отв. ред. П. Д. Павленок. М., 1998. С. 28).
- ⁵ См.: Максимов Е. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 1. История социальной помощи в России. М., 1994. С. 10; Стог А. Указ. соч. С. 8.
- ⁶ «Поучение» князя Владимира Мономаха о защите слабых и благотворительности (начало XII в.) // Холостова Е. И. Генезис социальной работы в России : учеб. пособие. М., 2010. С. 210–211.
- ⁷ См.: Русская Правда / под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940. Т. 1. Текст. С. 442; М., 1947. Т. 2. Комментарии. С. 610, 626, 631, 640.
- ⁸ Фирсов М. Российский путь развития истории социальной работы: предварительные замечания // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. : сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярославской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 69.
- ⁹ Например, такой важный вопрос, как защита прав младших сыновей в спорах со старшими. В то же время здесь прослеживается и влияние греческих законов Номоканона, который включал правила святых апостолов, вселенских, поместных соборов и свод гражданских законов о церковных делах (см.: Фирсов М. Указ. соч. С. 69).
- ¹⁰ О монастырском призрении нищих // История социальной работы в России: хрестоматия / сост. Г. А. Кудряцева. М., 2009. С. 20.
- ¹¹ См.: Фирсов М. Указ. соч. С. 72.
- ¹² Там же. С. 71; Стог А. Указ. соч. С. 16–17.
- ¹³ См.: О искуплении пленных // История социальной работы в России: хрестоматия. С. 20.
- ¹⁴ См.: Стоглавый Собор (1551 г.) о социальной помощи нищим и другим нуждающимся // Холостова Е. И. Указ. соч. С. 212–213.
- ¹⁵ В 1601 г. в связи с неслыханным неурожаем Б. Годунов бедным раздавал иногда до 30 тыс. рублей в день, вдовам и сиротам продавал хлеб по низкой цене или вообще отдавал его бесплатно, людей, умерших от голода или холеры, хоронил за свой счет (см.: Социальная работа. С. 14).
- ¹⁶ В частности, отцом Петра Великого только за один 1669 г. из казны было выделено 6772 руб. 19 коп. За эти деньги в то время можно было купить 2257 лошадей или 3386 коров, или же 33 860 овец, что могло бы значительно поправить положение бедных дворов в деревне (см.: Фирсов М. Указ. соч. С. 72).
- ¹⁷ См.: Обращение государя Федора Алексеевича к церковному собору 13 февраля 1682 г. и соборное постановление «О призрении нищих и больных» // История социальной работы в России: хрестоматия. С. 21–22.
- ¹⁸ См.: Социальная работа. С. 16.
- ¹⁹ Работный дом, где занимались прядением.
- ²⁰ См., например: Об устройстве при церквях госпиталей для незаконно рожденных детей. Указ Петра I от 4 ноября 1714 г. // Холостова Е. И. Указ. соч. С. 214–215; Об определении в домовые Святейшего патриарха богадельни нищих, больных и престарелых // История социальной работы в России: хрестоматия. С. 22.
- ²¹ См.: Стог А. Указ. соч. С. 18–21.
- ²² Подробнее об этом см.: Основы социальной работы. С. 33–34.

- 23 См.: Общие сведения о приказах общественного призрения (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 3. С. 55.
- 24 См.: Устройство общественного призрения в России (извлечения) // Там же. С. 56–57.
- 25 См.: Волков Н. Краткий очерк Императорского Человечколюбивого общества (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 1 ; Шумигородский Е. Ведомость учреждений императрицы Марии (извлечения) // Там же.
- 26 См.: Максимов Е. Указ. соч. С. 25.
- 27 См.: Летопись Саратовской губернии со времени присоединения сего края к России до 1821 г. Б. м., б. г. С. 127.
- 28 См.: Вардугин В. И. «Во благо народного здравия». Саратов, 2005. С. 5, 9–10.
- 29 См.: Тотфалушин В. П. Общественно-политическая жизнь губернии в первой половине XIX в. // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 251 ; История Саратовского края с древнейших времен до наших дней. Саратов, 2008. С. 78.
- 30 См.: Мишин Г. Николаевский городок // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7. С. 173–176 ; Ложкин В. В. История одного поиска: «Николаевская республика»: страницы революционной борьбы. М., 1979. С. 10–11.
- 31 См.: Отчет за 1885 год Саратовского губернского и Вольского уездного попечительства детских приютов, состоявших в ведомстве учреждений императрицы Марии и под непосредственным их Императорских Величеств покровительством. Саратов, 1886. С. 14, 36 ; Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) : в 3 т. / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 195.
- 32 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 209.
- 33 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) : в 3 т. / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 2. С. 326 ; Социальная работа. С. 19.
- 34 См.: Волков Н. Указ. соч. С. 159, 160.
- 35 См.: Андерсон В. Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств // Антология социальной работы. Т. 1. С. 90 ; Горовцев А. Трудовая помощь как средство признания бедных (извлечения) // Там же. С. 58.
- 36 См.: «Городовое Положение» 1870 г. о компетенции органов местного самоуправления в социальной сфере (извлечения) // Холостова Е. И. Указ. соч. С. 218.
- 37 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) Т. 2, ч. 1. С. 177, 185.
- 38 Богадельня Тита Чудотворца (1872 г.), богадельня при Владимирской церкви (1876 г.), Иоанно-Предтеченская богадельня (1877 г.), богадельня при Духосошественской церкви (1878 г.), богадельня при Казанской церкви, Рождественская (Никольская) богадельня (1879 г.).
- 39 См.: Гатвинский А., Нечаева С. Социальная служба в Саратове: история и современность // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. С. 86.
- 40 См.: Балабанов И. П. Краткий обзор деятельности учебных, благотворительных, общественных и частных учреждений г. Саратова и Саратовской губернии в 1879 г. Саратов, 1880. С. 131, 134, 135 ; Семенов В. Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 144–145.
- 41 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) Т. 2, ч. 1. С. 179–180, 197.
- 42 См.: Семенов В. Указ. соч. С. 175.
- 43 См.: Призрение бродяг и лиц освобожденных от ссылки по ст. 27 устава о ссыльных (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 3. С. 249.
- 44 См.: Семенов В. Указ. соч. С. 138.
- 45 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) Т. 2, ч. 1. С. 179.
- 46 См.: Семенов В. Указ. соч. С. 160 ; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) Т. 2, ч. 2. С. 327–329.
- 47 Александровская больница на 200 человек, Александровская богадельня на 40 мужчин и 30 женщин, дом умалишенных на 50 человек (см.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) Т. 2, ч. 1. С. 195).
- 48 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) Т. 2, ч. 1. С. 195, 197 ; Семенов В. Н. Указ. соч. С. 133–134.
- 49 Положение о губернских и уездных земских учреждениях, об их социальной деятельности (извлечение). Утверждено указом Александра II 1 января 1864 г. // Холостова Е. И. Указ. соч. С. 218.
- 50 См.: Балабанов И. П. Указ. соч. С. 107.
- 51 См.: Отчет за 1885 год Саратовского губернского и Вольского уездного попечительства детских приютов... С. 17 ; Морозова Е. Н. Саратовское земство 1866–1890 гг. Саратов, 1991. С. 63.
- 52 См.: Селиванов А. Воспитательные, сиротопитательные и сиротские дома, приюты для подкидышей и приюты для малолетних (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 3. С. 152.
- 53 См.: Раевский А. Общественные работы, их понятие, современное положение и возможная роль в будущем (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 1. С. 47, 48.
- 54 См.: Ерина Е. М., Гундарова Ю. А. Деятельность Новоузенского и Николаевского земств в годы первой мировой войны // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 134–137.
- 55 См.: Балабанов И. П. Указ. соч. С. 62.
- 56 См.: Уманц С. Призрение глухонемых // Антология социальной работы. Т. 3. С. 129.
- 57 См.: Ардабацкий Е. Н. М. Ф. Волков – Саратовский городской голова // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы: материалы IX межрегион. науч. краевед. чтений. Саратов, 2000. С. 385 ; Он же. Саратовский городской голова Николай Петрович Фролов // Там же. С. 112 ; Он же. «Это есть меры поднятия народного благосостояния» (о деятельности Саратовского городского головы В. А. Коробова) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 4.
- 58 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2, ч. 2. С. 332–333.
- 59 См.: Андерсон В. Указ. соч. С. 93, 94.

- ⁶⁰ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Т. 2, ч. 1. С. 197.
- ⁶¹ См.: *Дерюжинский В.* Общественное призрение у крестьян (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 1. С. 50–51.
- ⁶² См.: *Балабанов И. П.* Указ. соч. С. 137; *Гатвинский А., Нечаева С.* Указ. соч. С. 86.
- ⁶³ См.: *Горбунова О. Л., Горюнова З. А., Дмитриева О. Н.* Благотворители и меценаты Саратовского края (история и современность) // Саратовское Поволжье в панораме веков. С. 218.
- ⁶⁴ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2, ч. 2. С. 334.
- ⁶⁵ См.: *Балабанов И. П.* Указ. соч. С. 47, 128, 134; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2, ч. 2. С. 333–334, 337–338.
- ⁶⁶ См.: *Горовцев А.* Указ. соч. С. 66; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2, ч. 2. С. 336; *Горбунова О. Л., Горюнова З. А., Дмитриева О. Н.* Указ. соч. С. 217–219.
- ⁶⁷ См.: Отчет за 1885 год Саратовского губернского и Вольского уездного попечительства детских приютов... С. 18–19.
- ⁶⁸ См.: *Дерюжинский В.* Указ. соч. С. 52; *Шенгелидзе Д.-р.* Роль яслей-приютов в деревне с точки зрения общественной помощи (извлечения) // Там же. С. 56; *Горбунова О. Л., Горюнова З. А., Дмитриева О. Н.* Указ. соч. С. 219.
- ⁶⁹ *Гатвинский А., Нечаева С.* Указ. соч. С. 87.
- ⁷⁰ См.: Основы социальной работы. С. 35–36.
- ⁷¹ См.: Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1957. Т. 1. С. 200–204, 267–276; М., 1964. Т. 3. С. 480–495.
- ⁷² См.: *Нагаев В.* Социальное обеспечение в Саратовской губернии за 5 лет // Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 81.
- ⁷³ О переименовании Народного комиссариата государственного призрения в Народный комиссариат социального обеспечения // Антология социальной работы. Т. 1. С. 201.
- ⁷⁴ См., например: Известия исполнительного комитета Аткарского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. Май–август.
- ⁷⁵ Только в 1918 г. в Саратове было открыто свыше десяти детских домов, в частности дом им. Р. Люксембург (действовал до 1929 г.), а также дома им. Каминского и им. Некрасова (действовали с 1919 по 1926 г.) (см.: *Валеев В.* Дом родной – «Красный городок» // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 203).
- ⁷⁶ См., например: Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 1999. 5 июня.
- ⁷⁷ См.: *Нагаев В.* Указ. соч. С. 81–82; Саратовская партийная организация в годы гражданской войны и военной интервенции. Документы и материалы. Саратов, 1958. С. 141, 161–162, 216–217; Доклад народного комиссара социального обеспечения И. А. Наговицына // Антология социальной работы. Т. 3. С. 283.
- ⁷⁸ См.: *Нагаев В.* Указ. соч. С. 82; Антология социальной работы. Т. 3. С. 264, 283.
- ⁷⁹ Об этом более подробно см.: *Гуменюк А. А.* Социальная работа в России в 1921–1928 годах (по материалам Саратовской губернии) // НЭП в истории культуры: от центра к периферии : сб. статей участников междунар. науч. конф. Саратов, 2010; *Он же.* История социальной работы в СССР в 1930-х гг. – начале XXI в. (на материалах Саратовской области) // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков : материалы XIX ист.-краевед. конф. Балашов, 2010.

УДК 94(470.44).084.6

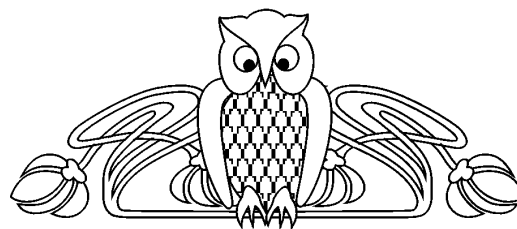
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1933–1937 годы)

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Представленная статья является оригинальным исследованием особенностей индустриального развития Саратовского края в годы второй пятилетки. Автор изучает отраслевую структуру промышленности региона, особенности директивной модели индустриальной модернизации на основе новых архивных данных с применением современных методологических принципов.

Ключевые слова: индустриальная модернизация, директивная плановая модель, централизация, пятилетка.

Industrial Upgrading of the Saratov Region during the Second Five-Year Plan (1933–1937)

V. A. Cholakhyan

The submitted article is original research of the features of the industrial development of the Saratov region during the Second Five-Year Plan. The author examines the branch structure of industry in the region, particularly of the directive model of industrial modernization on the basis of new archival data using the modern methodological principles.

Key words: industrial modernization, directive target model, centralization, five-year plan.

В результате выбора стратегии форсированной индустриализации на основе жесткого регулирования и централизованного планирования в годы первой пятилетки определились контуры советской мобилизационной модели экономического развития страны. Её становление продолжалось и в годы второй пятилетки, когда на первый план выдвинулась задача освоения техники, что выразилось в новом призыве: «Кадры решают все!»¹. Во втором пятилетнем плане страны индустриальному развитию Саратовского края по-прежнему отводилось первостепенное место. Из общей суммы капиталовложений в экономику региона (1302 млн руб.)² в промышленность в годы второй пятилетки вкладывалось 445 млн руб., или 34,2%, в том числе в тяжелую индустрию – 193,6 млн рублей³.

Особенностью второй пятилетки в индустриальном развитии Саратовского края являлось завершение строительства некоторых объектов, начатого еще в годы первой пятилетки, а также развитие таких новых важных отраслей промышленности, как нефтеперерабатывающая и машиностроительная. По решению правительства строительство первого в СССР завода щелочных аккумуляторов началось в Саратове ещё в 1931 году. Осуществлялось оно I Всесоюзным строительным трестом, а с 1932 г. в связи с сокращением финансирования – хозяйственным способом, силами коллектива будущего завода. Проблемы создания нового завода заключались в нежелании иностранных фирм раскрыть секреты изготовления аккумуляторов. В то время производство щелочных аккумуляторов осуществлялось в мире на двух заводах: в Швеции на заводе фирмы Юнгера и в США – на предприятии Эдисона. Советские специалисты не допускались на эти заводы.

С января 1933 г. Саратовский завод щелочных аккумуляторов (ЩАЗ) приступил к освоению отдельных видов аккумуляторов при активной помощи специалистов Ленинградской центральной лаборатории. В феврале 1933 г. было выпущено 1027 аккумуляторов, из которых 907 оказались бракованными⁴. Мартовское задание оказалось сорванным, а к 1 апреля квартальный план был выполнен лишь на 2,2%⁵.

С апреля 1933 г. коллектив молодого предприятия начал уверенно набирать темпы, осваивая производство новых типов аккумуляторов. В апреле завод выполнил план уже на 44%, майскую удвоенную программу – на 46,3%⁶, а 18 ноября 1933 г. приказом НКТП завод был принят и передан в эксплуатацию⁷. За год работы предприятия было освоено шесть типов аккумуляторов, в том числе совершенно новый тип шахтного (7 ампер), а также более мощный – в 300 ампер⁸. По итогам работы за 1935 г. Саратовский завод ЩАЗ при рассмотрении годового отчета в Главэлпроме получил оценку «отлично» за перевыполнение производственной программы (удвоенной по сравнению с 1934 г.). В 1936 г. в результате со-

вершенствования технологического процесса значительно расширился ассортимент продукции: появились аккумуляторы на 22 и 100 ампер. Наряду с кадмиево-никелевыми аккумуляторами в 1940 г. стали выпускать более качественные железо-никелевые⁹.

В годы второй пятилетки в регионе сформировалась такая важная отрасль промышленности как нефтеперерабатывающая. Правление Союзнефти 11 декабря 1930 г. приняло решение о строительстве в 1931 г. на Волге 6–8 крекинг-заводов. Крайняя ограниченность средств, финансирования и рабочей силы стала главной причиной затягивания завершения строительства крекинг-завода, который разделили на первую и вторую очереди. Даже бойцы саратовского гарнизона принимали в этом участие¹⁰. В результате совместных усилий коллектив строителей и монтажников 24 апреля 1934 г. пустил в пробную эксплуатацию первую крекинг-установку, 24 июня – вторую, а в августе того же года – 3-ю и 4-ю установки. В первом полугодии 1935 г. были сданы в эксплуатацию 5 и 6-я крекинг-установки, а во втором полугодии – 7 и 8-я. Основные нефтяные районы страны не смогли оказать достаточной помощи в обеспечении завода квалифицированными рабочими, и потому их приходилось готовить на месте. Всего в 1935 г. с отрывом от производства было подготовлено: помощников операторов – 33 человека, помощников сгонщиков – 19, электромонтеров – 31, лаборантов – 19, рабочих газового блока – 25, практикантов – 20. В 1935 г. на подготовку кадров было израсходовано 102,8 тыс. рублей¹¹.

Саратовский нефтеперерабатывающий завод-крекинг стал одним из первых предприятий такого профиля в стране, построенных советскими специалистами и оснащенных отечественным оборудованием. Коллектив завода уже в 1934 г. выпустил 35 тыс. тонн бензина, в 1935 г. – 164,9, а в 1936 г. – 271,4 тыс. тонн¹². С вводом в действие данного предприятия стали полнее удовлетворяться потребности Поволжья в продуктах переработки нефти.

Дальнейшее развитие получила энергетическая база региона, что было особенно важно, поскольку промышленность здесь развивалась преимущественно на привозном нефтетопливе. Еще в 1930 г. здесь были введены Сталинградская ГРЭС (мощность 51 тыс. кВт), Саратовская ГРЭС (мощность 11 тыс. кВт), а в 1931 г. начала давать ток вторая очередь Саратовской ГРЭС. Мощность всех электростанций в Нижнем Поволжье в годы первой пятилетки увеличилась с 28 тыс. кВт в 1928 г. до 163,4 тыс. в 1933 г., а потребление электроэнергии в сравнении с 1928 г. возросло в 5 раз¹³.

К началу 1934 г. была построена и подготовлена к пуску Саратовская ТЭЦ, а 28 февраля 1934 г. она дала первый промышленный ток. В 1935 г. станция вырабатывала 23 тыс. кВт, а в 1936 г. – 29,4 тыс. кВт электроэнергии¹⁴.

В годы второй пятилетки Саратовское Поволжье становится центром металлообработки и

машиностроения. Комиссия Главстанкоинструмента, работавшая в Саратове в мае 1934 г., высказалась за постройку здесь завода зуборезных станков. Основные аргументы в пользу такого выбора – наличие в Саратове достаточных кадров металлообрабатывающей промышленности (на 12 предприятиях города работало до 10 000 квалифицированных рабочих-металлистов), удобные железнодорожные и водные пути сообщения, достаточная энергетическая база¹⁵.

Нижне-Волжский крайком ВКП(б) выделил для нового завода площадку в 30 га в новом промышленном районе Саратова и гарантировал, что на месте имеются основные стройматериалы для дешевого и быстрого осуществления строительства¹⁶. Строительство завода началось с организации в сентябре 1934 г. экспериментального цеха, где усилиями старых производственников и инженерно-технических работников в июне следующего года был выпущен и одобрен правительственной комиссией первый зуборезный станок Лоренц типа 512¹⁷.

План капиталовложений, установленный по титулу 1936 г. в сумме 1 507 тыс. руб., был выполнен по сметной стоимости на 1 677 тыс. руб., или на 111,3%. Благодаря использованию местных стройматериалов себестоимость строительства была снижена на 14%. В 1936 г. в эксплуатации уже находились механосборочный, инструментальный, термический цеха, кузница, трансформаторная и контора. Вместе с тем план жилищного строительства оказался сорванным из-за слабого финансирования¹⁸.

Другим важнейшим строительным объектом стал Саратовский подшипниковый завод. В соответствии с приказом по НКТП от 5 июня 1935 г. за № 695 и от 2 декабря 1935 г. за № 810 в Саратове началось строительство подшипникового завода мощностью 50 млн подшипников в год. Общая сумма затрат по генеральной смете составляла 418 964,6 тыс. руб., в том числе на строительномонтажные работы 9 425 тыс. руб. и на подготовку кадров – 5 500 тыс. рублей¹⁹.

Промышленная площадка будущего завода располагалась между заводом комбайнов и кре-

кинг-заводом на юге по р. Волге в 12 км от Саратова, взамен ранее намечавшейся в черте города, на Сенной площади. Предполагалось комплектовать завод в основном отечественным оборудованием на сумму 1 796 537 рублей. Импортная техника из Германии, Швейцарии и Англии на 59 418 руб. составляла около 3,5%²⁰.

К 1 октября 1935 г. к строительной площадке были проведены шоссейные дороги и железнодорожные пути, заложены 21 стандартный дом, 9 бараков, 50 рубленых домов и временные мастерские. Однако в IV квартале 1935 г. резко сократилось финансирование строительства: вместо 6,5 млн руб. было получено 2,5 млн руб., а в 1936 г. – всего 5 млн руб., что создало серьезные трудности в заготовке материалов, механизмов и привлечении рабочей силы²¹.

Существенному расширению, реконструкции и техническому обновлению подверглись многие действующие машиностроительные предприятия Саратовского края. Завод «Сотрудник революции», специализировавшийся ранее на производстве двигателей внутреннего сгорания, с 1932 г. начал обслуживать предприятия черной металлургии, изготавливая для них редукторы разной мощности, жгуто-мотальные станки, дымовые клапаны, лебедки и другие машины, запасные части. Ранее многие из этих изделий ввозились из-за границы. Объем капиталовложений в 1934 г. составил около 1 млн руб., а в 1935 г. – 850 тыс. рублей. Это позволило ввести в строй новые механосборочный, сталелитейный и кузнечный цеха, в результате чего значительно повысилась производственная мощность предприятия (табл. 1)²².

В 1937 г. завод изготовил продукции (в неизменных ценах) в 4,1 раза больше, чем в 1932 г., и в 7,1 раза больше, чем в 1927/28 году²³.

Продолжалось расширение производства и на старейшем предприятии Саратова – заводе им. Ленина. За годы второй пятилетки здесь было освоено производство высококачественных болтов и гаек, бердной и фасонной проволоки, а также марочной проволоки для часовых и велосипедных заводов (табл. 2)²⁴.

Таблица 1

Показатели увеличения мощности Саратовского машиностроительного завода («Сотрудник революции»)

Показатель	1932 г.	1933 г.	1934 г.		1935 г.		1936 г.		1937 г.	
	В ценностном выражении (тыс. руб.)	В ценностном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В ценностном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В ценностном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В ценностном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В ценностном выражении (тыс. руб.)
Мощность предприятия на 1 янв. каждого года	1569	2445	–	3886,0	–	4297,0	–	5000,0	–	6500,0
Чугунное литье	–	–	2794,0	–	2574,0	–	3400,0	–	5250,0	–
Стальное литье	–	–	8,0	–	761,0	–	900,0	–	1400,0	–

Таблица 2

Показатели увеличения мощности Саратовского завода им. Ленина

Показатель	1927–1928 гг.		1934 г.		1935 г.		1936 г.	
	В натуральном выражении (т)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В натуральном выражении (т)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)
Мощность завода	72 788	24 360	72 788	24 360	77 788	24 360	77 658	26 582
Процент использования мощности	36,0	–	31,0	–	61,0	–	75,0	–

Весьма низкий процент использования производственных мощностей завода объяснялся перебоями в снабжении металлом и большой текучестью кадров. Обновление коллектива и вовлечение в производство малоквалифицированной рабочей силы явилось одной из причин ослабления рационализаторского движения на заводе. Так, если в 1932 г. здесь поступило 1083 рабочих предложения, то в 1933 г. – 329, а в 1934 г. – всего лишь 243²⁵. В 1936 г. положение несколько изменилось. Из 426 рационализаторских предложений, принятых к рассмотрению, 136 были введены в эксплуатацию, а условная годовая экономия составила 267,4 тыс. рублей. Это обеспечило коллективу завода первое место в области и переходящее Красное знамя²⁶.

В годы второй пятилетки Саратовский завод «Универсаль» из мелкого предприятия превратился в крупный завод обувного машиностроения. Создание собственного конструкторского бюро позволило коллективу предприятия перейти от примитивных машин типа «холодная полировка низа», «чистка верха», «стекление каблука» и др. к серийному выпуску таких совершенных и сложных по тому времени обувных машин, как «Анклепф-автомат», «Ханке» (3 вида), винтовая обувная машина, которые выгодно отличались от своих зарубежных аналогов рядом новшеств: установкой мотора, шпинделя, модернизацией механизма работы клещей и др.²⁷ (табл. 3)²⁸.

Таблица 3

Показатели увеличения мощности завода «Универсаль»

Показатель	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)	В стоимостном выражении (тыс. руб.)
Мощность предприятия на 1 янв. каждого года	3526,0	4271,0	6100,0	7500,0

Стабильно развивался и Саратовский вагоностроительный завод, возникший на базе же-

лезнодорожных мастерских РУж/д и оснащенный передовой техникой (табл. 4)²⁹.

Таблица 4

Основные показатели выполнения промфинплана Саратовским вагоностроительным заводом

Показатель	В неизменных ценах 1926/27 гг.			Процентное отношение выпуска за 1936 г.	
	По отчету за 1935 г.	За 1936 г.		К выпуску за 1935 г.	К плану на 1936 г.
		По плану	По отчету		
Валовая и товарная продукция					
Готовые изделия	5933	8034	8845		
Услуги и работы промышленно-производственных цехов на сторону	733	540	733		
Изменение остатков					
Полуфабрикатов	–40	–	–26		
Незавершенного производства	+36	+60	–59		
Итого (в соответствии с планом)	6662	8634	9433	142,5	109,9

Неуклонно росла производительность вольских цементных заводов. В мае 1933 г. в специальном постановлении Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) «О работе Вольской цементной промышленности и о руководстве Вольского горкома ею» намечались мероприятия по реконструкции предприятия и перестройке системы управления производством (разукрупнение цехов, укрепление их техническими кадрами и т. д.)³⁰. Во втором полугодии 1934 г. проходил Всесоюзный конкурс цементных заводов на выполнение производственной программы. На протяжении долгого времени до начала конкурса на вольских цементных заводах невыполнение производственной программы было обычным явлением. Включившись в конкурс, коллектив вольского цементного завода «Большевик» успешно выполнил план за 1934 г. по обжигу на 101% и по помолу на 108%, а себестоимость продукции снизилась на 11%. Если в 1933 г. 30 тонн цемента стоили 34 рубля, то в 1934 г. – уже 26 рублей. Производительность труда в среднем на заводе повысилась на 13,6%. Качество цемента определялось маркой от одного до трех нулей. По плану марка цемента завода «Большевик» была установлена средняя – два нуля. В результате улучшения работы на основных производственных участках качество цемента завода «Большевик» стало определяться в два с половиной нуля.

Конкурсная комиссия высоко оценила производственные достижения коллектива завода «Большевик», присудив второе место и

15 тыс. руб. на премирование лучших ударников, а также 50 тыс. руб. для культурно-бытового заводского строительства³¹.

Из года в год увеличивались государственные и плановые задания для вольских цементных заводов: директивы на 1935 г. на 16% превосходили показатели 1933 г., на 1936 г. – на 72, а на 1937 г. – на 92%. Выполнение плана в эти годы составляло в среднем 93–95% и выражалось в следующих цифрах: в 1933 г. цементные заводы произвели 391 тыс. т цемента, в 1934 г. – 435, в 1935 г. – 457, 1936 г. – 673 тыс. тонн³².

Создание новых и реконструкция действующих предприятий в Саратовской области требовали больших капитальных вложений. Их объем во второй пятилетке составил 193,9 млн руб., что в 2,2 раза превысило сумму капитальных вложений в первой пятилетке, и больше чем в 9 раз превзошел вложения за 1918–1928 годы³³.

За пятилетку число ценовых предприятий в области увеличилось с 584 до 831, а основные фонды промышленности возросли в 22 раза³⁴. Все это позволило значительно увеличить выпуск валовой продукции (табл. 5)³⁵.

В натуральном выражении прирост промышленной продукции представлялся следующим образом (табл. 6)³⁶.

Несмотря на значительный рост выпуска валовой продукции в 1936 г. в сравнении с 1934 и 1935 гг., большинство предприятий области не сумело выполнить государственный план (табл. 7)³⁷.

Таблица 5

Валовая продукция промышленности в 1934–1936 гг. (млн руб.)

Промышленность	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Государственная	246,8	331,8	480,4
Кооперативная	–	35,8	56,1

Таблица 6

Производство основных изделий в натуральном выражении

Изделие	1934 г.	1935 г.	1936 г.	Процент прироста в 1936 г. по отнош.		План 1937 г.	Процент прироста к 1936 г.
				к 1934 г.	к 1935 г.		
Метизы, тыс. т	23	45,6	51,5	121	12,9	79,2	53,8
Пиломатериалы, тыс. м ³	254	306,9	370,2	45	20,6	400	8,1
Цемент, тыс. т	435	457,9	673,8	54	47,0	751	11,5
Кирпич, млн шт.	12,9	25	46	256	84,0	86,2	87,4
Кожаная обувь, тыс. пар	175,0	239,1	357,8	104	49,0	504,7	40,9
Мясо, тыс. т	6	8	13,0	116	62,5	11,6	11,8
Масло, тыс. т	–	5,3	7,8	–	47,2	9,5	21,8

Таблица 7

Выполнение плана промышленностью в 1936 году

Предприятия	Процент выполнения	В млн руб.
Союзная промышленность	92,5	–30,2
Из них предприятий НТП	89	–30,3

Окончание табл. 7

Предприятия	Процент выполнения	В млн руб.
Наркомлес	91,2	-1,8
Наркомпищепром	97,3	-1
Комзаг СНК	100	+2,9
Республиканская промышленность	120,5	+7,5
Областного подчинения	103,2	+1,5
Районного подчинения	51,6	-2,9

В 1936 г. неудовлетворительно работали следующие предприятия союзной промышленности: сланцевые рудники (выполнение плана на 36,9%), завод им. Ленина (81,2%), завод зуборезных станков (89,9%), цементный завод «Большевик» (93%), все предприятия Наркомлеса, Бековский сахарный завод и маслодельная промышленность. Неудовлетворительно работали предприятия областного подчинения, производящие строительные материалы (79%). В промышленности районного значения недовыполнение плана коснулось Хвалынского района (выполнение плана на 10,5%), Сердобского (28,8%), Баландинского (20,1%), Аркадакского (36,6%), Воскресенского (37,5%), Новобурасского (39,1%) и Турковского (на 32,3%)³⁸.

Наряду с недовыполнением плана по выпуску валовой продукции на ряде предприятий союзной промышленности, районного и областного значения в 1936 г. не были выполнены также и качественные показатели. Хотя план выработки на одного рабочего предприятия союзных наркоматов был выполнен в 1936 г. в целом на 103,7%, тем не менее ряд крупных предприятий с этой задачей не справился. Так, сланцевые рудники недовыполнили план на одного рабочего на 39,2%, завод зуборезных станков – на 23, завод им. Ленина – на 16,4, крекинг-завод – на 12,8, цементный завод «Красный Октябрь» – на 9,3%³⁹. Кроме того, на ряде предприятий в 1936 г. наблюдался значительный простой оборудования. Так, на крекинг-заводе простой аппаратуры составлял за год 46 552 станко-часов, на заводе им. Ленина – 6237 тыс. машино-часов⁴⁰. Снижение выработки и простой объяснялись, во-первых, перебоями в снабжении заводов сырьем и полуфабрикатами с других заводов-поставщиков; во-вторых, недостатками в организации труда квалифицированных рабочих; в-третьих, текущей частью кадров; в-четвертых, слабой постановкой дела планово-распределительного ремонта оборудования на предприятиях.

В 1937 г. такое положение в промышленности Саратовской области существенно не изменилось: промышленность союзного подчинения выполнила план на 82,3%, республиканского – на 103,2, областного – на 71,9, а выработка на одного рабочего составила соответственно 81,7, 96,4 и 87% плана⁴¹.

Помимо указанных выше причин на состоянии промышленности отрицательно сказывалось неоднократное повышение заданий и планирование их от достигнутых в предыдущий год результатов без серьезного анализа изменений условий развития экономики. Неслучайно поэтому руководители партии и государства обошли молчанием вопрос о невыполнении плановых заданий второй пятилетки. Об этом не было ничего сказано ни в отчетном докладе ЦК, который делал Сталин, ни в выступлении наркома тяжелой промышленности Кагановича. В докладе председателя СНК СССР В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. отмечалось, что «по некоторым важным отраслям тяжелой индустрии, как чугуна, угля, нефти, план оказался значительно невыполненным»⁴². Однако это утверждение не было конкретизировано. И лишь в докладной записке Кагановича, не предназначенной для печати, были приведены конкретные данные по итогам выполнения пятилетнего плана. Так, в 1937 г., согласно опубликованной статистике, угля было добыто 128 млн т, а согласно записке наркома – 117,6, нефти и газа соответственно 30,82 и 30,38, чугуна – 14,5 и 14,0, стали – 17,7 и 13,7, проката черных металлов – 13,0 и 10,65, цемента – 5,5 и 4,856 млн т и т. д.⁴³

Еще большее расхождение между плановыми заданиями, принятыми в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), и их фактическим выполнением в 1937 г. свидетельствовало как об амбициозности и необоснованности планов, так и о трудностях и проблемах модернизации страны.

Вместе с тем уместно отметить, что рост производства важнейших видов продукции в натуральном выражении за годы второй пятилетки был весьма высоким. Так, добыча каменного угля возросла почти вдвое, чугуна – в 2,5 раза, стали – более чем в 3,3 раза, электроэнергии – в 2,8 раза. В целом объем продукции тяжелой промышленности за годы этой пятилетки возрос в 2,4 раза⁴⁴.

Саратовская область в результате выполнения второй пятилетки резко изменила отраслевую структуру своего хозяйства. Обращает на себя внимание устойчивый рост удельного веса машиностроения и металлообработки: в 1912 г. он составлял 6,7%, в 1926/27 г. – 10,3, в 1937 г.

– 19,6%. В то же время пищевкусовые отрасли производства, хотя и сократились, но составляли в 1937 г. 44,6%⁴⁵.

За годы пятилетки были введены в эксплуатацию крупные предприятия совершенно новых для области отраслей промышленности – крекинг-завод, СарТЭЦ, Бековский сахарный завод, Савельевский сланцевый рудник, завод зуборезных станков и т. п. Капиталовложения в союзно-республиканскую и областную промышленность за пятилетие составили 241,8 млн рублей⁴⁶.

Валовая продукция союзной промышленности увеличилась с 105,6 млн руб. в 1933 г. до 278,0 млн руб. в 1937 г., республиканской – с 18,7 млн руб. до 56,4 млн руб. и областной – с 25,2 млн руб. до 44,6 млн рублей⁴⁷. Промышленность области освоила производство зуборезных станков и сахарного песка, сложных обувных машин и запасных частей для тракторов, добычу сланцев и технологический процесс их сжигания и др. Розничный товароборот за вторую пятилетку увеличился более чем в 2,5 раза: если в 1933 г. он был равен 424,7 млн руб., то в 1937 г. составлял уже 1097,7 млн рублей⁴⁸.

Таким образом, в годы второй пятилетки окончательно утвердилась директивная плановая модель развития страны, предусматривавшая своеобразный экономический рывок с использованием чрезвычайных средств. В такой модели развития главным выступала не плановость как противовес «стихийной капиталистической индустриализации», а централизованность, т. е. сосредоточение в руках государства всех экономических ресурсов, жесткое контролирование их использования.

Советская экономическая модель имела свои институциональные особенности: полное и безраздельное господство государственной собственности, исключение из процесса индустриализации мелкого и среднего производства, отсутствие широкого слоя частного предпринимательства. Возникшая на основе строгой соподчиненности всех своих элементов (в области политики, экономики, идеологии и т. п.) система в период становления обладала прочностью и способностью к мобилизации потенциала страны и народа.

Примечания

- 1 Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 538.
- 2 В 1934 г. Нижне-Волжский край был разделен на Саратовский и Сталинградский края, преобразованные в 1937 г. в области. В состав Сталинградского края входили Калмыцкая автономная область и Астраханский округ.
- 3 См.: Индустриализация Нижнего Поволжья (1926–1941 гг.). Документы и материалы. Волгоград, 1984. С. 171.

- 4 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 131. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
- 5 Там же. Д. 10. Л. 65.
- 6 Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 60; Саратовский рабочий. 1933. 15 июня.
- 7 ГАНИСО. Ф. 131. Оп. 5. Д. 74. Л. 101.
- 8 См.: Правда Саратовского края. 1934. 23 сентября.
- 9 См.: Зотов И. П. Саратовская партийная организация в годы второй пятилетки // Труды СМИ. Т. XXXIII (50) а. Саратов, 1961. С. 15.
- 10 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 17. Л. 37, 46; Саратовский рабочий. 1933. 24 сентября; За ударный крекинг. 1935. 29 августа.
- 11 Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Документы. 1933–1937 гг. Саратов, 1963. С. 206.
- 12 См.: Зотов И. П. Указ. соч. С. 27.
- 13 См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 256. Л. 1, 3–4; Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) краевой партийной конференции Сталинградского и Саратовского краев. С. 64.
- 14 См.: Саратовская область за 70 лет. Саратов, 1987. С. 36.
- 15 Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 32. Д. 546. Л. 19.
- 16 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 175. Л. 78–79, 80–82.
- 17 Там же. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- 18 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 23. Д. 121. Л. 2, 4.
- 19 Там же. Оп. 3. Д. 60. Л. 121.
- 20 Там же. Ф. 7297. Оп. 23. Д. 121. Л. 55.
- 21 См.: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 42. Д. 47. Л. 15.
- 22 Таблица составлена по: ГАСО. Ф. Р-1125. Оп. 4. Д. 867. Л. 56; Саратовская область за 70 лет. С. 35.
- 23 См.: Саратовская область за 70 лет. С. 35.
- 24 Таблица составлена по: ГАСО. Ф. Р-1125. Оп. 4. Д. 867. Л. 203.
- 25 ГАСО. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 413. Л. 56.
- 26 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 51. Д. 331. Л. 63.
- 27 Там же. Д. 278. Л. 22–23.
- 28 Таблица составлена по: ГАСО. Ф. Р-1125. Оп. 4. Д. 867. Л. 56.
- 29 Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. С. 272–273.
- 30 См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 335. Л. 177–178.
- 31 Коммунист. 1935. 4 апреля.
- 32 См.: Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. С. 301.
- 33 Саратовская область за 70 лет. С. 37.
- 34 Там же.
- 35 Таблица составлена по: Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 3696. Л. 5–8, 11–12, 29–30.
- 36 Там же.

- ³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.21. Д. 3696. Л. 5–8, 11–12, 29–30.
- ³⁸ См.: Там же. Л. 5–8.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3696. Л. 7–8.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 555. Л. 1–7.
- ⁴² XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 284.
- ⁴³ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. М., 2010. Ч. II. С. 7.
- ⁴⁴ См.: Там же. С. 8.
- ⁴⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 526. Л. 3–8.
- ⁴⁶ См.: Там же. Д. 12. Л. 1–2.
- ⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.
- ⁴⁸ См.: Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бонцевич Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: bontsevitch@yahoo.com

Буранок Сергей Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, e-mail: witch-king-1@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Гузевич Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук (по истории науки и техники), сотрудник Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований в Париже, e-mail: gouzevit@ehess.fr

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: GumenukAA@rambler.ru

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: kokes@mail.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Королева Оксана Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, e-mail: korolevaov@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Курмакаева Дания Юнировна, аспирантка кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: KurmakavaDY@mail.ru

Куталевский Николай Михайлович, соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: ceame@rambler.ru

Лебедева Анна Алексеевна, аспирантка кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: Lebedevaannas@mail.ru

Лосева Елена Сергеевна, аспирантка кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета, e-mail: es-loseva@mail.ru

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Панин Евгений Валерьевич, аспирант кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: ehonko@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Селезнёв Юрий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, e-mail: orda1359@mail.ru

Сидорова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Саратовского финансово-технологического колледжа, e-mail: sidorova85@mail.ru

Суворов Валерий Владимирович, аспирант кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета, e-mail: valeriy_s@inbox.ru

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Шлыкова Ольга Валерьевна, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, e-mail: shlykova-olga11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boncevich Natalya Nikolaevna, History PhD, assistant professor at the Law and State History chair, Law Department Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: bontsevitch@yahoo.com

Buranok Sergey Olegovich, History PhD, senior lecturer of the chair of General History in the Povolzhsky State socially-humanitarian Academy, e-mail: witch-king-1@mail.ru

Cholakhyan Vachagan Albertovich, History doctor, head of the chair of the Russian civilization, and methods of teaching history in the Institute of History and International Relations of the Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Gouzévitch Dmitri, ingénieur d'études, Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC), L'École des hautes études en sciences sociales (EHESS), Paris, e-mail: gouzevit@ehess.fr

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, History PhD, assistant professor of the chair of Historiography, Regional history and archaeology in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kim Igor Kondtantinovich, History PhD, assistant professor of the chair of World History of Volgograd State Pedagogical University, e-mail: kokes@mail.ru

Kiyasov Sergey Evgenievich. Dr. Sc. (Hist.), Professor of Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations, Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Koroleva Oksana Vladislavovna, History Ph.D, assistant professor at Tourism and Cultural Heritage chairs in the Institute of History and International Relations, Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: korolevaov@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, History PhD, assistant professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the Institute of History and International Relation of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Kurmakaeva Daniya Yunirovna, the postgraduate student of the chair of Russian civilization and methods of teaching History in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: KurmakaevaDY@mail.ru

Kutalevsky Nikolai Mikhailovich, Competitor of the degree of

History PhD, Department of History of Russia of the Orenburg State Pedagogical University, e-mail: ceame@rambler.ru

Lebedeva Anna Alekseevna, First-year graduate student of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Lebedevaannas@mail.ru

Loseva Elena Sergeevna, the post-graduate student of chair of cultural science the Saratov State Technical University, e-mail: esloseva@mail.ru

Lukonin Dmitri Eugenyevich, History PhD, assistant professor of the chair of Tourism and Cultural Heritage in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Panin Eugeny Valerievich., a post-graduate student of the 3-rd year of training of the Department of National history of the XX-th century of Historical faculty of M. V. Lomonosov Moscow State University. E-mail: ehonko@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, the assistant of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of the Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru.

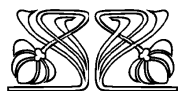
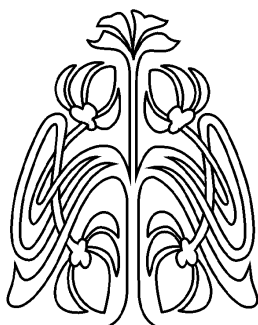
Seleznev Yuriy Vassilyevich, History PhD, assistant professor of the History of Russia chair of Voronezh State University, e-mail: orda1359@mail.ru

Sidorova Nataliya Igorevna – History PhD, teacher of chair of the Humanities of Saratov financial-technological college, e-mail: sidorova85@mail.ru

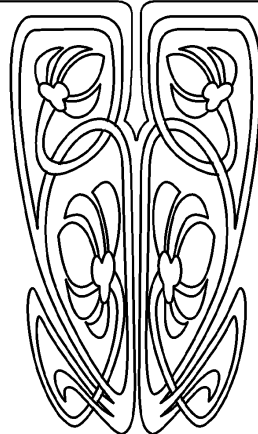
Suvorov Valeri Vladimirovich, a postgraduate student of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University, e-mail: valeriy s@inbox.ru

Shlykova Olga Valerievna, Assistant Chair «Social and Human Sciences» of the Vavilov Saratov State Agrarian University, e-mail: shlykova-olga11@mail.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich. History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: ybartho@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.